

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 СЕНТЯБРЯ 2017 Г.

В ПЯТИ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ 1

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 сентября 2017 г.

В пяти частях
Часть I

Белгород
2017

УДК 001
ББК 72
С 69

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибов Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

С 69 **Социально-гуманитарные проблемы современности** : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2017 г.: в 5 ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Часть I. – 144 с.

ISBN 978-5-6040021-1-7
ISBN 978-5-6040021-2-4 (Часть I)

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные проблемы современности», состоявшейся 30 сентября 2017 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы данной части сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам развития социально-гуманитарных наук.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли научное рецензирование (экспертную оценку) членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Баджак Мелике, Баджак Сатылмыш</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	6
<i>Боковели О.С., Кузнецова С.В.</i> ХОЛОКОСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ СЕМЕНА ЛИПКИНА	15
<i>Букетова Н.И.</i> МЕТАЯЗЫК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ	20
<i>Букетова Н.И.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХЕТИП КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА	23
<i>Газдарова А.Х., Тандуева Л.Ю., Царитова К.В.</i> СИСТЕМА ОБРАЗОВ ЭПОСА В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ	26
<i>Газдарова А.Х., Тандуева Л.Ю., Царитова К.В.</i> СОН – ВЕЧНЫЙ ИНТЕРЕС ЧЕЛОВЕКА	30
<i>Галиева Д.А.</i> МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОСНОВЫ СЛОВА	34
<i>Гусейнова Х.К.</i> О МЕСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	37
<i>Гусейнова Х.К.</i> ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА	40
<i>Донцова А.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА КАК ОСОБЫЙ ТИП ПРЕДЕЛЬНО ПСИХОЛОГИЗИРОВАННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ	43
<i>Иманмагомедова Э.А.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ	46
<i>Иманмагомедова Э.А.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	50
<i>Орлова М.В.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СМИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ	53
<i>Павловская И.Г.</i> ДВОИЧНОСТЬ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО	59
<i>Пропадеева Е.Н.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАССКАЗОВ И.А. БУНИНА С ПОМОЩЬЮ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ	62

Сангаджиева А.А., Сарангаева Ж.Н. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В РУССКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ).....	67
Свинцова И.Ю. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	69
Соколовская Ж.В., Коновалова Д.В. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	73
Суровикин С.Н., Чикина К.В., Нелис Л.И. ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ	76
Тупикова С.Е., Шиханова В.А. «СПАНГЛИШ» КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	78
Шабашова В.В. ПОНЯТИЕ «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ» В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	82
СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ»	85
Абрамова А.Г. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	85
Аникина Н.А., Дациева В.В. ИМУЩЕСТВЕННЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ.....	90
Борисова Т.В., Мяжких С.А. ТЕОРИЯ ГРАФОВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ.....	93
Буцукина И.Г. СКОРИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	96
Грибановская С.В. О РОЛИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В УКРУПНЕНИИ БИЗНЕСА	100
Драмарецкая Я.В. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ.....	104
Дьякова О.О. РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНОЙ АМОРТИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	107
Ершова А.А. ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ	110
Игнатъева О.А., Батталова А.Р., Васильев В.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ	113
Пиль Э.А. ВЛИЯНИЕ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ НА ОБЛАСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП.....	116
Пиль Э.А. ОБЛАСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП ПРИ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ.....	120

Пиль Э.А.	
ПОСТРОЕНИЕ ОБЛАСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП ПРИ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ.....	124
Саркисова Р.А., Овчинникова Е.А.	
ФИНАНСИРОВАНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ.....	128
Скубакова Д.Г., Акишина А.Е., Аракелова Е.В.	
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА.....	130
Ульянина А.С.	
ОЦЕНКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ВО ВКЛАДЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	134
Хорюков Н.С.	
АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	138
Ярашева А.В.	
ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ.....	141

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Баджак Сатылмыш

кандидат филологических наук,
Международный университет Ала-Тоо, Кыргызстан, г. Бишкек

Баджак Мелике

аспирант, Бишкекский гуманитарный университет, Кыргызстан, г. Бишкек

Данная статья посвящается анализу происхождения и источника долгих гласных звуков в монгольском языке. По классификации известного лингвиста-востоковеда Н. Поппе в монгольском языке насчитывается восемь долгих гласных, из них – а, аа, ы, ыы, о, оо, у, уу – заднего ряда и открытые, остальные э, ээ, и, ии, ө, өө, ү, үү – переднего ряда и закрытые (Рорре, 1960: 148). В статье также рассматривается то, на каком уровне сохранены долгие гласные в монгольских языках. Изучение происхождения долгих гласных в монгольских языках в различных аспектах уже долгое время привлекает внимание многих исследователей в области лингвистики. Однако новые исследования и научные рассуждения ученых объективно ставят новые задачи как теоретического, так и практического плана изучения долгих гласных в монгольских языках.

Ключевые слова: монгольские языки, гласные, долгие гласные, фонетические явления, фонетические изменения.

По классификации известного лингвиста-востоковеда Н. Поппе насчитывается восемь долгих гласных в монгольском языке, из них – а, аа, ы, ыы, о, оо, у, уу – заднего ряда и открытые, остальные -э, ээ, и, ии, ө, өө, ү, үү – переднего ряда и закрытые (Рорре, 1960: 148).

Выдающийся финский тюрколог А. Рясянен отмечает, что «первичные» долгие гласные существовали в праалтайском языке, однако немного позже произошел процесс сокращения долготы звуков монгольского языка и при тщательном изучении диалектов тунгусского языка можно восполнить пробелы с изучением «первичных» долгих гласных фонем праалтайского языка. Японские ученые, такие как Масаёси Номура и Широ Хаттори отмечают наличие в монгольских языках долгих гласных, в частности в монгорском языке. Они полагают что явление долготы звуков отражает праисторическую особенность монгольских языков. По мнению алтаиста Н. Поппе долгие гласные фонемы монгольского и даурского языков по лингвистическим признакам совпадают с долгими гласными якутского и туркменского языков. Таким образом, ученый приходит к выводу, что долгие гласные фонемы праалтайского языка сохранились в монгорском и даурском языках (Tekin 1975: 167-168).

Известный французский востоковед П. Пеллио рассматривая примеры *өбер, тогусун, дабусун* (монг.), *өз, тоз, туз* (тур.) признал состоятельность теории сокращения долготы звуков с течением времени. Алтаист немецкого происхождения К. Менгес также изучая проблемы долгих гласных в древнетюркском языке, приходит к выводу что долгие гласные тюркских и монгольских языков в алтайском языковом пространстве не совпадают. По мнению К. Менгеса в праалтайском языке структура слов состояла из двух слогов. Такие двуслоговые формы превратились в однослоговые формы. Однослоговые слова с долгими гласными в тюркских языках

по структуре совпадают с двуслоговыми словами монгольского языка. Например: (тюрк.) **күүч* – (монг.) *күчү(ң)*; (тюрк.) **көөк* – (монг.) *көке* (Tekin 1995: 9-37). Не взирая на столетние исследования проблем «первичных» долгих гласных фонем в тюркских и монгольских языках, вопрос все еще остается открытым. Особенно все еще не составлена точная и правильная таблица «первичных» долгих гласных в историческом развитии тюркских языков.

Ученые полагают что следующие лингвистические явления послужили причиной возникновения «первичных» долгих гласных фонем (Tekin 1995: 9-37):

1. Элизия (отпадение звука (гласного, согласного или слога) в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего). Например: (тюрк.): *мооз* – (совр. монг.): *могосун*. (Radloff, Grønbech, Ligeti).

2. Ударение. Например: *ám – aam – aad // am' – am' – am'* (Neméth).

3. Наличие долгих гласных фонем. Например: (тюрк.): *күүч* – (монг.): *күчү(ң)*; (тюрк.): *көөк*– (монг.): *көке*– (чув.): *кйвак* – (якут): *күөх* – (туркм.): *гөк < көк*) (Menges).

4. Наличие парных гласных фонем. Например: тюрк.. *баар* – **байр*) (Biyiřev).

5. Наличие сонорных звуков. Например: *ám -aam – aad / am' – am' – am'* (Şerbak).

В данной статье рассматриваются пути происхождения долгих гласных в лексических параллелях монгольского, кыргызского и турецкого языков на основе фактических материалов.

1. «Первичные» долгие гласные в монгольских языках. В работе «Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler» («Первичные» долгие гласные в тюркских языках) Талата Текина (Talat Tekin) анализируются «первичные» долгие гласные в монгольских языках.

Например:

1. Монгурский говор: *аага* (брат отца) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *ах* (брат, дядя) [Ersoy, 2008: 492], *агаа* [Ersoy, 2008: 483] – классический монгольский язык: *ақа* (брат, дядя) [Porre, 1960: 55] – среднемонгольский язык: *ага* [Clauson, 1993: 227] – древнетюркский язык: *ага* (брат) [Clauson, 1993: 227].

2. Афганский говор монгольского языка: *чаасун* (снег) (Tekin 1975: 169-170) – классический монгольский язык: *часун* (снег) [Porre, 1960: 97].

3. Монгольский язык: *даалу* (лопатка) (Tekin 1975: 169-170) –современный монгольский язык: *дал* (лопатка) [Сыдыков, 1983: 40] – классический монгольский язык: *далу* (лопаточная кость) [Porre, 1960: 97, 129] – среднетюркский язык: *яал* (грива у лошади) [Tuna, 1973: 306-307].

4. Афганский говор монгольского языка: *таалаа* (грабить) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *тала* (грабить) [Ersoy, 2008: 560] – классический монгольский язык: *тала*- [Kaçalin, 2012: 212]) – среднемонгольский: *тала* (грабить) [Ersoy, 2008: 560].

5. Афганский говор монгольского языка: *таани* (знать) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *тани* (знать, знакомиться) [Ersoy, 2008: 560] – классический монгольский язык: *тани* [Ersoy, 2008: 560]) – древнетюркский: *таны* (знать) [Clauson, 1993: 228].

6. Монгурский говор: *йаара* (рана) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *яр* (рана) [Ersoy, 2008: 529] – классический монгольский язык: *яра* (рана) [Kaçalin, 2012: 213].

7. Монгурский говор: *ооли* (быть) (Tekin 1975: 169-170) –современный монгольский язык: *боло* (быть, измениться, появиться) [Ersoy, 2008: 501] – классический монгольский язык: *бол* (быть) [Porre, 1960: 99] – древнетюркский язык: *бол* (быть) [Porre, 1960: 99].

8. Афганский говор монгольского языка: *доолыйа / доолуга* (облизывать) [Tekin 1975: 169-170] – классический монгольский язык: *долия* [Porre, 1960: 22, 74, 96, 129] – древнетюркский язык: *ялга- / ялқа* (облизывать) [Porre, 1960: 22, 74, 96, 129].

9. Афганский говор монгольского языка: *аайаа* (шить) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *аюу* (бояться, пугаться) [Ersoy, 2008: 485] – классический монгольский язык: *аю* (бояться) [Porre, 1960: 66] – среднемонгольский язык: *аю* (пугать) [Porre, 1960: 66] – среднетюркский язык: *ая* (жалеть) [Ersoy, 2008: 485].

10. Среднемонгольский язык: *хоочин* (искра) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *оч* (искра) [Ersoy, 2008: 545] – классический монгольский язык: *очи* (искра) [Porre, 1960: 49, 99] – среднемонгольский язык: *одчигин* (Имя, принц огня) [Porre, 1960: 49, 99] – древнетюркский язык: среднетюркский язык: *от* (огонь, пламя) [Porre, 1960: 49, 99].

11. Среднемонгольский язык: *хоой* (лес, заповедник) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *ойс* (пустота в груди) [Ersoy, 2008: 545] – классический монгольский язык: *ойс* [Ersoy, 2008: 545] – древнетюркский язык: *ой* (паз, углубление) [Ersoy, 2008: 545].

12. Афганский говор монгольского языка: *тоор* (сеть) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *тор* (клетка, сеть, капкан) [Ersoy, 2008: 565] – классический монгольский язык: *тоур* [Ersoy, 2008: 565] – среднемонгольский язык: *тор* (капкан, ловушка, клетка) [Ersoy, 2008: 565].

13. Афганский говор монгольского языка: *кыырга* (стричь волосы) (Tekin 1975: 169-170) – современный монг. язык: *хярга* (стричь, резать, кроить) [Ersoy, 2008: 533] – классический монгольский язык: *киргa* (стричь, стричь волосы) [Porre, 1960: 20, 115, 122]) – древнетюркский язык: *кырк* [Ersoy, 2008: 533].

14. Афганский говор монгольского языка: *дээл* (грива) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *дел* (грива) [Ersoy, 2008: 517] – классический монгольский язык: *дел* (грива) [Porre, 1960: 22, 75, 106] – среднемонгольский язык: *дел* (грива) [Clauson, 1993: 224-б.] – древнетюркский язык: *йил -йёл- дёл* (грива) [Porre, 1960: 22, 75, 106].

15. Монгурский говор: *кээйи* (жевать) (Tekin 1975: 169-170) – классический монгольский язык: *кеби* (жевать) [Porre, 1960: 20, 46, 135] – среднетюркский язык: *кеуше* (жевать) [Ersoy, 2008: 530].

16. Афганский говор монгольского языка: *кээб* (модель, образец) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *хев* (форма, шаблон, образец) [Ersoy, 2008: 529] – классический монгольский язык: *кеб* (вид, форма, шаблон, образец) [Porre, 1960: 106] – среднемонгольский язык: *киб* [Clauson, 1993: 226]) – древнетюркский язык: *киб* (шелковая одежда) [Clauson, 1993: 226].

17. Монгурский говор: *диээрaн* (четыре) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *дөрөв* [Ersoy, 2008: 518] – *дөрбен* [Porre, 1960: 110]) – древнетюркский язык: *төрт* (четыре) [Porre, 1960: 110].

18. Монгурский говор: *оосе* (расти, увеличиваться) – **өөсе* (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *өсө* (расти, увеличиваться)

[Ersoy, 2008: 548] – классический монгольский язык: *өс* (расти, увеличиваться, умножаться) [Porre, 1960: 108] – среднемонгольский язык: *өс* (расти, увеличиваться) [Porre, 1960: 108]).

19. Калмыцкий язык: *сөөн* (ночь) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *сөнө* (погибать, умереть, затухание, гасить огонь) [Ersoy, 2008: 557] – классический монгольский язык: *сөни* (ночь) [Porre, 1960: 70, 109] – среднемонгольский язык: *сөни* (ночь) [Porre, 1960: 70, 109]) – древнетюркский язык: *сөн* (гаситься) [Ersoy, 2008: 557].

20. Афганский говор монгольского языка: *чуучали* (вальдшнеп) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *цууцаль* (вальдшнеп) [Ersoy, 2008: 514] – классический монгольский язык: *чуучали* (вальдшнеп) [Ersoy, 2008: 514].

21. Монгурский говор: *пиулиэ* (дуть) (Tekin 1975: 169-170) – современный монгольский язык: *үлээх* (дуть) [Сыдыков, 1983: 76].

22. Монгурский говор: *куоли* (соединять) (Tekin 1975: 169-170).

23. Афганский говор монгольского языка: *үүр* (рассвет, утро) (Tekin 1975: 169-170).

24. Монгурский говор: *дзиори* (точить, рубить) (Tekin 1975: 169-170).

25. Афганский говор монгольского языка: *коора* (ущерб, вред, ревность, обида) (Tekin 1975: 169-170).

2. “Вторичные” долгие гласные в монгольских языках

“Вторичные” долгие гласные в монгольском языке образуются в результате звуковых изменений в структуре *C+VV*. Процесс образования вторичных долгих гласных затрагивает некоторые фонетические изменения, связанные с позицией звука в середине и конце слова. В монгольском языке «вторичные» долгие гласные проявляются следующим образом:

В середине слова: *VCV*

В конце слова: *VC*.

2.1. Структура слова: /n/ > ~ /б/ ~ /м/ > /в/ > ~ /w/ > долгий гласный звук

В потоке речи артикуляция звуков в зависимости от различных факторов меняется (*взрывной* > *щелевой*; *глухой* > *звонкий*; *шумный* > *сонорный*). Например: древнетюркский язык: *суб* – *суw* – *суй* – кырг. *суу* – турецкий: *су* (Gemalmaz, 1999: 8). Процесс образования вторичных долгих затронул согласные звуки (/n/ > ~ /б/ ~ /м/). Согласно этой теории, глухой согласный /n/ меняется на звонкий /б/, затем взрывной /б/ при закругленных гласных превратился в сонорный /w/, а при незакругленных гласных в щелевой /в/, затем шумной /в/ изменился на сонорный /w/. На последней стадии сонорный /w/ превратился в гласный звук.

Например:

1. Современный монгольский язык: *заар’* (аромат) [Ersoy, 2008: 584] – классический монгольский язык: *жигар* (аромат) [Ersoy, 2008: 584], *жагар* [Ersoy, 2008: 584] – среднемонгольский язык: *жа’ар* (аромат) [Porre, 1960: 47, 80, 123]) – древнетюркский язык: *йынар* (аромат) [Porre, 1960: 47, 80, 123], *йынаар* (аромат) [Clauson, 1993: 223-б.].

2. Современный монгольский язык: *шүүр* (веник, косилка, щетка, фильтр, сито, расческа) [Ersoy, 2008: 553] – классический монгольский язык: *шигүр* (веник) [Porre, 1960: 30, 47, 116, 133] – среднемонгольский язык: *ши’үрге* [Clauson, 1993: 225] – древнетюркский язык: *сүпүргээ* (веник) [Clauson, 1993: 225].

3. Современный монгольский язык: *хуур* (скрипка) [Ersoy, 2008: 581] – классический монгольский язык: *ху’ур* (скрипка) [Porre, 1960: 18, 48, 82, 131] – сред-

немонгольский язык: *қу'урда'ул* (играть на струнном музыкальном инструменте) [Porre, 1960: 18, 48, 82, 131] – древнетюркский язык: *кобуз* (струнный инструмент) [Ersoy, 2008: 596].

4. Современный монгольский язык: *хаа* (закрывать) [Ersoy, 2008: 573] – классический монгольский язык: *хага* [Ersoy, 2008: 573] – турецкий язык: *кана* (закрывать).

5. Современный монгольский язык: *даахь* (запутанный, копна, кудрявые волосы) [Ersoy, 2008: 515] – классический монгольский язык: *дагаки* (весенняя шерсть) [Porre, 1960: 47, 123] – среднемонгольский язык: *янгут* (шерстяное одеяло) [Ersoy, 2008: 515-б.];

6. Современный монгольский язык: *хөөрөг* [Ersoy, 2008: 535] – классический монгольский язык: *көгерге* [Ersoy, 2008: 535] – среднемонгольский язык: *көгерге* (мост) [Porre, 1960: 48, 80, 127] – древнетюркский язык: *көпрук* (мост) [Clauson, 1993: 224].

7. Современный монгольский язык: *хөөрөг* (кузнечный мех) [Ersoy, 2008: 535, 599] – классический монгольский язык: *көгерге* [Ersoy, 2008: 535] среднемонгольский язык: *көрге* (барабан) [Clauson, 1993: 225]) – древнетюркский язык: *көвруг* (большой барабан) [Clauson, 1993: 225].

По мнению специалиста по алтайским языкам Н. Поппе элементами первичного уровня звуков *г*, *з* являются звуки */*n/* жана */*б/*, посредством звука */*w/*, они изменились на *г*, *з*. Как отмечает Н. Поппе, при классификации звуков монгольского языка была допущена ошибочная трактовка о том, что губной звук */*w/* превратился в *г*. В прамонгольском языке согласные */*n/* жана */*б/* изменились на */*w/*. в положении между губными и открытыми гласными. С другой стороны, согласные звуки */*n/* и */*б/* перед долгими гласными образуют звонкий и фрикативный (щелевой) */w/*. Потому что данный звук лабиализовался и этот звук указан как */з/* на стадии становления письменности монгольского языка. Таким образом звонкие согласные */*n/*, */*б/* и */з/* перемешались [Porre, 1960: 42, 43, 46-б].

В следующих (в первом примере) примерах указаны как в современном и классическом монгольском языках звук */б/* изменился на долгий (*у*) посредством звуков */в*, *w/*. Как отмечено выше на первой стадии взрывной */б/* превратился в щелевой */в/*, затем шумной */в/* изменился на сонорный */w/*. В последнем примере указано как ошибочно трактовалось что губной звук */*w/* превратился в *г*.

1. Современный монгольский язык: *цуу* (грохот, шум, взрыв, шум, гам) [Ersoy, 2008: 514] – классический монгольский язык: *чуу* (эхо) [Ersoy, 2008: 514], *чав* (эхо) [Porre, 1960: 44]) – древнетюркский язык: *чаб* (голос, слава) [Porre, 1960: 44].

2. Современный монгольский язык: *туулай* (заяц) [Ersoy, 2008: 562] – классический монгольский язык: *таулай* (заяц) [Ersoy, 2008: 562], *таулаи* (заяц) [Porre, 1960: 13, 44, 77, 89 – среднемонгольский язык: *таулаи* (заяц) [Clauson, 1993: 223], *таулаи* [Porre, 1960: 13, 44, 77, 89]) – древнетюркский язык: *тавышган* (заяц) [Clauson, 1993: 223].

3. Современный монгольский язык: *хоосон* (вакуум, пустота, пространство, космос) [Ersoy, 2008: 578] – классический монгольский язык: *хогусун* [Ersoy, 2008: 578], *қобугур* (освободиться от пустоты) [Kaçalin, 2012: 212]) – среднетюркский язык: *ковук* (полость, углубление) [Ersoy, 2008: 578], *ковук* (полость, углубление) [Ersoy, 2008: 578].

4. Современный монгольский язык: *гургуул* (фазан) [Сыдыков, 1983: 51] – класс. монг. *гургуул* (фазан) [Kaçalin, 2012: 209, 210] – кырг. (кыргыз тили): *кыргол* (фазан) – турецкий язык: *кыркавул* (фазан) (Eren, 181).

5. Современный монгольский язык: *өөг* (гора, кипа) [Ersoy, 2008: 547] – классический монгольский язык: *өгег* [Ersoy, 2008: 547] – турецкий язык: *өбек* (гора, корона, скирд, грива у птиц, масса, кипа, грудa; грудa камней) [Ersoy, 2008: 547].

2.2. Структура слова: $\kappa > \sim \varepsilon > \varepsilon$ > монгольский долгий гласный

Звук ε «первичной» степени в словах с широкими гласными транскрибируется как $/\kappa/ > \sim /i/ (\dot{g})$, а в словах с узкими гласными как $/\kappa/ > \sim /z/$. В данном подразделении процесс образования долготы затронул согласные звуки ($/\kappa (\kappa)/ > \sim /z/ (\dot{r})$), где основным источником образования долгих гласных являются звуки $/z/ \sim /i/ (\dot{g})$.

В потоке речи артикуляция звуков в зависимости от различных факторов изменяется (*взрывной* > *щелевой*; *глухой* > *звонкий*; *шумный* > *сонорный*). Например: древнетюркский язык: *тар+ы-г+лаг* > кырг. *талаа* (поле) (Gemalmaz, 1999: 8). Согласно этой теории, глухой согласный $/\kappa/$ меняется на звонкий $/i/ (\dot{g})$, $/z/$, затем $/z/$ при незакругленных гласных превратился в щелевой, звонкий $/z/$ а при закругленных гласных в щелевой, звонкий $/w/$, на последней стадии звонкие $/z/$, $/w/$ превратились в долгий звук.

Например:

1. Современный монгольский язык: *араа* (коренные зубы, зубчатое колесо, зубцы точилки) [Ersoy, 2008: 490] – классический монгольский язык: *арага* (зубы собаки) [Porre, 1960: 81, 94, 122] – среднемонгольский язык: *ара'а* (коренные зубы) [Porre, 1960: 81, 94, 122] – древнетюркский язык: *азыг* (коренные зубы) [Porre, 1960: 81, 94, 122].

2. Современный монгольский язык: *бороо(н)* (дождь) [Ersoy, 2008: 501] – классический монгольский язык: *бороган* (дождь) [Porre, 1960: 21, 79] – кыргызский язык: *бороон* (дождь).

3. Современный монгольский язык: *бөөс(өн)* (вши) [Ersoy, 2008: 502] – классический монгольский язык: *бөгесү(н)* [Ersoy, 2008: 502] – среднемонгольский язык: *бөг* (вид пауков, вши) [Ersoy, 2008: 502].

4. Современный монгольский язык: *боо* (связать, перекрывать, вешать, повязать) [Ersoy, 2008: 500] – классический монгольский язык: *бого-* (повязать) [Porre, 1960: 21, 123, 139] – среднемонгольский язык: *бо'о* (перекрывать дорогу) [Porre, 1960: 21, 123, 139] – древнетюркский язык: *бог* (повязать) [Porre, 1960: 21, 123, 139];

5. Современный монгольский язык: *будаа* (зерно, обработанное зерно, просо, пшено, пюре, обработанная пшеница, еда) [Ersoy, 2008: 503] – классический монгольский язык: *будаг-а(н)* [Ersoy, 2008: 503] – среднемонгольский язык: *бу'удааи* [Clauson, 1993: 222] – древнетюркский язык: *бугдаай* (пшеница) [Clauson, 1993: 222].

6. Современный монгольский язык: *буур* (верблюд-производитель) [Ersoy, 2008: 500, 504] – классический монгольский язык: *бугура* [Ersoy, 2008: 500, 504] – среднетюркский язык: *бугра* (самец животных, верблюд-производитель) [Ersoy, 2008: 500, 504].

7. Современный монгольский язык: *темээ* (верблюд, слон в шахмате) [Ersoy, 2008: 563] – классический монгольский язык: *темеге(н)* [Kaçalin, 2012: 213] – среднемонгольский язык: *темейен* [Clauson, 1993: 223] – древнетюркский язык: *тевей* (верблюд) [Clauson, 1993: 223].

8. Современный монгольский язык: *зуура* (месить, мять, перемешивать, размешивать, избивать) [Ersoy, 2008: 587] – классический монгольский язык: *жигура* [Ersoy, 2008: 587]) – среднетюркский язык: *ёгур* [Ersoy, 2008: 587].

9. Современный монгольский язык: *нөө* (собирать, использовать рационально, хранить, копить) [Ersoy, 2008: 544] – классический монгольский язык: *нөге* [Ersoy, 2008: 544]-среднетюркский язык: *йыг* (собирать, копить, хранить) [Ersoy, 2008: 544].

10. Современный монгольский язык: *дулаа(н)* (горячий, жаркий) [Ersoy, 2008: 519] – классический монгольский язык: *дулаган* (жаркий) [Porre, 1960: 23, 75] – среднемонгольский язык: *дула'ан* (жаркий) [Porre, 1960: 23, 75]) – среднетюркский язык: *йылыг* (жаркий) [Porre, 1960: 23, 75].

11. Современный монгольский язык: *ээре* (вращаться, превратиться, обернуться, прясть, вить) [Ersoy, 2008: 521] – классический монгольский язык: *эгере* [Ersoy, 2008: 521]) – среднетюркский язык: *эгир* (направлять, превращать, прясть, вить) [Ersoy, 2008: 521].

12. Современный монгольский язык: *зүү(н)* (веретено, игла) [Ersoy, 2008: 587] – классический монгольский язык: *жегүү* [Ersoy, 2008: 587] – среднемонгольский язык: *жө'ун* [Clauson, 1993: 225]) – древнетюркский язык: *йигне* [Clauson, 1993: 225].

13. Современный монгольский язык: *үнээ* [Ersoy, 2008: 584] – классический монгольский язык: *үнийен* (корова) [Porre, 1960: 62, 141] – среднемонгольский язык: *үне'ен* [Clauson, 1993: 223] – древнетюркский язык: *ингек* [Clauson, 1993: 223].

14. Современный монгольский язык: *хаан* (правитель, король, падишах, император, царь) [Ersoy, 2008: 573] – классический монгольский язык: *хаган* [Ersoy, 2008: 573], *қаган* (царь) [Kaçalin, 2012: 211] – среднемонгольский язык: *гаган* [Clauson, 1993: 227]) – древнетюркский язык: *қаған* [Clauson, 1993: 227].

15. Современный монгольский язык: *херээ(н)* (ворон) [Ersoy, 2008: 532] – классический монгольский язык: *керий-е(н)* [Ersoy, 2008: 532] – среднемонгольский язык: *харга* [Ersoy, 2008: 595]) – древнетюркский язык: *карга* [Ersoy, 2008: 595].

16. Современный монгольский язык: *хараа* (проклинать, ругать, бранить, ворожить, колдовать) [Ersoy, 2008: 576] – классический монгольский язык: *хария* [Ersoy, 2008: 576, 595] – древнетюркский язык: *карга* [Ersoy, 2008: 595].

17. Современный монгольский язык: *хатуу* (жесткий, крепкий; прочный, устойчивый, плотный) [Ersoy, 2008: 578] классический монгольский язык: *катагу* (серт) [Porre, 1960: 50] – древнетюркский язык: *катыг* (кату, бышык) [Clauson, 1993: 229].

18. Современный монгольский язык: *хомоол* [Ersoy, 2008: 579] – классический монгольский язык: *хомугул* [Ersoy, 2008: 579]- среднетюркский язык: *комук* [Ersoy, 2008: 579].

19. Современный монгольский язык: *хуура* [Ersoy, 2008: 573] – классический монгольский язык: *қағур* (жарить) [Porre, 1960: 48, 131] – среднемонгольский язык: *ха'ур* [Ersoy, 2008: 595]- древнетюркский язык: *кагур/кавыр* [Ersoy, 2008: 595].

20. Современный монгольский язык: *хуурай* [Ersoy, 2008: 573] – классический монгольский язык: *хагурай* [Ersoy, 2008: 573] – среднетюркский язык: *куруг* (сухой, без оснований) [Ersoy, 2008: 573].

21. Современный монгольский язык: *хяруу* (иней) [Ersoy, 2008: 541] – классический монгольский язык: *кирагу(н)* [Ersoy, 2008: 541] – среднемонгольский

язык: *кира'у* [Clauson, 1993: 220]) – древнетюркский язык: *қырағу* [Clauson, 1993: 220].

22. Современный монгольский язык: *бярүү* (двухгодовалый теленок) [Ersoy, 2008: 500] – классический монгольский язык: *бирагу* (двухгодовалый или годовалый теленок) [Porre, 1960: 21, 60, 81, 131, 146] – среднемонгольский язык: *бура'у* (теленок) [Porre, 1960: 21, 60, 81, 131, 146]) – древнетюркский язык: *бузагу* (теленка) [Ersoy, 2008: 500].

23. Современный монгольский язык: *уурс* (вес, достояние, имущество, богатство) [Ersoy, 2008: 484] – классический монгольский язык: *агурасу(н)* [Ersoy, 2008: 484] – среднетюркский язык: *агыр* (весомый, ценный, драгоценный) [Ersoy, 2008: 484].

24. Классический монгольский язык: *өөд* (высокий) [Сыдыков, 1983: 74], *өгедэ* (высокий, верхний, наверху) [Porre, 1960: 60, 107] – среднемонгольский язык: *ө'едэ* (вверх, наверху) [Porre, 1960: 60]) – среднетюркский язык: *өг* (хвалить, возвышать, согласиться) [Porre, 1960: 107-б.].

25. Современный монгольский язык: *саа-* [Ersoy, 2008: 548] – классический монгольский язык: *сага-* [Kačalin, 2012: 212] – среднемонгольский язык: *са'а-* / *са-* [Porre, 1960: 29, 59, 122] – среднетюркский язык: *саг* [Ersoy, 2008: 548].

26. Современный монгольский язык: *саадаг* – классический монгольский язык: *сагадаг* (кобура, чехол) [Kačalin, 2012: 212] – кыргызский язык: *саадак* (небольшая сумка, чехол для ношения личного огнестрельного оружия, чаще всего пистолета, револьвера).

27. Современный монгольский язык: *саал* (дойная корова, дойное животное, дойный верблюд) [Ersoy, 2008: 548], *саамал* (дойный, удойный) [Ersoy, 2008: 548] – классический монгольский язык: *сагамал* [Ersoy, 2008: 548]) – среднетюркский язык: *саг* (доить), *сагын*(дойный) [Ersoy, 2008: 548].

28. Современный монгольский язык: *серүүн* (прохладный, свежий, умеренный) [Ersoy, 2008: 551] – классический монгольский язык: *серигүн* (легкий, прохладный, свежий воздух, живой, стеснительный) [Ersoy, 2008: 551]) – кыргызский язык: *серүүн* – турецкий язык: *серин* (прохладный, свежий, тепловатый, умеренный, свежий воздух).

29. Современный монгольский язык: *таар* [Gülensoy, 1974: 235-259], *таарцаг* (карман, барсетка, сумка, кошелек) [Ersoy, 2008: 559] – классический монгольский язык: *тагарчуг* [Ersoy, 2008: 559], *дагари* (мешок) [Kačalin, 2012: 209]) – древнетюркский язык: *тагар* (сумка, барсетка, дерюга) [Ersoy, 2008: 559].

30. Современный монгольский язык: *тоодог* (дрофа) [Сыдыков, 1983: 51] – классический монгольский язык: *тогудаг* (дрофа, дудак) [Kačalin, 2012: 213] – среднемонгольский язык: *тогдай* [Ersoy, 2008: 597] – древнетюркский язык: **тогдак* (дрофа, дудак) [Ersoy, 2008: 597].

31. Классический монгольский язык: *туу* (родиться, появиться) [Ersoy, 2008: 567] – кыргызский язык: *туу* (стяг)- древнетюркский язык: *тог* – [Ersoy, 2008: 567].

32. Современный монгольский язык: *дуулга* – классический монгольский язык: *дуулга* (шлем, каска) [Kačalin, 2012: 209] – среднемонгольский язык: *да'улга* [Tuna, 1973: 307-308]) – кыргызский язык: *туулга*.

33. Современный монгольский язык: *тушаа* (пути) [Ersoy, 2008: 567] – классический монгольский язык: *тушаг* [Ersoy, 2008: 597] – среднемонгольский язык: *тушага* [Ersoy, 2008: 597]) – древнетюркский язык: *тушаг* [Ersoy, 2008: 597].

34. Современный монгольский язык: *улаа* (почтовые лошади, спортивные лошади) [Ersoy, 2008: 569] – классический монгольский язык: *улаг-а(н)* (спортивные лошади) [Ersoy, 2008: 569; Kaçalin, 2012: 213] – среднемонгольский язык: *улага* (боевой конь) [Ersoy, 2008: 597] – древнетюркский язык: *улаг* [Ersoy, 2008: 597].

35. Современный монгольский язык: *аарц* (творог, осадок при вытопке масла) [Ersoy, 2008: 484] – классический монгольский язык: *агарча(н)* [Ersoy, 2008: 484] – среднемонгольский язык: *агуз* [Ersoy, 2008: 594] – среднетюркский язык: *агуз* [Ersoy, 2008: 484].

36. Современный монгольский язык: *чиирег* – классический монгольский язык: *чигираг* (плотный, тугой, тесный) [Porre, 1960: 15, 137] – среднемонгольский язык: *чи'ирах* [Ersoy, 2008: 597] – древнетюркский язык: *тыграқ* (активный, энергичный, живой, сильный) [Porre, 1960: 15, 137].

37. Современный монгольский язык: *билүү* [Ersoy, 2008: 499] – классический монгольский язык: *билегүү* [Ersoy, 2008: 499] – среднетюркский язык: *билегу* [Ersoy, 2008: 499].

Структура слова: *ң* (*ng*) > монгольский долгий гласный

Данная структура *ң* (*ng*) > **монгольский долгий гласный** встречается в классическом и современном монгольских языках. Происхождение данного звукового явления объясняется тем, что согласный /*ң*/ изменился на /*г*/, следом постепенно перешел на гласный. В потоке речи артикуляция звуков в зависимости от различных факторов изменяется (*взрывной* > *щелевой*; *глухой* > *звонкий*; *шумный* > *сонорный*). Взрывной, шумной *ң* (*ng*) озвончался в /*г*/.

Например: 1. Современный монгольский язык: *мөөрө* (мычать, визжать) [Ersoy, 2008: 540] – классический монгольский язык: *мөгере*- [Ersoy, 2008: 540] – среднемонгольский язык: *мө'ере* / *мө'өрө* (мычать) [Porre, 1960: 35, 73, 127] – древнетюркский язык: *мөңре*- (мычать) [Ersoy, 2008: 540].

2. Современный монгольский язык: *суусар* [Ersoy, 2008: 558] – классический монгольский язык: *суусар* [Ersoy, 2008: 558] – кыргызский язык: *суусар* – турецкий язык: *сансар* (куница).

Таким образом, в современном монгольском языке озвончение согласного возникло за исключением некоторых случаев. Некоторые «первичные» долгие гласные в монгольском языке в течении времени исчезли. Например: *аага*, *чаасун*, *даалу*, *таалаа*-, *таани*-, *йаара*, *ооли*-, *доолыйа*- / *доолуга*-, *аайаа*-, *хоочин*, *хоой*, *тоор*, *кыырга*-, *дээл*, *кээйи*-, *кээб*, *диээран*, *оосе*-, *сөөн*-, *чуучали*, *пиилиэ*-, *куоли*-, *үүр*, *дзиори*-, *коора*.

Как мы рассматривали выше в монгольском языке существует три способа образования долгих гласных. Например: 1. /*н*/ > /*б*/ > /*в*/ > ~ /*w*/ > **долгий гласный**; 2. /*к*/ > ~ /*г*/ > /*з*/ ~ /*w*/ > **долгий гласный**; 3. /*ң*/ > **долгий гласный**. Долгие гласные образовались в результате озвончения согласных в середине и конце слова, затем звонкие согласные изменились на долгие гласные звуки. Фонетические изменения произошли в основном в монгольских языках, такая фонетическая особенность также характерна для некоторых тюркских языков (киргизского языка) алтайской языковой семьи.

Список литературы

1. Clauson, Sir Gerard (1993). “14. Yüzyıl Moğolcasındaki Türkçe Unsurlar”, TDE Araştırmaları Dergisi, Sayı 7: 215-234.
2. Ersoy Fevzi (2008). Türk-Moğol Dil İlişkisi ve Çuvaşça, Ankara: Gazi Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, (Yayınlanmamış mezuniyet tezi).

3. Gemalmaz, Efrasiyap (1999). "Türkiyeli Türkçesinde Ses Olayları", Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, Sayı 13: 1-21.
4. Gülensoy Tuncer (1974). "Eski ve Orta Türkçede Moğolca Kelimeler ve Moğolca-Türkçe Müşterek Kelimeler Üzerine Notlar", Türkoloji Dergisi, Cilt 6: 235-259.
5. Nişanyan, Sevan (12 Ocak 2016) "Çağdaş Türkçenin Etimolojisi", (15 Şubat 2016), www.nisanyansozluk.com
6. Poppe N (1960). Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden: Hubert & Co.
7. Tekin, Talat (1995). Türk Dillerinde Birincil Uzun Ünlüler (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi 13). Ankara: Şafak Matbaacılık.
8. Tuna, Osman N. (1973). "Osmanlıcada Moğolca Ödünç Kelimeler", Türkiyat Mecmuası, Cilt 17: 209-250.
9. Сыдыков, С. (1983). Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе: Илим
10. Krueger J. R. Eski Türkçede Moğolca [Text] / J.R.Krueger, Çev. Kaçalin, Mustafa S. // Kırgız – Türk Manas Üniversitesi Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2012. – Sayı 6. – S.205-214.
11. Gülensoy T. Moğolların Gizli Tarihi'ndeki Türkçe Kelimeler Üzerine Bir Deneme [Text] / T.Gülensoy // Türkoloji Dergisi. – 1973. – C.V/1. – S.93-135.
12. Temir A. Türkçe İle Moğolca Arasındaki İlgiler [Text] / A.Temir // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. – 1955. – C.13. – S.1-2. – Mart – Haziran. S.1-25.

ХОЛОКОСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЛИРИКЕ СЕМЕНА ЛИПКИНА

Боковели О.С.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук,
Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

Кузнецова С.В.

студентка направления подготовки «Педагогическое образование»,
Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

В основе исследования находится исторический принцип изучения литературы. В статье рассматривается проявление такого исторического события в лирике поэта 60-х годов XX века Семена Израилевича Липкина, как Холокост. Используемый хронологический подход при изучении данного явления в поэтическом пространстве Липкина позволил выйти на важную проблему в творчестве поэта: через историю С.И. Липкин преломляет не только социально-нравственные аспекты жизни человека, но и собственные религиозные воззрения.

Ключевые слова: лирика XX века, принцип историзма, память, историческое сознание.

Литература всегда выступала зеркалом эпохи: все важные события, уклад жизни, известные личности, культура и искусство – все это свидетельствовалось и транслировалось на страницах художественных произведений. Литература в плане историзма способна в живых картинах, конкретных человеческих судьбах и характерах передавать облик того или иного исторического периода. С позиции такого подхода поэт, писатель – это всегда историк, который целенаправленно или, наоборот, не замечая того, вписывает свои размышления в рамки того или иного

исторического события. При этом чаще всего автор является свидетелем событий, которые он описывает, и поэтому какая-либо нравственная, личная оценка дается автором через призму его внутренних переживаний.

Наиболее ярко и эмоционально литература отражает переломные моменты: смена власти, войны, катастрофы, изменения общественного строя – словом, периоды, когда история кардинально меняется. Интересным для литературы с точки зрения исторического материала выступает XX век – время, наиболее насыщенное и концентрированное различными событиями: как счастливыми, так и трагическими.

Данная статья посвящена изучению отражения истории в сознании поэта XX века Семена Израилевича Липкина. В частности представлено осмысление такого исторического события, как Холокост, который занимает особое место в его творчестве. Эта катастрофа европейского еврейства – результат политики немецких нацистов середины XX века по планомерному уничтожению евреев. Жертвами Катастрофы стали около шести миллионов евреев Европы [3, с. 17-29].

Историк И.А. Альтман в работе «Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР» дает следующее определение этого явления: «Холокост – преследование и массовое уничтожение евреев, живших в Германии, на территории ее союзников и на оккупированных ими территориях во время Второй мировой войны; систематичное преследование и уничтожение европейских евреев нацистской Германией и коллаборационистами на протяжении 1933-1945 годов. Наряду с геноцидом армян в Османской империи является одним из самых известных примеров геноцида в XX веке» [1]. С точки зрения этимологии английское слово «*holocaust*» заимствовано из латинской Библии, в которой оно, в свою очередь, происходит из греческих, также библейских форм ὁλόκαυ(σ)τος, ὁλόκαυ(σ)τον «сжигаемый целиком», «всесожжение, жертва всесожжения», ὁλοκαύτωμα «жертва всесожжения», ὁλοκαύτωσις «принесение жертвы всесожжения»; в русском языке употреблялось в формах «олокауст» и «олокаустум» («Геннадиевская Библия», 1499), в «Письмовнике» Курганова (XVIII век) употреблена форма *голокость* с толкованием «жертва, всесожжение» [4].

Еврей по национальности, участник Великой Отечественной войны, Семен Липкин близко к сердцу принял события тех страшных лет. Лейтмотивом его творчества стали образы газовой камеры, гетто, Бабьего Яра, лагерей смерти, которые красной нитью вплелись в его произведения.

В стихотворении «Богородица» (1956 г.) боль и горечь автора ярко выражены в образе матери и ребенка, убитых фашистами:

... Когда за слободкою в гетто
И мать, и дитя увели.

...Глазами недвижными нелюди
Смотрели на тысячи лиц.
Недвижны глаза и у челяди –
Единое племя убийц.
Свежа еще мужа могила,
И гибель стоит за углом,
А мать мальчугана кормила
Сладчайшим своим молоком.

... Не стала иконой прославленной,
Свалившись на глиняный прах,
И мальчик упал окровавленный
С ее молоком на губах.
Еще не нуждаясь в спасенье,
Солдаты в казарму пошли,
Но так началось воскресенье
Людей, и любви, и земли.

Семен Липкин без лишних аллегорий прямо называет, куда ведут мать и дитя – гетто. В гетто принудительно сгоняли людей, а оттуда уже вывозили в концлагеря и уничтожали тысячами. Автор называет немцев «челядь», «племя убийц». Удивительно, насколько тонко автор подбирает слова для наименования тех, кто совершал эти античеловеческие преступления: он не срывается на колкие фразы, в его словах угадывается тихая скорбь, боль за судьбу невинных людей.

Примечательно само название данного стихотворения – «Богородица», которое непосредственно перекликается с главными образами, отмеченными ранее – это образ матери и ребенка. По сути, Богородица толкуется как «та, которая родила Бога». Получается, С. Липкин расценивает все злодеяния «племени убийц» как преступление против святого, чистого и светлого. Если Богородица с ее ребенком символизирует божественное, начало жизни, то по принципу дуальности, Фашистская империя символизирует собой Сатану, разрушение и хаос.

Для понимания мыслей автора важны заключительные строки анализируемого стихотворения: «Но так началось воскресенье // Людей, и любви, и земли». С. Липкин показывает нам масштаб этой трагедии, тысячи невинных стариков, детей, женщин и мужчин погибли по прихоти нелюдей. «Богородица» написана Семеном Израилевичем в 1956 году, когда Германия уже капитулировала, Советский Союз смог выдержать вражеский натиск, добро победило зло. Это святая победа, цена которой неимоверно дорога. Это победа, сумевшая дать новый глоток жизни, начать все с нуля.

В стихотворении «Белый пепел» (1971 г.) автор дает прямую отсылку к переживаниям о еврейском народе. Само название произведения указывает на акт все소жжения (Холокост). Что остается после горения: зола, пепел, прах.

Цветовая семантика белого цвета, традиционно обладающая позитивной характеристикой, в контексте данного стихотворения приобретает мрачный оттенок смерти, безжизненной пустоты. Это происходит за счет семантического усиления слова «пепел». Еще одним важным фактором является наличие образа зимы. Данный образ также усиливает негативный смысл в содержании текста: холод, отсутствие жизни, замирание, статика. Данная мысль подтверждается строками: «Мне от снежинки больно: // Она, меня узнав, // Звездой шестиугольной // Ложится на рукав». Отрывок прямо указывает на еврейскую трагедию: под образом шестиугольной звезды подразумевается звезда Давида, которая является символом этого народа.

Вызывает интерес первая строфа стихотворения: «А был ли виноват // Небесный свод горелый, // Когда его пределы // Захватывал закат?». Образ неба явно апеллирует к образу Бога (Небо ↔ Бог). Появляется едва уловимая и при этом явная мысль: а виноват ли Бог в этой страшной трагедии, мог ли Бог предотвратить

Ад на земле, или он таким образом испытывал детей своих на стойкость и силу духа? И в этом смысле С.И. Липкин, как глубоко верующий человек, в своих переживаниях обращается к Создателю. Что же это: обычная греховность человека или это измерение границ, пределов грехопадения человека; и насколько глубоко божественное создание может пасть ради достижения своих целей.

В стихотворении «Вильнюсское подворье» (1963 г.) мы наблюдаем совершенно иную картину:

Ни вывесок не надо, ни фамилий.
Я все без всяких надписей пойму.
Мне камни говорят: «Они здесь жили,
И плачь о них не нужен никому».

... Теперь их нет. В средневековом гетто
Курчавых нет и длинноносых нет.
И лишь в подворье университета,
Под аркой, где распластан скудный свет,
Где склад конторской мебели, – неожиданно
Я вижу соплеменников моих,
Недвижных, но оставшихся в живых,
Изваянных Марию, Иоанна,
Иосифа... И слышит древний двор
Наш будничный, житейский разговор.

«Средневековое гетто» – нравственная оценка, которую поэт дает фашистскому режиму. Он сравнивает политику геноцида со средневековыми пытками, с его орудиями и беспощадной жестокостью. Прошло время, «курчавых нет и длинноносых нет» (прямая отсылка к евреям), «они здесь жили, и плачь о них не нужен никому». Казалось бы, остались позади страшные годы Холокоста, Великой Отечественной Войны, нет более жертв, и плакать по ним не надо. Но эта трагедия будет отзываться ноющей болью в сердце на протяжении всего творчества автора, эта рана никогда не зарубцуется, поскольку память хранит это событие. С.И. Липкин бережно хранит воспоминания о тех, кто стал невинной жертвой геноцида, об этом так ярко свидетельствует последняя строфа произведения.

Заключительным и итоговым в рамках данной работы будет стихотворение с символическим названием «Памятное место» (1967 г.):

Маляр, баварец белокурый,
В окне открытом красит рамы,
И веет от его фигуры
Отсутствием душевной драмы.
В просторном помещенье печи
Остыли прочно и сурово.
Грядущих зол они предтечи
Иль знаки мертвого былого?
Слежу я за спокойной кистью
И воздух осени вдыхаю,
И кружатся в смятение листья
Над бывшим лагерем Дахау.

В представленном произведении автор уже топографически осмысливает историю, определяя ее самые страшные точки на карте мира – это концлагерь Дахау. Но вместе с тем С.И. Липкин осмысливает и время, которое оказывается властным над пространством. Это достигается посредством «реставрации»: образ белокурого маляра, красящего рамы окон печи лагеря Дахау, наполняет стихотворение энергетикой обновления и надежды. Таким образом, ужас предыдущих стихотворений сменяется смятением автора перед тем, как все меняется.

На это указывает не только образная система стихотворения, но и отдельные сочетания слов, которые автор использовал в произведении. Сочетание «белокурый маляр» – образ довольно позитивный за счет цветовой характеристики: белокурый, белый → светлый, чистый, безгрешный. Позитивность образа маляра усиливает сочетание «отсутствием душевной драмы»: появляется образ неугнетенной души, не тревожной, *свободной*. Открытые окна (открытые окна концлагеря) – символ свободы, независимости, то есть концлагерь как место заточения теряет семантику чего-то закрытого, недоступного для внешнего. «В просторном помещенье печи // Остыли прочно и сурово»: само слово «простор» указывает на отсутствие находившихся в лагере тысячи узников, которых сейчас уже нет, нет больше жертв, несчастных мучеников зверства политики геноцида. Остывшие прочно и сурово печи уже потеряли функцию сожжения людей. Более того, «прочно» и «сурово» выражают уверенность в том, что никогда более они вновь не начнут свою страшную работу. Строки «Слежу я за спокойной кистью // И воздух осени вдыхаю, // И кружатся в смятенье листья // Над бывшим лагерем Дахау» подводят итог размышлениям автора о тяжелой еврейской трагедии. В отрывке изобилуют слова с семантикой покоя, равновесия, умиротворённости – все страшное позади, нет больше «племени убийц», жертв, и лагеря все стали «бывшими».

Таким образом, Холокост является одним из важнейших мотивов в творчестве С.И. Липкина. Этот факт времени становится неотъемлемой частью исторического сознания автора. Он не отделен от него. В своих произведениях поэт, вспоминая эту ужаснейшую трагедию, использует как прямые указания о геноциде (названия концлагерей, предметов наказания), так и символические образы (Звезда Давида как символ евреев, пепел, цветовые обозначения). Автор размышляет о причинах Катастрофы: божий ли это замысел, или человеческая жестокость самостоятельно перешла границы и человек виновен в этом сам.

Список литературы

1. Альтман И. А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / Под ред. проф. А. Г. Асмолова. М., 2002. 320 с.
2. Липкин С. Очевидец. М., 2008. 736 с.
3. Черноглазова В.А. Уничтожение евреев Белоруссии в годы немецко-фашистской оккупации// Трагедия евреев Белоруссии в 1941-1944 гг.: Сборник материалов и документов. Мн.,1997. В.2тт. Т.1 С. 17-29.
4. Холокост // Словари на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwwords/16475/%D0%A5%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%A2. (дата обращения: 03.05.2017).

МЕТАЯЗЫК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Букетова Н.И.

директор научно-образовательного центра «Лингва», д.ф.н., профессор,
Центрально-Казахстанская Академия, Казахстан, г. Караганда

Метаязык идеологической системы декларирует ее ценности и цели, выстраивая их в соответствии с национальными особенностями и спецификой сферы, в которой они определяются и реализуются. В силу существования непосредственной связи между языком идеологической системы и сферами, в которых она ставит и достигает своих целей, язык системы может быть дополнен новыми терминами и словосочетаниями либо уже имеющиеся наделяются новыми семантическими нюансами и оттенками.

Ключевые слова: идеологический миф, метаязык, мифологизация, архетип, архетипические образы.

Каждый индивид существует в собственной реальности, в которой представители одного социального класса или профессии создают свой собственный жаргон, или условный язык, в котором общеупотребительные слова могут приобретать новые оттенки и звучания, то есть метаязык. В процессе развития общества развивается и меняется ткань живого языка: выходят из употребления не только сами слова, смысл которых утрачивается вместе с исчезновением соответствующих им реалий, но изменяются и прежние грамматические и стилистические формы.

Представители современного сообщества, в том числе и те, кто не принадлежит к православной конфессии, без особого труда понимают отдельные слова из лексического запаса старославянского языка, сохранившиеся в церковнославянской речи, к которым могут быть отнесены понятия, обозначавшие отдельные части тела (*чело, лик, зеница ока, око* (ед. число), *очи* (мн. число), *перст* (ед. число), *персты* (мн. число), *длань, десница, перси, лоно, чресла, чрево, ланиты* и др.), или термины, отражавшие реалии патриархально-рабовладельческого или феодального средневекового сообществ и на данный момент вышедшие из повседневного употребления вследствие изменения исторических и социальных условий (*царь, мытарь, фарисей, жрец, блудница, пророк*), которые обозначали тот или иной социальный статус или профессии.

Метаязык идеологической системы, под которым мы понимаем, в первую очередь, язык пропагандистской машины, посредством которого декларируются ценности и цели данной системы, одновременно отражает и национальные особенности (в меньшей степени) и напрямую зависит от специфики сферы, в которой ставятся и реализуются ее цели (политическая, религиозная, коммерческая и др.). С некоторой долей условности мы можем рассматривать в качестве сил, способных формировать свои идеологические системы, политические партии или религиозные сообщества, к примеру, воинские или монашеские ордена, а также различные культы, в том числе и тоталитарные деструктивные культы. Соответственно, существует непосредственная связь между языком и сферой, в которой он используется. Для достижения конкретных политических целей изобретаются и вводятся новые лексические единицы либо уже имеющиеся наделяются новыми семантическими нюансами и оттенками. К примеру, язык гитлеровской Германии был в высокой степени насыщен такими (и подобными им) выражениями, как: *чистота крови, расо-*

вая чистота, истинный ариец, решение еврейского вопроса, сверхчеловек, недочеловек, воля к власти, белокурая бестия, стадная мораль, стадные инстинкты, посредством использования которых реализовывался миф о биологически (генетически) предопределенном превосходстве так называемой арийской расы над другими народами.

Кафир, шахид, халифат, муслим, умма, фетва, шариат, мушрик, хиджаб, джихад и подобные этим арабизмы религиозного содержания лежат в основе восприятия мира через призму исламской идеологии.

А понятия *Христос и Антихрист, крещение, евхаристия, гостия, литургия, Троица, причастие, Рождество, воскресение, Спасение и погибель* и т.д. являются несущими опорами христианской идеологии.

Понятия и термины, несущие идеологический смысл, одновременно составляют и основу, на которой выстраивается само идеологическое пространство. Соответственно, метаязык может быть рассмотрен в качестве инструмента современной идеологии, так как именно посредством языка осуществляется интерпретация фактов, результатов научных и социологических исследований, событий, происходящих в окружающей действительности, что позволяет создать в сознании общества новую реальность, согласно законам которой будет выстраиваться «новый мир».

Создание мифа нуждается в эксплуатации образов героев и основоположников, а также ключевых моментов в их реальных биографиях, вокруг которых и выстраивается стройная система мифа. Мифологизация биографических данных и личности отца-основателя реализуется за счет их адаптации к уже существующим в данном обществе стандартам, для определения которых в данном исследовании будет использован термин «архетип» (от гр. *«arche»* – «начало» и *«typos»* – «образ»). Введением данного термина мы обязаны основателю аналитической психологии К.Юнгу, который определил их в качестве древнейших первичных образов и выделил архетипы Персоны, Анимы, Анимуса, Тени, Самости, Младенца, Отца, Матери, Девы, Героя, Мудреца и других. В работе «Структура души» К.Юнг отмечает: «Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически к архетипам. Это особенно верно в отношении религиозных представлений» [3]. Однако Юнг не ограничивает применение архетипов только сферой религии, так как, по его мнению, «центральные понятия науки, философии и этики... в своем нынешнем виде... представляют собой варианты архетипических представлений, созданных посредством их сознательного применения и приспособления к действительности» [3]. «Ибо функция сознания заключается не только в осознании и усвоении внешнего мира через врата наших чувств, но и в переводе мира внутри нас в зримую реальность» [3].

Принимая во внимание определения архетипа, принятые в качестве основных в психологии [2, с. 298] и лингвистике [1, с. 169-177], мы, в свою очередь, под архетипом подразумеваем символ, образ или сюжет, обладающий семантической целостностью и, соответственно, несущий определенный, жестко запрограммированный эмотивный и в то же время способный видоизменять свою форму заряд. Архетип – закрепленная в различных фольклорных жанрах модель поведения, социально-поощряемого и приемлемого для представителей различных социальных групп, позволяющая за счет введения в ее состав ценностных установок четко обозначать границы дозволенного и допустимых отступлений от них. То есть у каждого архетипа есть своя целевая аудитория определенного пола, возраста, происхож-

дения, семейного и социального статуса, национальной, языковой и религиозной принадлежности.

Несмотря на то, что действие архетипов, нацеленных на формирование различного отношения к жизни у разных социальных слоев одного общества (государства), может существенным образом отличаться, архетипы для классов со схожей социально-общественной функцией даже у представителей диаметрально противоположных народов могут нести схожие черты.

Архетипические образы и сюжеты могут отличаться алогичностью структуры, но именно эта иррациональность архетипической составляющей позволяет мифу управлять общественным сознанием. Практически каждый из нас время от времени задумывается над следующими вопросами: Как работает миф? В чем секрет древних образов и сюжетов, которые переходят из одной идеологической системы в другую? Как примитивный с точки зрения логики миф проникает в наше сознание, поработывает его и делает нас неспособными к логическому критическому восприятию реальности? И мало кто способен бывает понять, что одной из составляющих успешности мифа является именно эта, едва ли не нарочитая, алогичность его структуры. Отсутствие логики в части сюжета, который вызывает интерес и в целом отличается «монолитностью» структуры, позволяющей предполагать определенное развитие действия, создает необходимый эмоциональный диссонанс. С некоторой долей уверенности мы можем предположить, что чувства недоумения и острого разочарования, вызывая сначала дискомфорт и отторжение, позволяют включить механизм метафорического осмысления текста, базирующийся на эффекте рационализации, целью которого является поиск разумного объяснения для сюжетного сбоя, не соответствующего элементам логики и канонам справедливости.

Метаязык идеологической системы (язык пропагандистской машины данной системы) декларирует ее ценности и цели, выстраивая их в соответствии с национальными особенностями и спецификой сферы, в которой они определяются и реализуются.

В силу существования непосредственной связи между языком идеологической системы и сферами, в которых она ставит и достигает своих целей, язык системы может быть дополнен новыми терминами и словосочетаниями либо уже имеющиеся наделяются новыми семантическими нюансами и оттенками, позволяющими эвфемизировать смысл предпринимаемых идеологической системой агрессивных действий.

Реализация принципа непогрешимости основателя связана с процессом эвфемизации истинного смысла его действий, то есть они могут быть легитимированы только в процессе их преломления сквозь призму безусловного признания его богоизбранности.

Список литературы

1. Большакова А. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169-177.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Прогресс, 1994. 298 с.
3. URL: Режим доступа: <https://litlife.club/br/?b=180932&p=7>

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХЕТИП КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МИФА

Букетова Н.И.

директор научно-образовательного центра «Лингва», д.ф.н., профессор,
Центрально-Казахстанская Академия, Казахстан, г. Караганда

Схема развития архетипа и модели социально одобряемого поведения заложены в структуре архетипа и направлены на вызов запрограммированного эмоционального отклика (чувства возмущения, сопереживания, страха, восхищения, справедливого негодования, презрения, отвращения, ярости). Именно чувства, испытываемые при восприятии мифа с заложенными в его структуре архетипами, позволяют вводить в сознание реципиента определенные идеи о допустимости или недопустимости тех или иных форм поведения, и с их помощью корректировать взаимоотношения представителей идеологической системы между собой и (или) их отношения с представителями других систем. Формально сходные по своей форме или структуре архетипические символы разных народов могут нести противоположные эмотивные заряды и даже составлять потенциально конфликтные пары, действие которых лежит в основе отсутствия взаимопонимания между представителями разных культур.

Ключевые слова: идеологический миф, метаязык, мифологизация, архетип, архетипические образы.

Практически каждый архетипический символ имеет собственную схему развития и вызывает строго запрограммированный эмоциональный отклик (чувства сопереживания, справедливого негодования, ярости и т.д.).

За счет проявления данных чувств при восприятии мифа с заложенными в его структуру архетипами в сознание реципиента вводится необходимость следования определенным моделям поведения в тех или иных ситуациях. Архетипические образы могут быть общими для ряда народов (стран), объединенных в настоящее время (или же в прошлом) принадлежностью к одной языковой семье и культуре, к долговременному политическому или религиозному альянсу.

В то же время архетипические символы разных народов могут различаться по эмотивному заряду, который несет тот или иной образ или даже составляет потенциально конфликтные пары. К примеру, восприятие «волка» в западноевропейской мифологии связано с образом Фенрира, который выступает в скандинавской мифологии провозвестником начала Готтердамнунга (гибели богов), и образами средневековых ликантропов. Архетип Волка-оборотня, характерный для народов Западной Европы, отразился в сказке о Красной шапочке, в которой его отличают коварство, способность притворяться человеком (говорить человеческим голосом и носить одежду) и склонность к людоедству. В то же время для представителей тюркского мира волк является тотемным зверем, так как согласно мифам большинство тюркских народов ведут свою родословную либо от волка, либо от волчицы.

Соответственно, являясь мифическим пращуром, волк в тюркских сказках, будучи второстепенным персонажем, предстает перед главным героем в роли спасителя, советника и проводника. В волшебных сказках тюркоязычных народов общение, дружба и даже родство с волками и (или) оборотнями никоим образом не связаны с возможностью превращения героя в каннибала или с проявлением в характере и поведении героя какой-либо асоциальности (жестокости, агрессии, стремления к проявлению насилия). Напротив, именно советы волка или волчицы

помогают герою выйти победителем из противостояния с могущественными противниками. Приведем в качестве примера образ белой волчицы из казахской народной сказки «Жигит и волчица» [1]. Волчица происходит из семьи оборотней (людей-волков), но, обращаясь в молодую девушку неописуемой красоты, она становится супругой главного героя, и никто из ее семьи зла человеку не причиняет. Мало того, и сама девушка, и ее мать, старая волчица, оказываются способными умом, хитростью и волшебством преодолевать трудности, возникающие на пути у зятя волчьего клана. Стремление хана истребить джигита, женившегося на девушке из волчьего рода, вызвано желанием, погубив ее супруга, самому стать мужем необычайной красавицы.

Первые два задания, придуманные пособничающей хану некоей злой старухой, при всей их необычности и особых способах, при помощи которых они были выполнены, достаточно тривиальны и связаны с добычей богатства – куска золота размером с конскую голову и табуна одичавших лошадей. При этом следует отметить и то, что оба задания связаны с покойным ханом, когда в период правления были утеряны золотой слиток и табун лошадей. Знаний и колдовского искусства дева-волчицы хватает для исполнения заданий. В первом случае прекрасная дева-оборотень вручает своему супругу вышитый дивный цветок, испускающий свет во тьме и служащий сетью для уловления Ханши-рыбы (Рыбы-Царицы). Во втором случае дева-оборотень вручает джигиту палку (жезл), при помощи которого джигит умирят дикого жеребца-вожака, после чего весь табун диких лошадей подчиняется воле человека. Единственным условием использования волшебного жезла является требование не бить жеребца по глазам. Использование именно палки, а не плети (камчи) может быть понято таким образом, что именно палка (кусок дерева) олицетворяет собой первое орудие человека, направленное им на укрощение сил дикой природы и овладение природными богатствами.

Проклятье духа мертвого хана в адрес джигита, потревожившего его покой, не реализуется в тексте сказки, что, по-видимому, связано с тем, что джигит не ограничивается изложением своей просьбы, а указывает в качестве причины, побудившей его вызвать духа, исполнение приказа сына покойного хана.

Позитивный образ волка, характерный для фольклора тюркских народов, имеет отдаленное сходство с образом волка в волшебных сказках славянских народов и практически не имеет ничего общего с образом почти неодолимого в своей свирепости и коварстве западноевропейского мифического волка или волка-оборотня. В представлении древних скандинавов в конце света, когда наступит Рагнарек, верховный бог Один будет убит Фенриром – волком огромных размеров. Причем Фенрир является сыном бога огня Локи и полнородным братом гигантского змея Ермуганда и великанши Хель, повелительницы царства мертвых. В свете подобного мифа образ волка олицетворяет собой гибель старого мира и его богов, в то время как для тюркских мифов и славянских сказок характерен образ волка, верой и правдой служащего младшему сыну правителя, вернее, даже опекающего царского сына. Примером нашему утверждению может послужить образ волка из народных русских сказок «Иван-Царевич и Серый Волк» и «Сказка об Иване-Царевиче, Жар-Птице и о Сером Волке» [2, с. 241-255].

Первая встреча волка с царевичем происходит после того, как Иван выбирает себе путь у типичного для героических волшебных сюжетов предупреждения относительно трех дорог, лежащих перед путешественником. В отличие от богатырей царевич выбирает не ту дорожку, «где убиту быть», а другую, на которой пу-

тешественник сам «будет здоров и жив, а конь его будет мертв». И этот факт составляет ту самую принципиальную разницу между образом былинного героя-богатыря, который, будучи воином, однако не принадлежит к верхушке правящего сословия, и фольклорным образом царевича, странствующего сына правителя.

Сходными по исполняемым функциям можно считать образы богатырского коня Ивана-царевича или Булата-молодца в других героических волшебных сюжетах. Булат-молодец представляет собой образ сотоварища, до самозабвения преданного интересам царевича. Основным мотивом, приведшим его к службе у царского сына, становится то, что Иван-царевич выкупает Булата, которого за его долги хлещут на площади кнутом. При этом царевич, отдавая за Булата сумму в десять тысяч, пренебрегает угрозой того, что «кто его (Булата) выкупит, у того Кощей Бессмертный жену унесет». Он не относится к своему поступку, как к покупке раба, так как сразу после выкупа Булата царевич отправляется домой. Однако Булат-молодец, который был спасен царевичем, догоняет его не только со словами благодарности, но и с заявлением, что именно он, Булат-молодец, обладает необходимыми возможностями для того, чтобы исполнилась мечта царевича: «Спасибо, Иван-царевич! Если бы ты меня не выкупил, ввек бы не достал своей невесты. А теперь я помогу, купи мне скорее лошадь и седло!» [3, с. 448]. В исполнение своих слов Булат-молодец организывает разрушение верха башни, в которой своим отцом, царем Кирбитом, была укрыта Василиса Кирбитьевна, похищает ее. Кроме того, он дважды, втайне от царевича и его невесты, разбивает отряды, посланные за ними в погоню. В ночь, когда Булат-молодец ставит на караул царевича, тот засыпает. Таким образом, сбывается угроза о похищении жены того человека, кто выкупил Булата из рук его мучителей и взял его на службу.

Схема развития архетипа и модели социально одобряемого поведения заложены в структуре архетипа и направлены на вызов запрограммированного эмоционального отклика (чувства возмущения, сопереживания, страха, восхищения, справедливого негодования, презрения, отвращения, ярости). Именно чувства, испытываемые при восприятии мифа с заложенными в его структуре архетипами, позволяют вводить в сознание реципиента определенные идеи о допустимости или недопустимости тех или иных форм поведения, и с их помощью корректировать взаимоотношения представителей идеологической системы между собой и (или) их отношения с представителями других систем.

Сходство архетипических образов, бытующих в культурах разных народов, стран, может быть предопределено принадлежностью к одной языковой семье и типу культуры (кочевой или земледельческой и т.д.) или же к долговременному политическому или религиозному альянсу.

Формально сходные по своей форме или структуре архетипические символы разных народов могут нести противоположные эмотивные заряды и даже составлять потенциально конфликтные пары, действие которых лежит в основе отсутствия взаимопонимания между представителями разных культур.

Список литературы

1. Большакова А. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169-177.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Прогресс, 1994. 298 с.
3. URL: Режим доступа: <https://litlife.club/br/?b=180932&p=7>

СИСТЕМА ОБРАЗОВ ЭПОСА В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ

Газдарова А.Х.

доцент кафедры осетинского языка и литературы, к.ф.н.,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Тандуева Л.Ю., Царитова К.В.

магистранты кафедры осетинского языка и литературы,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

С конца 70-х годов в осетинской прозе появились новые художественные формы, т.е. произведения, которые выросли на основе-мифологии и эпоса. Первым из них был роман Нафи Джусойты «Слезы Сырдона». В основу романа положены сюжеты национального эпоса «Нарты». Но писатель в определенной мере опирался и на опыт мировой литературы, на традиции современной интерпретации легенды и мифа.

Ключевые слова: эпос, миф, современный роман, система образов, фольклор, литература.

Нартский эпос осетин – плод творческого гения народа. Его духом пропитана вся жизнь потомков творцов Нартиады. Нартские сказания – истоки всей нашей культуры и духовности, в них воплощена наша история и народная философия. Этим и обусловлено бережное отношение народа к своему величайшему творению. «Песню о нартах, – писал доктор Пфаф в 70-х годах XIX века, – осетин слушает до сих пор с таким же благоговением, как мы, европейцы, – Евангелие» [14, с. 13]. На рубеже тысячелетий осетин, к сожалению, песнь о нартах в основном не слушает, а читает. Но эпос не теряет своей жизненности и продолжает оказывать благотворное влияние на развитие национальной культуры Осетии.

Поэтическое творчество народа является началом словесности, источником художественной литературы. Верность данного заключения подтверждается всей историей осетинской литературы, которая, по словам Нафи Джусойты, «выросла на почве народного творчества» [13, с. 55].

Взаимосвязи осетинского фольклора и литературы в науке освещаются давно и успешно. Им посвящены отдельные статьи и монографические исследования. Однако, на наш взгляд, данная тема является сложной, многоплановой и неисчерпаемой. Многие ее аспекты становятся актуальными проблемами как фольклористики, так и литературоведения. Об этом говорят теоретические дискуссии 70-80 годов, которые выявили две тенденции в решении данного вопроса. Определенная часть литераторов стала на путь отрицания использования фольклора и его традиций в современном искусстве. Другая часть ученых и писателей подходит к этому вопросу более взвешенно и утверждает плодотворность обращения к художественному опыту народа. Их мнение удачно обобщил Е. Осетров: «Устное народное творчество и сегодня, как и вчера, сильно живым бытованием. Оно и ныне столько же искусство, сколько явление живой жизни» [12, с. 55].

Из всех жанров фольклора эпос оказал и оказывает наиболее интенсивное воздействие на развитие осетинской литературы.

Идеи, мотивы и образы эпоса естественно входят в плоть и кровь осетинской

литературы. Эту тему частично затрагивает в своих исследованиях Газдарова А.Х.

Однако, нужно иметь в виду, что освоение эстетического опыта фольклора писателями разных эпох и поколений происходит на различных уровнях художественного творчества.

Возможности использования мотивов и образов эпоса неограниченны. К ним обращаются писатели разных идейно-эстетических направлений и творческих методов. Ими создаются произведения как нравственно-философского характера, так и произведения социального звучания. Характерными в этом отношении являются поэмы современных поэтов Ахсара Кодзати и Шамиля Джикаева.

Поэма А. Кодзати «Двенадцатиструнная» основана на мотиве создании осетинской арфы, ставшей символом искусства и национальной самобытности. Сказание «Как появился фандыр» – одно из трагических и возвышенных творений человечества. Поэт Кодзати воспевае дух и величие творчества, добрые деяния человека, высокие цели его жизни и назначения.

Поэма Ш. Джикаева «Цветной сон» создавалась на рубеже 80-90-х годов. В ней отблеском пожара и кровавых событий отразились тревоги нашего смутного времени. Мифический герой эпоса, хитроумный Сырдон, волею рока оказался в современном городе. Бывалый нарт, прошедший сквозь огонь и воду, поражен негативными проявлениями жизни людей конца XX столетия. Чудовищная жестокость, безнравственность, бездуховность – вот то зло, которое не приемлет даже «злой гений нартов», «Коварство неба и хитрость земли».

Поэма завершается страстной молитвой Сырдона о возможности вернуться из ада земного в царство мертвых. Контрастом эпического прошлого и современной цивилизации автор глубоко вскрывает язвы нашего времени, пагубные последствия урбанизации и социальных противоречий.

С конца 70-х годов в осетинской прозе появились новые художественные формы, т.е. произведения, которые выросли на основе-мифологии и эпоса. Первым из них был роман Нафи Джусойты «Слезы Сырдона» (1979 г.).

В основу романа положены сюжеты национального эпоса «Нарты». Но писатель в определенной мере опирался и на опыт мировой литературы, на традиции современной интерпретации легенды и мифа. Отражая современную действительность в зеркале мифа или сказания, осетинский писатель, на наш взгляд, не мог пройти мимо таких явлений литературы XX века, как «Иосиф и его братья» Томаса Манна, «Загадка Прометея» Лайоша Мештерхази и др.

Роман «Слезы Сырдона» вызвал горячие споры и противоположные суждения. Возникают вопросы, оправданно ли обращение современного писателя к фольклору и его традициям? Правомерна ли интерпретация мифа и легенды в духе проблем современной действительности?

Казалось бы странным, зачем Нафи Григорьевичу Джусойты, писателю высокого творческого и нравственного потенциала, остро переживающему все боли времени, пытающемуся активно способствовать улучшению сегодняшней жизни народа, понадобилось углубляться в отвлеченный мир мифов? На этот вопрос можно ответить словами известного ученого А. Бочарова: «Причины тяготения к мифу... общественная потребность найти в бурно меняющемся мире стабильные, опорные ценности, ориентиры; разобраться в характере и перспективах борьбы добра и зла» [5, с. 92]. Именно боль и тревоги ушедшего века привели осетинского романиста к сюжетам эпоса, где во весь рост встает трагическая фигура Сырдона, создателя фандыра (арфа), человека творчества и глубокого ума, но одинокого, униженного и оскорбленного.

Тема Сырдона – злободневная тема XX века. Трагический персонаж эпоса, можно сказать, является «героем нашего времени» – и понимать это надо не в символическом смысле слова. Речь идет о том, что в героях романа есть многое из того, что характерно для людей нашего времени. Это, прежде всего, относится к поступкам тех персонажей, которые странным образом похожи на сильных мира сего. Автор стремится показать определенную взаимосвязь между тем, что происходило в то отдаленное время, и тем, что происходит у нас на глазах. И поэтому тема Сырдона – тема наших дней.

Почему Нафи Джусойты обращается к мотивам эпоса? Почему его привлекла судьба Сырдона? Это сложные вопросы. Образ Сырдона в эпосе – сложный, противоречивый. Он «коварство неба и хитрость земли», он злой гений Нартов. Васо Абаев говорит о нем: «Имя его стало нарицательным для обозначения хитрого и ловкого пройдохи, способного на всякие козни, но в трудную минуту умеющего выручить себя и других своей изобретательностью... В нем нет ничего от героического духа Сослана или Батрадза. Его главное орудие – это язык, острый, ядовитый и беспощадный, вносящий повсюду раздор и вражду. Это оружие оказывается зачастую более опасным и разрушительным, чем мечи и стрелы сильнейших Нартов» [1, с. 92].

Отрицательные черты Сырдона характеризует и Жорж Дюмезиль: «Вредность его проявляется на тысячу ладов: жестокие насмешки и оскорбления по поводу общих и личных несчастий, злорадное удовольствие предсказывать грядущие беды, давать пагубные советы (хотя все же Сырдон никогда не выступает на стоне великанов против Нартов). Он зачинщик и подстрекатель всякого рода ссор. Злоба толкает его на легкомысленные и преступные проделки, после которых он подчас насилию уносит ноги» [10, с. 196].

Но в то же время Сырдон – яркая личность, притом личность творческая. С его именем связано создание фандыра, символа музыки и поэзии, символа творчества. За свои проделки он наказан. «Скорбь возвышает и облагораживает даже злодеев, – пишет В.И.Абаев, – и мы видим, что в эту ужасную минуту Сырдон вырастает перед нами в яркую и трагическую фигуру, внушающую невольное уважение. Он делает арфу...» [2, с. 11]. Благодаря этому дару он стал полноправным человеком среди Нартов. В некоторых сказаниях Сырдон выступает как *летописец* жизни, и деяний Нартов [11, с. 104]. Поэтому и нартоведы утверждают с полным правом тот факт, что Сырдон является одним из любимых героев эпоса, что он не менее популярен, чем знаменитые Нарты.

Внимание писателя привлекали позитивные стороны образа Сырдона, его интересовала судьба творца и мыслителя в обществе, основанном на праве сильного и богатого. Он высветил в его деяниях и в его характере именно творческое начало.

«Одним из основных и наиболее архаичных в нартовском эпосе является образ Сатаны» [15, с. 22]. В.И.Абаев называет этот образ «самым замечательным в эпосе». Сатана, – говорит он, – истинная мать народа, центр и сосредоточие нартовского мира... Без ее участия и совета не обходится ни одно знаменательное событие... «Наша хозяйка – Скатана» – это высшая похвала женщине в устах осетина...» [3, с. 108]. И в сюжете романа она играет одну из главных ролей. Ее образ во многом послужил автору для раскрытия и решения поставленных перед собой задач.

Сатана в романе не наделена ни одной положительной чертой. В семейной жизни Сатана не придерживается строгих правил, данный мотив звучит и в эпосе,

но там он большой роли не играет, теряется между ее положительными качествами.

В романе очень ярко представлен образ Сатаны – «матери нарттов». В ее облике превалирует не доброта и женственность, а грубость и злость, отсутствие женского начала... В ее образе писатель раскрывает сущность власти и деспотизма, показывает разрушительную силу ненависти и зла. Перед нами не мать народа, а нарттовская Беллона – богиня вражды и войны.

В романе воссозданы образы и других нарттов в соответствии с авторской концепцией исторической эпохи. Так, Сослан лишен «солнечных черт», за ним не числится ни одного благородного поступка. Он с детства наделен разбойничьими задатками, его натура! – это натура кровожадного хищника.

Верно заметила А. Хадарцева, что «по мере взросления его отрицательные черты умножаются и он становится профессиональным убийцей. Он человек войны, но не рыцарь». Он воплощение эгоизма и своекорыстия, он плод общества, в котором культивируют эгоизм и насилие.

«Более или менее лоялен по отношению к эпосу образ Хамица в романе» [16, с. 105], – отмечают исследователи осетинской литературы. Этот нартский богатырь «поменял свое достоинство на волшебный зуб аркыза», при помощи которого он завлекал женщин в свои силки. Волочился за ними, забыв про мужскую, воинскую, богатырскую честь. «Когда-то он был мужчиной и в походах, и на ныхасе, и на свадьбе, но когда Сатана подарила ему этот злосчастный зуб, с тех пор все пошло кувырком». Он стал волокитой и чревоугодником, а это всегда противоречило народным представлениям о чести и достоинстве зрелого мужа.

Многие образы эпоса преобразованы автором в значительной мере. Этот процесс обусловлен творческим замыслом писателя. «Образ Урузмага в романе так обезличен, что его могло и вовсе не быть. Сатана сама вполне справилась бы с ролью обоих, потому что, по существу, все решает она сама. Функция Урузмага сводится лишь к тому, чтобы подчеркнуть властность, безапелляционность, разнужданность Сатаны» [17, с. 105], – пишет А. Хадарцева.

Именно такой образ нужен был автору для яркого показа внутренней жизни «семьи».

В романе «Слезы Сырдона» образ Батрадза показан таким же идеальным, как и в эпосе. Сам автор романа пишет о нем: «То, что Батрадз у меня остался почти идеальным героем, отвечает концепции романа...» [9, с.231]. Батрадз – «рыцарь без страха и упрека». Он благородный, добрый, правдивый нарт. Он отважен, обладает огромной силой, ему не присущи такие черты, как коварство и хитрость, но он честолобив.

В романе живут и действуют небожители: боги, дауаги, водный дух – мифический отец Сырдона Гатаг. Эти образы даются в романе для того, чтобы сохранить единство эпического мира, расширить художественную значимость созданной картины жизни. В.И.Абаев характеризует Нарттов как «друзей богов и друзей природы» [4, с. 167].

Автор, опираясь на традиции эпоса, обогатив мотивы фольклора творческим вымыслом, решил проблему, поставленную перед собой, а именно: показал жизнь эпохи военной демократии, жизнь, полную противоречий, жестоких конфликтов и кровавых сцен.

Воображением творца он в форме романа воссоздал мир Нарттов «мир суровых воителей» и показал трагедию человека в этом мире зла и насилия.

Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды. – Владикавказ: Ир, 1990. С. 192-193.
2. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. С. 231.
3. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 22.
4. Абаев В.И. Указ. соч. С. 196.
5. Бочаров А. Звезда Эмрайна и скорлупа обыденности // Литературная газета, 1978, 26 апреля.
6. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. Владикавказ, 2002.
7. Газдарова А.Х. «Злой гений» – Символ музыки и поэзии в романе «Слезы Сырдона» Н. Джусойты. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Выпуск II. Владикавказ, 2013.
8. Газдарова А.Х. Соотношение мифологического и исторического в романе Нафи Джусойты «Слезы Сырдона». Языки и литература народов Кавказа. Проблемы изучения и перспективы развития. Материалы региональной научной конференции. Карачаевск, 2001.
9. Джусойты Н. Эпоха Нартов и «Слезы Сырдона» // Советский Иристон, 1981, 2 июня.
10. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. С. 92-93.
11. Ирон адамон сфалдыстад. Дыууæ томы. Т.1. – Орджоникидзе, 1961. С. 11.
12. Осетров Евгений. Апология фольклора // Вопросы литературы, 1978, № 5. С. 55.
13. Очерк истории осетинской советской литературы. – Орджоникидзе, 1967. С. 13.
14. Сборник сведений о Кавказе. Выпуск 1, 1871. С. 167.
15. Хадарцева А.А. К проблеме фольклора и литературы: на примере романа «Слезы Сырдона» // Литературная Осетия, 1982, № 6. С. 104.
16. Хадарцева А.А. Указ. соч. С. 105.
17. Хадарцева А.А. Указ. соч. С. 108.

СОН – ВЕЧНЫЙ ИНТЕРЕС ЧЕЛОВЕКА

Газдарова А.Х.

доцент кафедры осетинского языка и литературы, к.ф.н.,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Тандуева Л.Ю., Царитова К.В.

магистранты кафедры осетинского языка и литературы,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

В данной статье исследуется, что в определенном смысле сновидения и художественное творчество являются каналами связи и информационным полем Вселенной, представляют собой нить между сознательным и бессознательным. При этом сон – это чистая информация, которой во многом «питается» литература, он проникает в пространство определенной национальной культуры. Особо востребованной оказалась функция сна как предсказание, как «окно в таинственное будущее».

Ключевые слова: сон, сновидения, онейромантика, культура, миф, феномен.

Сновидения – субъективно переживаемые психические явления, периодически возникающие во время естественного сна. Интерес к сновидениям характерен для всех эпох человеческой культуры (убеждение в том, что сновидения имеют жизненно практический смысл и подлежат истолкованию), однако подход к ним существенно менялся на протяжении истории. Многие памятники древней письменности свидетельствуют о том, что толкование сновидений занимало большое место не только в религиозных ритуалах, но и в повседневной жизни и даже при решении военных и государственных дел (Др. Восток, Китай и др.). В сновидениях видели откровения богов или вторжение демонов, один из способов контакта с «невидимым» миром.

Отдельные аспекты этой проблемы исследует А.Х. Газдарова.

«Термин «онейромантика» кроет в себе вечный интерес человека к процессу сна и картинам сновидений. Тысячелетняя эволюция существенно преобразовала человеческий разум, сосредоточив его в направлении материалистического понимания мира. Но даже в двадцать первом веке магия сна остается тайной для человека» [1, с. 85].

Между онейромантикой, мифологией и литературой давно сформировались теснейшие отношения, которые обусловлены общим интересом к духовной деятельности человека.

«В первобытной культуре сновидение считалось приключением души, покидающей тело человека во время сна. По воззрению народов классической древности, сновидение состояло в связи с миром сверхъестественных существ и являлось каналом для получения «божественных откровений». Так, пророк Магомет писал суры «Корана» через сновидения, как «божественное откровение» [2, с. 62].

Первые опыты рационального истолкования сновидений принадлежат древнегреческим философам (Демокрит и др.). Согласно Платону, сновидения могут служить источником творческого вдохновения. Основателем психологического подхода в объяснении сновидений явился Аристотель, который рассматривал их как продолжение деятельности в состоянии сна. Этнологи раскрыли большую роль сновидений в примитивных культурах, их связь с мифами, а также универсальный характер ряда образов и символов сновидений. Начиная с эпохи романтизма, подчеркивалось значение сновидений в психологии творческого процесса [5, с. 636].

Попытки осмыслить и истолковать феномен сновидения в «новое время» привели к тому, что сформировались три исследовательских направления: духовно-теологическое, психофизическое и культурологическое. Наиболее значительные имена в области исследования онейромантики – Карл Юнг, швейцарский психолог и философ («Алхимия снов»), Н. Малкольм, американский философ («Состояние сна»), и Ю. Лотман («Сон – семиотическое окно»).

«Проекция теоретических положений К. Юнга, Ю. Лотман, Н. Малкольма на систему этноонтологических знаний подводит к мысли о том, что каждый народ обладает индивидуальной онейромантической таблицей, в которой универсальные структурные единицы преломляются в соответствии с этнокультурной средой, национальными традициями и историческими условиями» [3, с. 129].

Особенности переживания сновидений зависят от типа нервной системы индивида, состояния его здоровья, физиологических циклов... Известны «творческие» сновидения, когда поэт находил в них удачную рифму, а ученый – решение трудной задачи, приводившее к научному открытию [4, с. 634].

Действительно, в поэзии европейского романтизма сновидения занимают значительное место. Они служат поэтам эффективным средством выражения сокровенных мыслей и чувств. Часто поэтические откровения авторы преподносят как сновидения. Так, Байрон в стихотворении «Тьма» грядущее светопредставление изображает как страшный сон, хотя недвусмысленно намекает на его связь с реальностью: «Я видел сон... Не все в нем было сном». Кстати, он же в поэтической форме определил суть сновидения: «... есть у Сна свой мир, обширный мир действительности странной» («Сон»).

Во втором сне Веры Павловны «реальный мир предстает в символическом образе поля» [6, с. 9]. Картины сна прекрасны, – в них свободный человек своим трудом творит добро, красоту и счастье.

В осетинском народном творчестве, в мифологии и в литературе немаловажное значение имеет феномен *сон* и его толкование, которое обусловлено живучестью пантеистических представлений о мире. Можно различить несколько разновидностей снов: «сон как способ познания будущего», «сон – вестник», «сон как трансфизический способ получения информации», «вещие сны» и т.д.

Сон как трансфизический способ получения информации встречается в осетинском народном творчестве в «Предании об Одиноком». В этом предании Одинокому приснился сон, и он стал рассказывать его своей матери. И мать расшифровала сыну его сон.

Этот сон можно квалифицировать как «вещий сон», в котором зашифрована судьба героя со всеми ее промежуточными этапами.

В мифологии нередко расширяется этическое сознание героя за счет вывода его за пределы реальности к топосу сна. Так в легенде о возникновении святилища «Хур-Хори Уастырджи», героя легенды, Уастырджи направляет во сне в определенное географическое место, где жители близлежащего села Къора должны основать святилище. Стержнем этой легенды является «сон, побуждающий к действию».

Художественные модели «сон – способ познания будущего» «сон – вестник», «сон – вещий» и т.д., истоки которых восходят к поэтике народного творчества, обнаруживают полновесную реализацию и в осетинской художественной литературе.

В трагедии «Хазби» Елбасдуко Бритаева тема сна играет весьма значимую роль. Накануне сражения главный герой Хазби видит сон, и как Одинокий, рассказывает его своей матери. Мать разъясняет сыну значение этого сна.

Автор трагедии извещает через сновидение своего героя об исходе будущей битвы его с многочисленными войсками генерала Абхазова. Хазби узнает, что в этой битве он погибнет, но, несмотря на это, он не меняет своего решения. Здесь мы видим монументальный образ героя, величие его подвига. Е. Бритаев используя этот сюжет сна в своем произведении, поднимает своего героя до уровня Иисуса Христа, который принес себя в жертву ради людей.

Сон становится предметом эстетического осмысления и у Максима Цагараева, за которым можно закрепить репутацию одного из самых онейромантичных писателей. В одной только повести «Хæххон барæг» автор использует сюжет сна четырнадцать раз. В этом произведении сон выполняет различные художественные функции: «сон – вестник», «сон как способ познания будущего», «сон возмездие» и так далее. «Сон предупреждение» спасает жизнь одному из персонажей повести. В произведении встречается и «настольгический сон». Он рассматривается как один

из возможных форм встречи героя с матерью. Некоторые авторы конструируют описание сна максимально «литературно», т.е. демонстрирует не столько сюжет сновидения, сколько его художественная обработка. Такой метод использования сна мы видим у Хоха Тлатова в рассказе «Сон». В основе этого рассказа, который полностью состоит из сновидения, заложен «сон знак обновления мира». В этом онейрическом рассказе Хох Тлатов ставит проблему планетарного масштаба. Он показал читателю свое «утопическое» видение идеального общества, где торжествуют правда и справедливость.

Другие же авторы используют сюжет сна и демонстрируют его как «голый сон». Часто такой сюжет встречается у Максима Цагараева.

В определенном смысле сновидения и художественное творчество являются каналами связи и информационным полем Вселенной, представляют собой нить между сознательным и бессознательным. При этом сон – это чистая информация, которой во многом «питается» литература, он проникает в пространство определенной национальной культуры. Особо востребованной оказалась функция сна как предсказание, как «окно в таинственное будущее».

Вряд ли найдется хоть один профессиональный литератор, который бы в той или иной мере не использовал мотивное поле сна в своем творчестве. Не является исключением и творчество Шамиля Джикаева. Его поэма «Цветной сон» создавалась на рубеже 80-90-х годов. В ней отблеском пожара и кровавых событий отразились тревоги нашего смутного времени. Автор использовав онейрический сюжет, где мифологический герой эпоса, хитроумный Сырдон, волею рока оказался в современном городе. Бывалый нарт, прошедший сквозь огонь и воду, поражен негативными проявлениями жизни, искаженными нравами людей конца XX столетия. Чудовищная жестокость, безнравственность, бездуховность – вот то зло, которое не приемлет даже злой гений Нартов – «коварство неба и хитрость земли».

В сознании народа есть такие понятия, как «хороший сон», «плохой сон», «добрый сон», «недобрый сон». Иногда, исходя из онейроидного состояния, человек решает, что ему делать, а что не делать. Многие свое утро начинают с того, что первым делом берут сонник и заглядывают в него, т.е. хотят заглянуть в свое будущее.

Каждый человек в течение своей жизни не раз сталкивается в «ночном искусстве» с элементами этих художественных направлений. Но «этнический акцент» в данном перечне занимает важное значение. Поэтому авторы художественных произведений, которые в своем творчестве применяют онейрические сюжеты, учитывают это. В осетинской литературе имеется, не мало онейрических мотивов, использованных в художественном тексте.

Список литературы

1. Газдарова А.Х. Магия сна. Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора К.Е. Гагкаева. Владикавказ, 2013. С. 85.
2. Газдарова А.Х. Сон и его трансформация в осетинской литературе. Материалы II международной научной конференции Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества. Владикавказ, 12-13 мая 2008 г. С. 62.
3. Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик, 2005. С. 129.
4. Латаш Л.П. Сновидения // Большая советская энциклопедия. – М., 1976. Т. 23, С. 634.

5. Ляликов Д.Н. Сновидения//Большая советская энциклопедия. – М., 1976. Т. 23, С. 636.
6. Николаев П. Революционный роман // Чернышевский Н.Г. М., 1976. Т. 23. С. 636. Что делать? – М.: Худ. лит-ра (БВЛ), 1969. С. 9.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОСНОВЫ СЛОВА

Галиева Д.А.

доцент, канд. филол. наук, доцент,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается методология изучения концептуальной основы слова. Слово как единица когнитивно-семантической структуры понимается как концепт или совокупность концептов. Делается вывод о том, что в отличие от слова, концепт включает в себя элементы не только языка, но и культуры.

Ключевые слова: концепт, концептуальный анализ, концептуально-семантическая структура, сознание, фрейм, вербальная коммуникация.

Сложившиеся в настоящее время общенаучные тенденции в развитии лингвистики и смежных с ней наук привели к необходимости переосмысления многих языковых явлений с учетом комплексного подхода к выявлению их сущности. Философия и динамика научного познания обуславливают необходимость корреляции новейших научных парадигм в языкознании, что обеспечивает методологическую базу для нахождения новых способов решения проблем, возникающих перед исследователем. [8, с. 5]. В нашем исследовании мы исходим из того, что в современной лингвистике глубинное познание слова, групп и классов слов строится на выделении двух главных парадигм научных знаний – когнитивно-семантической и коммуникативной. Такой подход к анализу значимой единицы языка заложен в известном тезисе Л.С. Выготского относительно слова как единства общения и обобщения, коммуникации и мышления [5, с. 19].

В настоящее время слово как единица когнитивно-семантической структуры понимается как концепт или совокупность концептов, так как каждое слово есть, с одной стороны, единица когнитивно-семантической структуры, а с другой – единица дискурса [1, с. 6]. Концепт, вместе с тем, определяется и как оперативная единица нашего сознания. Термин *концепт* коррелирует в нашем сознании с термином *понятие*, поскольку знания человека, его опыт, деятельность, отражение реальной действительности в вербальной коммуникации (в устной или письменной форме) закрепляется в понятийной форме. Наш мозг оперирует концептами разной сложности. Так, можно говорить о концептах *закона, права, уголовного преследования* и многих других. Таким образом, концепт – это фрагмент мира, представленный когнитивно-семантической структурой, которая чаще всего выступает в виде группы концептов, так как один и тот же фрагмент мира может отражать разные явления, может быть познан с разных сторон и точек зрения, может отражать разный опыт человека. Понимая концепт как фрагмент мира, представленный когнитивно-семантической структурой, фреймом, мы относим его к области ментальной деятельности человека. С другой стороны, рассматривая концепт как слово, мы относим его к области вербальной коммуникации, в которой каждая определенная по-

следовательность звуков получает некоторое мыслимое содержание в результате акта номинации [6, с. 27; 7, с. 29].

А.П. Бабушкин предлагает свою дефиницию концепта – как «любой дискретной содержательной единицы коллективного сознания, отражающей предмет реального и идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [2, с. 29]. Особое внимание он уделяет отношениям когнитивных аспектов имени предмета и его словарного толкования, рассматривая концепты в качестве основного содержания тех или иных семем. Анализируя семный состав семемы слова по его лексикографическому толкованию, мы, вслед за А.П. Бабушкиным считаем, что концепты, стоящие за вербальными единицами, весьма разнообразны и среди них можно выделить такие присущие современной когнитологии структуры представления знаний, как мыслительные картинки, схемы, фреймы, скрипты и сценарии [3, с. 7].

Фрейм – одна из центральных структур когнитологии. Теория фреймов была введена американским ученым М.Минским (1979), который считал, что «порции» информации определенным образом организуются, аккумулируя знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций. Другими словами, фрейм представляет собой совокупность ассоциаций, хранимых памятью. Содержание лексической единицы, именуемой фрейм, трудно понять, если неизвестна внутренняя структура фрейма в целом. Как известно, идею фрейма легче показать на примерах, чем описать в общем виде [9, 1988]. Например, ситуация *допрос* заключается в том, что один человек задает вопросы другому для выяснения обстоятельств дела или преступления. Слова, описывающие различные части или аспекты этой ситуации: *опрашивать* (question, interrogate), *допрашивать* (interrogate), *следствие* (investigation), *суд* (court), *следователь* (investigator), *адвокат* (advocate), *обвинитель* (prosecutor), *свидетель* (witness), *подозреваемый* (suspect), *обвиняемый* (defendant, accused), *потерпевший* (victim) и т.д. формируют фрейм «допрос».

Эти слова лучше изучать как единое целое, поскольку они являются лексическими представителями некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания (для того чтобы понять смысл одного из слов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все).

Примером концепта-фрейма может послужить и семема слова «суд» [по словарю С.И. Ожегова].

Суд:

1. Государственный орган, ведающий разрешением гражданских (между отдельными лицами, учреждениями) споров и рассмотрением гражданских дел;
2. Общественный орган, рассматривающий проступки членов какого-н. коллектива;
3. Разбирательство дел в таких органах;
4. Судьи, те, кто судит;
5. И сюда можно было бы добавить: Помещение, в котором находится такой орган.

Из данного примера видно, что не одна сема, а целая лексико-семантическая группа (ЛСГ) или ряд ЛСГ формируют фрейм как структуру представления знания. Другими словами, фрейм актуализирует архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп.

Схемы – это абстракции, которые позволяют относить определенные объекты или события к общим категориям, способным наполняться конкретным содержанием.

ем в каждом отдельном случае, они обычно объективируются пространственно-графическими семами [4, с. 18], например: место преступления, место заключения. Сценарий – это, по сути, фрейм в динамике, то есть это такой вид концепта, который реализует в плане своего содержания сему движения, идею развития [4, с. 20]. Например, семами развития, движения, динамики может быть представлен сценарий *судебный процесс, расследование преступления, вынесение приговора* и т.д.

Надо отметить, что концепты абстрактных имен (например: свобода, совесть, наказание и др.) познаются не путем считывания их словарных дефиниций, а в результате личного социального опыта, а также опыта предшествующих поколений. Таким образом, в отличие от конкретных имен, абстрактные имена более субъективны по своему характеру. Действительно, невозможно увидеть право или закон, но можно понять, что это такое. Как отмечал Г. Лейбниц, «справедливости не видят так, как видят лошадь, но её понимают не хуже, а скорее даже лучше» [10, с. 73].

Г. Лейбниц противопоставляет справедливость и лошадь на том основании, что человек по-разному постигает эти явления в зависимости от их статуса в мире действительном: лошадь – феномен реальный, ее можно увидеть, погладить, справедливость – феномен идеальный, её нельзя увидеть, но можно только понять. По мнению Л.О.Чернейко, «если основа понятия логическая, то основа концепта сублогическая» [10, с. 75].

Будучи обобщенным образом, концепт складывается из гештальтов (целостных образов), то есть «имплицатур предикативно-атрибутивной сочетаемости абстрактного имени как скрытых проекций абстрактной сущности на конкретное явление, зримые физические формы метафизического абстрактного» [10, 1995, с. 81]. Гештальт, как известно, «выводится из буквального прочтения глагола, употребленного в сочетании с абстрактным именем в переносном значении, и связывает два явления (конкретное и абстрактное) по одному основанию, выраженному акциональному признаку».

Таким образом, являясь мыслительной структурой, концепт включает в себя не только понятие, но и всё содержание слова (и денотативное, и коннотативное) и отражает «представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [10, с. 75]. Следует отметить, что концепты по праву являются предметом лингвокультурологического исследования и представляют собой своеобразные «культурные гены», входящие в генотип культуры и вероятно определяющие ее фенотип (феноменологическую поверхность). Концепт характеризуется многомерностью и дискретностью смысла. Его нельзя «определить», его можно описать, прокомментировать, представить с помощью другого смысла.

Итак, в отличие от слова, концепт включает в себя элементы не только языка, но и культуры (экстралингвистический культурный смысл) и имеет смыслопорождающий, культурногенетический оттенок. Другими словами, концепт – это диалектическое единство языкового и внеязыкового (понятийного или предметного) содержания. Это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово (ср. Слово: знак – значение; а концепт: знак – значение – понятие / предмет. Причем, слово коррелирует с референтом (денотатом), а концепт раскрывает его содержание как понятия, класса). Логико-понятийный, концептуальный анализ позволяет рассмотреть многие культурные ценности и сферы культуры, а также позволяет выявить разную насыщенность фреймами семантически близких концептов.

Список литературы

1. Афанасьева О.В. Имена прилагательные в системе кардинальных частей речи английского языка. – М.: Прометей, 1992. – 93 с.
2. Бабушкин А.П. Концептуальные типы значений слова // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996 а. – С. 3-10.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996 б. – 104 с.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 1998. – 41 с.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь: Психологические исследования. – М.; Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. – 324 с.
6. Голод В.И., Шахнарович А.М. Коммуникативные и когнитивные аспекты текста как единицы речевой деятельности // Коммуникативные единицы языка: Труды МГПИИЯ им. М. Тореца. – Вып. 252. – М., 1985. – С. 23-33.
7. Копылова Н.А. Структуры данных для представления антонимичного знания // Научно-техническая информация. – Серия 2. – 1996. – № 8. – С. 29-32.
8. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктемой дискурсивации. Дисс. д-ра филол.н., Уфа, 2012. 416 с.
9. Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52-92.
10. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. – 1995. – № 4. – С. 73-83.

О МЕСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Гусейнова Х.К.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье отмечается необходимость системного подхода к изучению лексической системе. Приводятся точки зрения разных исследователей относительно системности словарного состава языка. Отмечается, что наиболее распространенным подходом, связанным с изучением системности языка, является принцип поля. На примере даргинского языка приводятся примеры лексико-семантических групп, входящих в лексико-семантические поля, обозначающие обрядовые наименования, а также названия религиозных сооружений и их частей.

Ключевые слова: даргинский, поле, лексико-семантический, религиозный, система, термин, терминосистема, терминологическая единица.

Термин «лексическая система» является сегодня достаточно употребляемым в лингвистике. Вопрос о системности лексики, основной структурной единицей которой является слово, был затронут еще в XIX в. А.А. Потебней. Ученый считал необходимым изучать отношение между словами, изменение их семантики, многозначность и т.д. в группах семантически связанных слов [5, с. 190]. В.В. Виноградов впоследствии назвал такую систему лексико-семантической [1, с. 640].

М.М. Покровский в работе «Семасиологические исследования в области древних языков» отмечает: «История смыслов известного слова будет для нас лишь тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими, которые принадлежат к одному и тому же кругу представлений» [4, с. 75], потому что «слова и их значения живут не отдельно один от другого жизнью, но соединяются (в нашей душе), независимо от нашего сознания, в разные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [там же: 82].

Наиболее распространенным подходом, связанным с изучением системности языка, является принцип поля. Впервые его ввел Й. Трир в 30-х годах XX ст., введя термины «поле», «понятийное поле», впоследствии «парадигма», «парадигматическое поле» и тем же заявив о языке как о самостоятельной замкнутой системе, которая определяет суть всех ее составляющих частей. Ученый полагал, что слова, как мозаика, образуют поле и таким образом очерчивают его границы, а «для того, чтобы понять отдельное слово, в сознании слушателя должно быть все поле словесных знаков» [3, с. 34].

В современной лингвистике «поле» определяют как группу, или класс, слов, которые имеют между собой что-то общее, близкое, похожее, или целостную единицу, которая имеет конкретное значение, существенным признаком которой является иерархия, точнее, существование действующих в ней сил, разных за степенью интенсивности, то есть неодинаковой способностью хранить конкретное содержание. В отечественном языкознании теоретиком модели поля считают Г.О. Щура [7]. Традиционно в структуре лексико-семантического поля определяют ядро и периферию как совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания, понятийным, предметным или функциональным сходством отмечаемых явлений. Они могут принадлежать к разным частям речи. Составляющими частями лексико-семантического поля являются только лексико-семантические варианты, или семемы – отдельные смыслы полисемичного слова. Такой принцип структуризации лексико-семантического поля является общепризнанным, а его элементы распределяются по степени «силы сохранения содержания» [6, с. 6]. Ведущие тезисы полевой концепции содержат работы В.Г. Адмони (1964), А.В. Бондарко (1972), Е.В. Гулыги (1976), Э.В. Кузнецова (1989), З.Д. Поповой, И.А. Стернина (1984) и др.

Поскольку лексико-семантическое поле – довольно сложное по своей структуре образование, то исследователи разделяют его на меньшие лексико-семантические группы, конститuentы которых связаны между собой более тесной семантической связью. Каждая из групп составляет определенным образом ограниченный фрагмент лексико-семантического поля, а количество групп также не должно быть меньше, чем два. Критерием разделения на лексико-семантические группы является наличие свободных смысловых связей между словами, а именно: совпадение элементов значений (чем больше общих элементов, тем ближе слово к ядру значения, и наоборот).

Например, в даргинском языке в лексико-семантическом поле слов, обозначающим обрядовые наименования, имеются следующие лексико-семантические группы: 1) исполнители и участники богослужения (*имам* ‘духовный глава’, ‘тот, кто руководит молитвой’, *маьмум* ‘следующий за имамом в молитве’ и др.; 2) предметы богослужения, их разновидности: *субхIян* ‘четки’ *дехIуба кьалтин* ‘молитвенный коврик’; *халгIят* ‘халат (одежда муллы)’ *балгнала табтар* ‘молитвенник’ и др.; 3) обряды богослужения их разновидности: *жаназа* ‘заупокойная

молитва', *кьурбан* 'акт жертвоприношения'; *хляйрат* 'поминальная жертва' и др.; 4) храм и его части; *мимбар* 'трибуна в соборной мечети'; *мигIраб* (*михIраб*) 'ниша в мечети, указывающая направление на Каабу'; *минара* 'минарет' и др.; 5) календарные названия богослужения: *таравихI* 'молитва, совершаемая каждую ночь в месяц Рамадан'; *ражаб* 'раджаб (месяц усиленного богослужения); *жумягIла дехIубала* 'пятничный намаз' и др. В каждой лексико-семантической группе, если принимать во внимание семантико-логический критерий, можно определить дополнительно ряд других значимых объединений – лексико-семантических подгрупп, или микрогрупп.

Поскольку лексико-семантическое поле, разумеется, довольно сложное по своей структуре образование, то исследователи разделяют его на меньшие лексико-семантические группы, конститuentы которых связаны между собой более тесной семантической связью. Каждая из групп составляет определенным образом ограниченный и определенный фрагмент лексико-семантического поля, а количество групп также не должна быть меньше, чем два. Критерием разделения на лексико-семантические группы является наличие свободных смысловых связей между словами, а именно: совпадение элементов значений (чем больше общих элементов, тем ближе слово к ядру значения, и наоборот).

Например, в лексико-семантическом поле слов, обозначающих религиозный обряд похорон в даргинском языке, как считают Х.А. Юсупов и А.Дж. Магомедов имеются такие лексико-семантические группы, как: а) наименования, связанные с покойником; б) наименования, связанные с похоронами; в) наименования, связанные с поминками; г) наименования, связанные с соболезнованием [8, с. 43-53].

В каждой лексико-семантической группе, если брать во внимание семантико-логический критерий, можно определить ряд других смысловых объединений – лексико-семантических подгрупп, или микрогрупп.

Поскольку любую лексико-семантическую группу (подгруппу) структурируют по принципу лексико-семантического поля, то она тоже имеет свое ядро, периферию и переходную зону. Так, в ядре лексико-семантической группы «Названия религиозных сооружений и их частей» – лексема *мижит* 'мечеть', расстояние от которой до других элементов этой группы различна: *гIубадатхана* 'молельня', 'молитвенный дом'; *динна кIялгIя* 'храм' – ближайшие; расположение других элементов (*миз* 'святое место' *зиярат* 'место захоронения святого человека') зависит от ряда интралингвистических и экстралингвистических факторов. Итак, одной из главных семантических особенностей любой лексико-семантической системы является инклюзивный цепной порядок сочетаемости ее элементов, находящихся между собой в определенных иерархических связях: система → группа → микрогруппа → слово.

Во всех исследованиях общетеоретического или практического плана одним из важнейших аспектов является систематизация и нормализация той или иной терминосистемы. Важной предпосылкой нормализации любой современной терминологической системы является исследование ее истоков, лексико-семантическая и понятийная интерпретация ее структуры, выяснение продуктивных способов терминообразования на определенном этапе ее развития, а также выявление тех ее моделей, которые вышли из обихода. Все это дает возможность осветить объективные тенденции развития той или иной терминосистемы, без учета которых невозможно ее современное нормирование.

Сказанное выше приобретает особое значение для религиозной терминологии. Современный этап развития отечественного языкознания характеризуется повышенным интересом к исследованию данной терминосистемы и это объясняется теми социальными изменениями, которые происходят в современном обществе. Следует также отметить, что в течение последнего столетия религия считалась негативным социальным явлением и ее исследование, в любой форме (в том числе лингвистической), было малоперспективным.

Своеобразие языка как общественного явления заключается в факте ее универсальности как средства общения между людьми. Религия, или религиозное сознание является общим источником глубоких и жизненно важных смыслов, из которых постепенно развились различные формы общественного сознания: обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука, и др. [2, с. 24].

Как составная часть культуры, религия имеет свои соответствующие терминосистемы, которые образуют общую религиозную терминологию, в том числе и в даргинском языке, в котором она является составной частью общей лексики, которая функционировала и функционирует в общей системе языка и которая обслуживает не только сферу сакральности как одну из сторон духовной жизни общества, но употребляется и в других отраслях культуры, – в истории, в литературе, в науке. Поэтому исследование процессов становления и функционирования религиозной терминологии любого языка, включая синтаксический, морфологический и семантический аспекты, является актуальным как в общетеоретическом, так и в практическом плане.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Г.А.Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
2. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по философии и истории религий. – М.: Гранд; Фалер, 1998. – 424 с.
3. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
4. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. – К.: Синто, 1993. – 190 с.
6. Чхеидзе М.М. Проблема структурирования лексико-семантической системы языка: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук: Тбилисский гос. ун-т им. И.Джавахишвили. – Тбилиси, 1993. – 34 с.
7. Щур Г.О. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
8. Юсупов Х.А., Магомедов А.Дж. Тематические группы исламской религиозной лексики в даргинских языках. // Исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 43-53.

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Гусейнова Х.К.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье отмечается, что, так как религиозный термин является терминологической единицей религии, одной из форм общественного бытия, – это приближает его в функци-

ональном плане к обычному слову. Поэтому религиозные термины рассматриваются, прежде всего, как обычные лексемы, в семантической структуре которых сочетаются и религиозные и нерелигиозные значения.

Ключевые слова: лексика, лексический, термин, терминология, терминологическая единица, религиозный, даргинский, структура, тип.

В лингвистической литературе лексический смысл слова понимает по-разному: некоторые исследователи определяют его как особенную языковую форму отражения действительности, как соотношение между звуковым комплексом и понятием, или с явлениями действительности; лексическое значение приравнивается к понятию, или как видоизменение понятия в соответствии с характером языкового знака. Другие ученые под лексическим значением понимают сложные отношения, которые объединяют все те отношения, через которые выявляется существование языковых знаков. Одно из наиболее полных определений терминологического содержания значения слова дает Д.Н. Шмелев: «Значение слова выступает как единство языкового и внеязыкового содержания, которое относится к звуковому комплексу и вместе с ним образует слово, которое является единицей языка, и в этом качестве связано с другими словами на уровне фонетики, грамматики и семантики» [3, с. 35].

Рассматривая проблему значения, нельзя не коснуться вопроса о возможностях его описания или толкования. Значения не следует понимать, как всегда что-то заранее четко очерченное или ограниченное. Здесь так же имеет место своеобразная языковая антиномия, которая проявляется в относительной неопределенности всего объема значения, в аморфности его компонентов, в сложности построения их иерархической структуры, и т.п., в то же время в актуализации виртуального (возможного) значения в контексте, который устраняет эту относительную неопределенность, «подсказывает» семантические компоненты этого лексического значения.

В.М. Солнцев пишет: «Значение слова отражает общие и одновременно существенные признаки предмета, познанные в результате общественной практики людей. Значение слова стремится к понятию как к своему пределу [2, с. 111]. Обьективировать значение слова и зафиксировать его в виде дефиниции ставит целью толковый словарь. Сущность этой операции заключается в том, что значение слов или словосочетаний, которые определяются, характеризуются с помощью слов, значение которых считается известным. В толковом или терминологическом словарях фиксируется совокупность признаков предмета, необходимое и достаточное для его выделения среди других предметов, другие же признаки относятся к области энциклопедических данных о предмете и не должны приводиться в таких словарях. Поэтому мы присоединяемся к тезису о том, что «минимальная дефиниция значения любой единицы – это перечень семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значения всех единиц языка» [3, с. 87].

Термином «семантическая структура слова» в лингвистической литературе обозначается: а) семантика слова как совокупность всех его значений и грамматических форм; б) структура отдельного значения. Таким образом, разграничиваем термины: лексема – многозначное слово; семема, или лексико-семантический вариант – отдельное значение лексемы. Однозначность свойственна единицам семантики – семемам, многозначность – единицам лексики – словам. Семема является со-

отношением между отдельным денотатом или сигнификатом и семантической структурой языка, слово – материальный носитель определенной доли этой семантической структуры. Семема реализуется только в слове; слово, которое не является носителем, по крайней мере, одной семемы, выпадает из лексико-семантической структуры языка. Следовательно, описать семантическую структуру слова означает дать характеристику компонентов этой структуры. Для лексемы – это характеристика семем, которые образуют ее семантическую структуру. Компонентами структуры являются: грамматическая оформленность, смысл, оттенки значения (эмоциональность), лексическая и синтаксическая сочетаемость. Чтобы описать семантическую структуру семемы, необходимо описать каждый компонент ее структуры.

Сказанное выше в полной мере относится и к семантической структуре религиозного термина, так как он является, прежде всего, также лексической единицей, словом, и, во-вторых, он является термином не узкоспециальной, технической специальности, а терминологической единицей религии, одной из форм общественного бытия и это приближает его в функциональном плане к обычному слову. Поэтому в данной работе религиозные термины рассматриваются, прежде всего, как обычные лексемы, в семантической структуре которых сочетаются и религиозные и нерелигиозные значения.

Вся терминосистема выступает как единое терминологическое поле, в котором зафиксировано 340 (100%) религиозных терминологических единиц с общим количеством 466 (100%) семантических значений. На лексико-семантическом уровне данные религиозные терминологические единицы распределяются следующим образом: а) однозначные термины – 292 (86 %); б) двузначные – 41 (12 %); трехзначные – 7 (2 %), как это представлено в таблице 1 (здесь и далее процентные показатели округлены до целых чисел).

Таблица 1

Лексико-семантическая характеристика религиозных терминологических единиц даргинского языка (РТЕ) (количественный состав)

№	Общее количество (Q) Тип РТЕ по лексико-семантической структуре	РТЕ		Семантические значения	
		Q abs.	Q rel.	Q abs.	Q rel.
1.	Однозначных РТЕ	292	86 %	308	66 %
2.	Двузначных РТЕ	41	12 %	130	28 %
3.	Трехзначных РТЕ	7	2 %	28	6 %
Всего:		340	100%	466	100%

Таким образом, однозначные термины: 292 (86 %) слова, 308 (66 %) значений составляют основу религиозной терминологии современного даргинского языка. Многочисленные термины – двузначные: 41 (12 %) слов, 130 (28 %) значений; трехзначные: 7 (2 %) слов, 28 (6 %) значений лишь дополняют этот пласт.

По семантической структуре все 340 религиозных терминологических единиц с 466 значениями делятся на: 1) религиозные термины с гомогенной семантической структурой; 2) религиозные термины с гетерогенной семантической структурой. Количественный состав первых и вторых терминологических единиц и их значений является таким, как показано в таблице 2.

**Семантические типы религиозных терминологических единиц
даргинского языка (РТЕ) (количественный состав)**

№	Общее количество (Q) Семантический тип РТЕ	РТЕ		Семантические значения			
		Q abs.	Q rel.	Религиозные		Нерелигиозные	
				Q abs	Q rel.	Q abs	Q rel.
1.	Религиозный термин с гетерогенной семантической структурой	224	66 %	238	51 %	—	—
2.	Религиозный термин с гомогенной семантической структурой	116	34 %	126	27 %	102	22 %
Всего:		340	100%	364	78 %	102	22 %

Таким образом, наибольшую группу составляют терминологические единицы, религиозные значения которых являются единственными в их семантической структуре, напр.: *рукну* ‘рукн’ (обязательная часть молитвы); *рузман* ‘пятничный намаз’; *инжил* ‘Евангелие’; *гъусру* ‘гусуль’ (полное омовение); *аят* ‘стих Корана’; *магъар* ‘брак’ (по шариату с заключением брачного договора); *минара* ‘минарет’; *малла* ‘мулла’, *муртад* ‘вероотступник’; *садакья* ‘милостыня, подавание’ и др.

Значительно меньше в даргинском языке двузначных религиозных терминологических единиц, напр.: *адаб* 1) мораль, нравственность; 2) поведение, предписанное нормами шариата; *сиратI* 1) мост над преисподней, 2) дорога, путь; *сужда* 1) земной поклон; 2) молитва; *кьибла* 1) *кибла* (сторона, к которой обращаются мусульмане во время молитвы) и др.

Наименьшую группу составляют многозначные религиозные терминологические единицы, значения которых, в результате своих семантических изменений, развили определенные нерелигиозные значения (терминологические или общезыковые), напр.: *жуз* 1) книга; 2) сшитые в один переплёт листы бумаги для записей; 3) одна тридцатая часть Корана; *канур* 1) неверующий; 2) безбожник; ‘гяур’; 1) неблагодарный и др.

Список литературы

1. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
2. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
3. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики – М: Наука, 1973. – 280 с.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА КАК ОСОБЫЙ ТИП ПРЕДЕЛЬНО ПСИХОЛОГИЗИРОВАННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Донцова А.А.

аспирант, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В данной статье рассматриваются особенности произведений женской прозы, освещается их тематика и круг проблем. Исследуется глубина психологизации повествования и взаимодействие триады автор-персонаж-читатель. Описываются основные средства и приёмы психологического воздействия на читателя.

Ключевые слова: женская проза, психологизм, художественная литература, психологизация повествования, монолог.

Психологизированное повествование является сегодня одним из ведущих направлений в литературе. Знакомство с различными формами внутреннего «я» героя произведения способствует самосознанию читателя. Для психологических текстов XX в. характерно имплицитно-подтекстовое повествование, которое предполагает активное, со-творческое участие читателя. Теперь перед ним стоит задача постичь глубинный смысл произведения, понять мотивы и переживания героев самостоятельно, без явной помощи автора. Однако необходимо подчеркнуть, что автор все же при «актуализации периферийных нозм личностного смысла и применении трансформаций суперструктуры продуцент в угоду неузуальности и многомерности смысла может нивелировать закрепленные категориальные признаки и сосредоточивать свое внимание и внимание реципиента на релевантных в конкретной ситуации семиозиса признаках» [2, с. 186], создавая таким образом особую модель восприятия произведения, которой и должен следовать читатель. Такое «сопереживание» описываемых событий становится условием и способом взаимодействия автора и читателя психологизированного произведения.

В современной женской прозе наблюдается тенденция к переходу от определения «женской» как «для женщин» к «написанной женщиной». Для авторов таких произведений важно донести до читательской аудитории, что круг проблем современной женщины, её мысли и интересы уже не связаны исключительно с семьёй, бытом, устройством личной жизни. Героини произведений данного жанра всё чаще попадают в загадочные, нестандартные и напряжённые ситуации. В качестве примеров могут послужить психологические триллеры Гиллиан Флинн, «Девушка в поезде» Пола Хокинс, «Янтарные цветы» Джулии Хиберлин, трилогия «Оникс и Коростель» Маргарет Этвуд, рассказы Людмилы Петрушевской, и это лишь несколько наиболее известных произведений XXI в. При этом следует отметить, что главными героями многих произведений являются мужские персонажи, что обусловлено вовсе не желанием автора привлечь большую читательскую аудиторию, а с попыткой продемонстрировать свой авторский потенциал и окончательно разрушить мнение, что женщина способна писать исключительно от лица женщины. В связи с этим можем согласиться с мнением Н. М. Габриэлян о том, что о женской прозе нужно говорить не в рамках разделения литературы по гендерному принципу на женскую и мужскую, а в контексте расширения культурного наследия в процессе утверждения творческой индивидуальности и самобытности авторов-женщин [3, с. 103].

Тем не менее, современная женская проза сохраняет свои главные особенности – «острая наблюдательность, внимание к бытовым мелочам, отстраненность от политических страстей, но при этом чуткость к глубинным проблемам частной жизни», характерные для особого «женского» взгляда на жизнь [4, с. 459]. В женской прозе основное внимание уделяется внутреннему миру человека, его проблемам и заботам, которые «не менее сложны и загадочны, чем глобальные катаклизмы эпохи» [4, с. 459]. Одной из основных тем произведений данного жанра остаётся поиск смысла жизни, счастья и утверждение собственного «я». Что эксплицируется главным образом посредством риторических обращений героев «внутрь себя», т.е. на луче рефлексии обращенной вовнутрь, автор обращается к читателю, создаётся сложная схема: герой познаёт себя, открываясь таким образом читателю, ко-

торый в свою очередь, отвечая на те же вопросы, приходит к самопознанию. Автор создает определенный алгоритм текстопостроения «активизирующего скрытые потенции языка и заставляющего реципиента включаться в феноменологическую рефлексии третьего уровня абстракции» [2, с. 29].

Так, например, персонажами произведений Людмилы Улицкой часто являются инвалиды, убогие, нищие люди. Через истории их жизни автор заставляет читателя не только проникнуться к героям, но и переосмыслить собственную жизнь, автор ненавязчиво подсказывает читателю, что истинный смысл жизни и кратчайший путь к счастью – в принятии жизни, какой бы она ни была. «Когда они шли по улице, взявшись за руки, маленькая Милочка на каблуках в девичьем розовом платье Бухары и ее муж, большеголовый Григорий с поросшей пухом лысиной, оба в уродливых круглых очках, выданных им бесплатно, – не было человека, который не оглянулся бы им вслед. Мальчишки кричали в спину какие-то дворовые непристойности. Но они были так заняты друг другом, что совсем не замечали чужого нехорошего интереса» [6, с. 35].

Л. С. Петрушевская, в свою очередь, создаёт в своих произведениях узкий «мирок», населенный несчастными персонажами, который постепенно превращается в огромный, безграничный образ современного мира, «наполненный высокой и горькой истиной о трагически-возвышенном смысле человеческой жизни» [4, с. 459]. Подобно героям рассказов Л. Е. Улицкой, героини Л. С. Петрушевской часто плывут по течению, им неведомы сложные проблемы выбора, они принимают жизнь, как она есть, и подчиняются судьбе.

Однако такая «пассивность» персонажей женской прозы, характерная для отечественных писательниц, зачастую неприемлема для героинь произведений зарубежных авторов. К примеру, главная героиня романа Гиллиан Флинн «Исчезнувшая»: узнав об измене мужа, женщина решает инсценировать собственное убийство, подставив мужа и сбежав, надеясь начать новую, счастливую жизнь. А эксцентричная героиня романа Дон Френч «According to YES» решает радикально изменить свою жизнь, следуя отныне принципу «всегда говори ДА», переезжает из небольшого английского городка в Нью-Йорк, устраивается на работу няней в живущую по строгим правилам, установленным хозяйкой дома, семью, навсегда меняя образ жизни домочадцев и их самих.

В обоих случаях психологическое воздействие на читателя оказывается равнозначным: оно направлено не только на пробуждение определённых чувств и эмоций, но и на побуждение читателя к определённым действиям. Современная женщина воспитывает в себе чувство собственного достоинства, осознание своей роли в мире и обществе, она учится не бояться высказывать своё мнение и требовать быть услышанной. В то же время подобные произведения учат нас не оставаться равнодушными к чужой беде, уметь сопереживать и быть готовыми помочь другому в трудной ситуации.

К наиболее распространённым средствам и приёмам психологизации в произведениях женской прозы можно отнести монологичность повествования. Героям произведений данного жанра свойственно ведение внутренних монологов или монологов в форме исповеди другому персонажу. При этом часто используются риторические конструкции, о которых уже упоминалось ранее. Они направлены в первую очередь на читателя, который теперь не просто «выслушивает» героя и оценивает его поведение и мысли, но и, невольно задаваясь теми же вопросами, приходит к оценке собственного мировоззрения и бытия, для читателя художе-

ственная реальность обретает смысл – а так как «отношение человека к миру определяется смыслом» [2, с. 30], то и внутренний мир «превращается в носителя человеческих смыслов, в мир культуры» [2, с. 30]. При этом форма повествования (от первого или от третьего лица) совершенно не важна, поскольку степень отождествления с персонажем зависит, главным образом, от близости читателю его проблем и подхода к их решению.

Ещё одной отличительной особенностью женской речи является экспрессивность повествования. Предпочтение отдаётся сложным, развёрнутым предложениям, наблюдается частое употребление междометий и смысловых повторов. Наиболее ярким примером, в котором представлены все вышеназванные средства, может послужить отрывок из произведения Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей»: «И это была дверь, калитка, полог в нижнее царство из среднего царства, с земли. Никому не дано было видеть, мм, как души уходят туда, тихо уходят, со страданием, с болью протискиваясь, пролезая с трудом в эту дверцу, видя, мм, прозревая, куда уходят, ибо, так как, поскольку, мм, трудно войти в эти льды непомерные, бесконечные, труден путь смерти, мм, нет конца, кесы и кесы вверх и вниз. И у входа трехпалый, однорукий спрашивает: «Какие новости есть, расскажите», а душа отвечает, как заведено, мм, как полагается, как нужно при встрече с незнакомым хозяином: «Никаких новостей нет», и замолкает, так начинается вечное молчание, навсегда» [5, с. 5].

Таким образом, мы приходим к выводу, что современная женская проза отличается особой психологизацией повествования. Она направлена в большей степени на раскрытие души и разрешение проблем отдельного человека с помощью различных средств психологизации. Через познание героев, через сопереживание им читатель узнаёт самого себя, приходит к осознанию ценности и смысла человеческой жизни.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1 (21). С. 29-33.
2. Бредихин С.Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 182-186.
3. Габриэлян Н.М. Взгляд на женскую прозу // Преображение (Русский феминистский журнал). М., 1993. №1. С. 102-108.
4. Манн Ю.В., Зайцев В.А., Стукалова О.В., Олесина Е.П. Мировая художественная культура. XX век. Литература (+CD). СПб.: Питер, 2008. 464 с.
5. Петрушевская Л.С. Номер Один, или В садах других возможностей. СПб.: Амфора, 2013. 255 с.
6. Улицкая Л.Е. Дочь Бухары. СПб.: Златоуст, 2007. 36 с.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Иманмагомедова Э.А.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье обсуждается вопрос о детерминологизации терминологической лексики в аварском языке. Автор рассматривает один из трех основных способов детерминологиза-

ции терминов в аварском языке, когда первичное вхождение термина в речь связано с его употреблением в качестве метафоры. Отмечается, что в аварском языке в роли таких терминов обычно выступают русские слова, уже подвергшиеся на момент заимствования детерминологизации в языке-источнике.

Ключевые слова: лексика, терминология, терминологизация, детерминологизация, общественно-политический, аварский, лексико-семантический.

Термин как элемент специальной лексики, как известно, отличается однозначностью в пределах определенного терминологического поля, отсутствием синонимии и антонимии, эмоциональной маркированности, но, являясь одновременно и единицей динамического словаря в целом, часто может терять признаки своей «особенности»: выходить за пределы профессионального языка и вступать в разнообразные отношения с другими лексемами. В то же время детерминологизированная лексема может испытывать в языке такие же изменения, как и обычное слово – расширять, сужать или смещать свою семантику, входить в состав сравнений, метафор, употребляться в переносном значении, закреплять затем за собой это переносное значение.

Учитывая все это, в лингвистике принято говорить о терминологизации и детерминологизации. Как утверждают исследователи, «между терминами и общеупотребительной лексикой происходит постоянный обмен: слова общего употребления изменяют свое основное лексическое значение и становятся терминами, а термины все чаще входят в состав общезыковых единиц» [1, с. 13].

Говоря о терминологизации, ученые в основном отмечают обратный по отношению к расширению значения процесс – сужение семантики общеупотребительного слова при одновременном обогащении его содержания [8, с. 107; 2, с. 3]. При этом сужение семантики в результате терминологизации понимают как результат внутрисловных семантических смещений, основным условием которых является «специализация назывательного значения» языковой единицы.

По мнению Б.Н. Головина, ошибочным является понимание терминологизации исключительно как потери словом более общего (широкого) значения и замена его более узким (специальным). По мнению исследователя, «очень часто рядом с терминологическим значением живет и общее, нетерминологическое» [3, с. 96], что свидетельствует о неодинокных случаях расширения значения языковых единиц в процессе их терминологизации.

По нашему мнению, примером терминологизации, которая была вызвана расширением значения языковой единицы, может служить образование в аварском языке термина *магъари* ‘акт бракосочетания’. Специальное значение этого слова, заимствованного из арабского языка, появилось на почве первоначального общеупотребительного его значения, подаваемого в аварско-русском словаре М.-С. Саидова как ‘калым, выкуп за невесту’. Данный термин, имея полностью специальное значение, применяемое в мусульманском законодательстве в Дагестане, первоначально, вероятно, хранило семантическую связь с основным значением этого широко распространенного слова – ‘плата за невесту ее родителям’. Таким образом, общеупотребительное слово *магъари* расширило свое значение за счет перехода в терминологическую сферу. Например: *Ялъуни дандчIвала жидер чIужуги йикIаго цогидальулгун балъгояб магъари лъурал* (Миллат, 2012) ‘Или встретишь таких, которые, имея жен, тайно вступают в брак с другой’.

Детерминологизация, по сравнению с терминологизацией, исследована в современном языкознании в значительно меньшей мере, а связь детерминологизации с таким языковым явлением, как расширение значения слова, еще не была объектом отдельного лингвистического исследования. В своей работе мы руководствуемся пониманием, что в отличие от терминологизации, детерминологизация часто влечет за собой расширение значения слова вплоть до появления в словаре единицы с максимально широким семантическим объемом

По традиционному представлению детерминологизацией называют процесс перехода терминологических лексем в общеупотребительное слово, т.е. иначе говоря – употребление терминов в общелитературном языке. По мнению Л.А. Капанадзе, детерминологизация происходит по двум основным причинам: экстралингвистической (отражение журналистами, публицистами и писателями явлений, связанных с развитием науки, техники, широкой пропаганды научных знаний) и интралингвистической, порождаемой системными связями и отношениями внутри языка [4, с. 81].

В специальной литературе обычно рассматривают три основных способа детерминологизации терминов. Первый способ характеризуется получением термином в обычном общелитературном контексте нового переносного значения, когда первичное вхождение термина в речь связано с его употреблением в качестве метафоры. В дальнейшем метафорическая природа термина постепенно исчезает и на первый план выступает его новое переносное лексическое значение. Другим направлением детерминологизации является генерализация значения, то есть обобщение в речи специального значения термина. Наконец, еще одним способом детерминологизации является использование термина в своем основном значении, но за пределами узкоспециальной сферы в более широком контекстуальном поле.

Наиболее распространенным способом детерминологизации терминологической лексики является первый способ, при котором происходит первичное употребление термина в речи в качестве метафоры. Достаточно большое количество терминов такого рода имеется в русском языке (*отдача, координаты, контакт, апогей, резонанс, амплитуда, синтез, зенит* и др.).

В аварском языке в этой роли обычно выступают русские слова уже подвергшиеся на момент заимствования детерминологизации в языке-источнике. Например, слово *десант* выступает в аварском языке только в своем основном значении военного термина: *десант (-аль, -альул)* воен. десант; *гъаваялъулаб* ~ воздушный десант; *рагъдалаб* ~ морской десант; ~ *рещтIунабизе* высадить десант (АРС 2006: 637). Однако, в публицистическом стиле данный термин, теряя свое специальное значение, может употребляться и в переносном, метафорическом смысле, вследствие чего возникает полисемия этой лексической единицы, например: *Дагъистаналъул машгъурал артистазул десант бачIана Дербенталде гъельул 2000 сон тIубаялъул празникалде* (Р.) ‘Десант известных дагестанских артистов прибыл в Дербент на празднование 2000-летия древнего города’.

Термин *экология* в аварском языке по своему значению совпадает со значением русского этимона. Однако, находясь за пределами своего терминологического поля, переосмысленный метафорически, он теряет свои дефинитивные и системные характеристики и включается в новую ассоциативную связь, напр.:

Ахирисеб заманалда Дагъистаналда кIвар бугеб суал ккун буго рахъдал мацIал цIуниялъул экология (Р.) ‘Сегодня в Дагестане остро встала проблема **экологии** родных языков’.

Изначально относящийся к военному лексикону термин **фронт**, в аварском языке выступает в разных значениях, в том числе и в переносном, детерминологизированном значении, напр.:

Гьелде кIварбусинабулеб буго Россиялъул халкъияб фронталъги (ХIакъикъат, 2016) 'И Российский народный фронт уделяет большое значение этому'.

Итак, мы видим, что, в процессе перехода термина в общелитературное употребление происходит упрощение его понятия, оно как бы приспосабливается к возможностям его понимания в общелитературном языке. В результате детерминологизации термин утрачивает свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобретает прагматические свойства, которых он прежде был лишен, т.е. возникает новое слово, значение которого требует уже не дефиниции, а толкования. Сам же научный термин остается в своем терминологическом поле без изменений [9, с. 13].

По справедливому суждению В.Г. Костомарова, «в общей массе лексических новаций ... наибольшую группу составляют новые значения или переосмысления, служащие средством номинации новых реалий» [5, с. 113].

Вся терминология какой-либо отрасли знания, безусловно, не может перейти в общеупотребительный язык. Детерминологизируется только некоторая ее часть, при этом объем терминологии, вовлекаемый в этот процесс, обусловлен экстралингвистическими факторами. Так, значительная часть общественно-политической терминологии, детерминологизируясь, переходит в общеупотребительный язык и становится общедоступной. Однако существует много общественно-политических терминов, например, философских, которые никогда не выходят за рамки специальных языков и понятны только узкому кругу специалистов. Поэтому ряд исследователей считают, что общественно-политическая терминология и общественно-политическая лексика – это две самостоятельные подсистемы, включающие определенное число лексических единиц, совпадающих в плане выражения, но существенно отличающихся друг от друга как в семантике, так и функционально. Кроме того, каждая из этих подсистем содержит большое число единиц, не совпадающих ни в плане выражения, ни в плане содержания [6, 7].

Список литературы

1. Акинин Ю.В. Детерминологизация английской экономической терминологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук – Самара, 2010. 26 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института философии, литературы и истории. – М., 1939. – Т. 5. – С. 3-54.
3. Головин Б. Н. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1977. – 311 с.
4. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. – М. 1965.
5. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] : из наблюдений за речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. (Язык и время; вып. 1). С. 246.
6. Крючкова Т.Б. Особенности функционирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. – М.: Наука, 1989. – 149 с.
7. Мурадова Л. А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного французского языка: Автореф. дис. ... к-та филол. наук. – Москва, 1986. – 21 с.

8. Пауль Г. Принципы истории языка / перев. с нем. под. ред. А. А. Холодовича. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
9. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Иманмагомедова Э.А.

ассистент кафедры иностранных и латинского языков,
Дагестанский государственный медицинский университет, Россия, г. Махачкала

В статье аварская общественно-политическая терминология рассматривается как подгруппа лексики, на формирование и функционирование которой влияет не только комплекс общих экстралингвистических факторов, определяющих развитие национального языка в целом, но и социальные факторы, которые являются характерными для этой лексико-семантической подгруппы.

Ключевые слова: термин, лексика, терминология, общественно-политический, аварский, лексико-семантический, ядро, периферия.

Некоторые исследователи доказывают сложность выделения общественно-политической терминологии (ОПТ), объясняя это близостью и взаимопроницаемостью общественно-политической лексики (ОПЛ) и ОПТ. Так, П.В. Веселов пишет, что четкое разграничение терминологической и нетерминологической частей общественно-политического словаря дает основания считать ОПЛ и ОПТ взаимосвязанными макросистемами, которые не пересекаются, хотя часть их элементов и совпадает в плане выражения. Они выполняют разные функции. Это отражается в их семантике, вследствие чего, при наличии одной формы у двух лексических единиц, входящих в состав ОПЛ и ОПТ, их нельзя считать идентичными [1, с. 7-8].

Аварская ОПТ органично входит в общенародный язык, сохраняя при этом свои специфические признаки, такие как идеологизированность, социальная оценочность и т.п. В своей работе мы склоняемся к мнению, что ОПТ входит в состав ОПЛ и представляет ядро этой лексико-семантической группы. Это предопределено особенностью ОПТ, которая преимущественно понятна для большинства носителей языка, что противоречит свойству терминологии (общеизвестный термин переходит в активный словарь носителей языка): *инкъилаб* ‘революция’, *ихтияр* ‘право’, *аскар* ‘армия’, *ватІан* ‘отечество’, *ришват* ‘взятка’, *васият* ‘завещание’, *къотІи* ‘договор’ *коррупция* ‘коррупция’ и др.

Периферию аварской ОПЛ представляют номинативные единицы, которые не имели первоначальной общественно-политической семантики, но тяготеют к употреблению в политическом дискурсе: *гьоркъорлъаби* ‘отношения’, *бетІергъанлъи* ‘собственность’, *бетІер* ‘руководитель’, *бутІаби журан* ‘интеграция’, *гІакълу* ‘интеллект’, *гургинаб стол* ‘круглый стол’, *ихтияр* ‘право’, *хасият* ‘специфика’, *хаслъи* ‘особенность’, *гІадиллъи* ‘справедливость’, *хурхен* ‘отношение’, *эркенлъи* ‘свобода’ и др.

Несмотря на то, что ОПТ является частью общей языковой системы вообще и подгруппой лексики, которую исследователи относят к публицистическому стилю, на формирование и функционирование этой лексической группы влияет не

только комплекс общих экстралингвистических факторов, определяющих развитие национального языка в целом, но и социальные факторы, которые являются характерными для этой лексико-семантической подгруппы. Так, например в предложении *Валюта хисулеб бакIалдаса МахIачхъалаялгул цо банкалде босун унеб букIараб 20 миллион гъуруцци, чIваразухъа бахъун, ун руго* (Миллат 2012) – ‘20 миллионов рублей, которых везли из пункта обмена **валюты** в один из банков Махачкалы, были похищены у убитых’. Лексема *валюта* – 1) *началихъалъ чIезабураб гIарцул система ва гъелгул единицаби* ‘принятая в стране денежная система и ее единица’; 2) *батIияб улкаялгул гIарац* ‘деньги иностранного государства’ (РАС 2003: 65) экономический термин отображает общественно-политическую реалию, а именно переход общества к новым экономическим отношениям, которые стали необходимыми в начале 90-х годов XX в. Следовательно мы можем предположить, что любая отраслевая лексическая подсистема языка как система знаковых средств коммуникации в определенной сфере является своеобразной проекцией состояния соответствующей отрасли.

Благодаря средствам массовой информации с их стремлением к экспрессивности и выразительности ОПТ становится известной и понятной широкому кругу носителей языка, потому что проникает в разные сферы человеческой жизнедеятельности и коммуникативные процессы, которые происходят не только между представителями политических сил, но и между обычными людьми. Таким образом происходит «политизирование» языка.

С другой стороны, ОПТ вбирает у себя терминологию из областей знаний, которые в составе этой семантической группы приобретают дополнительные компоненты значения и в процессе речи реализуются как единицы собственно политического содержания. Особенно популярной в политической сфере становится юридическая, экономическая терминология, термины из военного дела, спорта, медицины, из культурной жизни и др., например:

Конституциялгул судалгул хIукму гIумруялде бахъинабун, гъелъ рес къезе буго мухъазда бугеб оппозициялге политикаб къеркъей (Миллат 2014) ‘Реализация решения Конституционного суда дает возможность оппозиции возобновить **политическую борьбу**’;

Эльбин банкалъ финансазул низам лъикIлъизабиялгул планалгул хал гъабугеб буго... (ХIакъикъат, 2011) ‘Эльбин-банк рассматривает план **финансового оздоровления**’.

ХIалтIухъабазулги рекъарухъабазулги гъункараб цолъи шула гъабизе кола (Гумбет, 2012) ‘Надо укреплять **союз** рабочих и крестьян’.

Контрреволюциялгул къуватал Венесуэлаялгул гъунки хисизабизе къеркъолел руго (ХIакъикъат 2015) ‘**Контрреволюционные силы** добиваются смены строя в Венесуэле’.

Находясь в тексте рядом со специальной политологической терминологией такие лексемы (*къеркъей* ‘борьба’, *лъикIлъизаби* ‘оздоровление’, *къуватал* ‘сила’, ‘союз’ и др.) приобретают признаки ОПЛ, поскольку употребляются в специальном контексте и обозначают понятия из области политики. Эти примеры показывают, что ОПЛ насыщена терминами из других сфер, которые адаптируются в процессе употребления и приобретают признаки политической лексики.

Частотность употребления такой лексики начинает заметно расти с начала 90-х годов XX в., что можно объяснить экстралингвистическими причинами – необходимостью точно показать общественные события, связанные с развитием

общества и государства: *халкъазда гьоркъосеб дагIба-рагIи* ‘международный конфликт’; *ракълилаб гIуцIарухъанлъи* ‘мирное строительство’; *заманалъе гьабураб рекъел* ‘перемирие’; *ракълил къуватал* ‘силы мира’; *бергъенлъи* ‘победа’; *классовиял дандеккунгутIиял* ‘классовые противоречия’, *дандечIеялъулаб багъа-бачари* – ‘движение сопротивления’; *цIуна-къаялъул* ‘режим экономии’ и др. стали неотъемлемыми составляющими частями аварского политического дискурса.

Лексика, входящая в группу ОПТ, имеет диффузные пределы, является известной и широко употребляемой, а из-за этого и понятной для большинства носителей языка, поэтому приобретает признаки общеупотребительной лексики, становится неотъемлемой частью языковой картины мира рядового носителя аварского языка. Такие интернационализмы в аварском языке, как *демократия, аннексия, вето, сессия, тактика, ассоциация, договор, идеология, коррупция, мафия, оппозиция, провокация, рапорт, реакция* и т.п. – вышли за пределы политологического дискурса и активно употребляются в языке СМИ.

Функциональная сторона общественно-политических терминов связана не только со структурой языка, но и с политической системой в целом, которая формируется на основе политических интересов, целей государства, то есть целеустремленными социальными действиями людей. Эти действия направлены на удовлетворение связанных с политикой потребностей народа в политической, юридической, экономической, военной и других сферах общественной жизни. Это такие общеупотребительные лексемы общественно-политического дискурса, как: *бетIергъанлъи* ‘собственность’, *бюрократлъи* ‘бюрократизм’, *вакиллъи* ‘представительство’, *васият* ‘завещание’, *гьетIарухъан* ‘уклонист’, *жамагIат* ‘общество’, *забастовкачи* ‘забастовщик’, *инкъилаб* ‘революция’, *ихтияр* ‘право’, *мажлис* ‘собрание’, *миллатчи* ‘националист’, *началихъ* ‘государство’, *рагъухъан* ‘солдат’, *рагъдател* ‘батрак’, *хIукумат* ‘правительство’, *цебетIей* ‘прогресс’ и др.

Являясь соотносительными с соответствующими понятиями в системе определенной области науки, техники или другой сферы человеческих знаний, термины составляют относительно замкнутую систему. Между тем системность названий из области общественно-политической жизни не является замкнутой, поскольку она постоянно испытывает изменения под воздействием экстралингвистических факторов. Как только изменяется общественный строй, побеждает новая идеология, много политических лексем полностью выходят из обихода, становятся историзмами или переходят на определенное время в пассивный фонд в связи с исчезновением понятий, отмечаемых этими названиями.

Например, к группе терминов-историзмов, не имеющих в современном аварском языке соответствий в связи с исчезновением данных реалий, можно отнести слова: *амир* ‘начальник, правитель’, *бидвиххи* ‘высылка за убийство’, *вазир* ‘визирь’, *гулжгат* ‘вид одежды’, *къайсар* ‘цезарь, царь’, *лагъ* ‘раб’, *лъльарчи* ‘виночерпий’, *магъало* ‘дань, подать’, *мадрасхана* ‘здание медресе’, *мазлум* ‘пострадавший от насилия человек’, *макари* ‘ярмарка’, *мирза* ‘писарь, писец’, *назир* ‘управляющий’, *наиб* ‘наиб, наместник’, *напакъа* ‘то, что выделяют богатые на содержание, пропитание неимущих’, *низамнама* ‘устав’, *нусилбетIер* ‘сотник’, *нухтIадулав* ‘посильной (отправляемый с поручением в порядке общественной повинности)’, *нуцал* ‘князь’, *наметици* ‘помещик’, *пара* ‘грош’, *петерхIакъ* ‘плата за ночлег в постоялом дворе’, *сардар* (салдар) ‘наместник’, *узденичи* ‘свободный крестьянин’, *хIамалияв* ‘раб’, *харж* ‘подать, дань’, *шагъи* ‘пять копеек’, *ясахъ* ‘особый вид натурального налога’ и др.

Однако, вытесненные из активного употребления, эти слова продолжают существовать в языке, они часто используются в аварской художественной литературе для описания древней культуры и быта, воссоздания сюжетов исторических событий, отображения языкового колорита прошедших веков.

Можно констатировать, что ОПТ включает в полном объеме термины, отражающие государственное устройство, осуществление государственной власти, отношения между различными слоями населения [2, с. 5], и на формирование и функционирование этой лексической группы воздействует не только совокупность общих внеязыковых факторов, определяющих развитие национального языка в целом, но и аспекты социального характера, которые являются типичными для данной лексико-семантической подгруппы.

Список литературы

1. Веселов П.В. Структура терминов дефинитивного типа: Автореф. дис., канд. филол. наук. М., 1971 – 17 с.
2. Широкова Т.А. Термины и терминология политэкономии социализма (опыт системного исследования на материале современного немецкого языка). М., 1978 – 166 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СМИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

Орлова М.В.

преподаватель кафедры «Журналистика», кандидат филологических наук,
Тольяттинский государственный университет, Россия, г. Тольятти

В статье автор формирует систему идейно-тематических направлений экологической журналистики и заключает, что СМИ, освещающим тему рационального взаимодействия общества с окружающей средой, необходимо следовать научно обоснованной информационной политике, поскольку посредством ее реализации журналистика сможет выступить эффективным участником медиаобразовательного процесса.

Ключевые слова: экология, экологическая журналистика, медиаобразование, устойчивое развитие, ноосфера.

В процессе медиаобразования, направленного на развитие личности потребителя массовой информации с помощью и на материале средств массовой информации, осуществляется процесс подготовки массового сознания к восприятию информации, ее осмыслению, анализу, усвоению, которое выражается в формировании общественного мнения целевой аудитории. Рационализация экологического знания необходима «не только для регистрации роста преступного обращения с природными богатствами, но и для экологического просвещения, предполагающего, с одной стороны, критику безответственного отношения общества к биосфере, а с другой – воспитание нового экологического сознания и новой экологической этики, основанных на четком научно обоснованном объяснении сути и последствий экологических кризисов и катастроф», – отмечает Л. М. Землянова [4, с. 40]. Исследователь в области экологической журналистики Л. А. Коханова утверждает, что журналистика должна стать составляющей программы непрерывного экологического образования, способствующей популяризации знания [5, с. 43].

Для того чтобы действия СМИ, освещающих тему экологии, были прогнозируемыми и способствовали медиапросвещению аудитории посредством воспитания нового экологического сознания, им необходимо следовать научно обоснованной информационной политике, причем в ее реализации требуется участие как специализированных, так универсально-тематических средств массовой информации. Посредством их участия и при условии обеспечения качественных характеристик журналистского текста экологическая журналистика сможет реализовать свои содержательные задачи и, как следствие, выступить эффективным участником медиаобразовательного процесса.

Для определения тематического ряда журналистики данной профилизации необходимо историческое и теоретическое обоснование. Историческое предполагает внимательный анализ генезиса экологических идей, представленных в документах международного уровня, на основе которых формировались и формируются различные экологические программы, реализуемые человечеством. Теоретической базой для определения основных идейно-тематических направлений экологической журналистики должны, на наш взгляд, служить задачи экологии как науки, в результате решения которых создаются, во-первых, теоретические основы охраны природы и, во-вторых, дается научное обоснование производственных и социально-экономических программ [4, с. 221-222].

Первая задача экологии предполагает изучение структуры пространственно-временных объединений организмов (популяций, сообществ, экосистем, биосферы); изучение круговорота веществ и потоков энергии в надорганизменных системах; изучение закономерностей функционирования экосистем и биосферы в целом; изучение реакции надорганизменных систем на воздействие разнообразных экологических факторов; моделирование биологических явлений для экологического прогнозирования [2]. Сведения о результатах этих исследований, изложенные в доступной для понимания форме, могут заинтересовать и широкую читательскую аудиторию СМИ. Вторая теоретическая задача экологии имеет прагматическую направленность, в силу чего может стать тематическим направлением экологической журналистики.

Чтобы определить содержание экологической тематики, направленной на преодоление экологической нестабильности, и прогнозировать ее развитие, прежде, необходимо обратиться к основным этапам развития представлений об устойчивом развитии как необходимом условии поддержания стабильного состояния экологии (историческое обоснование). Выделяется несколько основных этапов в разработке мировым сообществом концепции устойчивого развития. Основные из них: 1972 год – доклад Римскому клубу супругов Медоуз «Пределы роста»; 1992 год – всемирная конференция с «Повесткой дня на XXI век», проведенная ООН в Рио-де-Жанейро; 1995 год – всемирная встреча в Копенгагене; 1996 год – утверждение Концепции перехода на путь устойчивого развития в России (Указ Президента Российской Федерации о переходе России на путь устойчивого развития №440); 2002 год – Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге, ЮАР; 2009 год – конференция ООН по изменению климата (Копенгаген); 2015 года – международная встреча лидеров государств по вопросам устойчивого развития в Париже.

На каждой из международных встреч принимались положения, направленные на обеспечение устойчивости окружающей среды, которые становятся основанием для формулирования основных идейно-тематических направлений экологи-

ческой журналистики. Содержание положений документов, которые будут обобщены нами ниже, коррелируются с научно-теоретическим обоснованием обозначенного вопроса. Теория устойчивого развития представлена в работах Э. А. Азроянца, Н. В. Багрова, В. А. Лося, А. Д. Урсула, А. Л. Романовича, К. Х. Каландарова, В. А. Тураева и других исследователей. Одними из первых разработками в данном направлении занялись В. А. Лось и А. Д. Урсул. Исследователи, основываясь на синергетическом подходе к анализу взаимодействия общества и окружающей среды, оценивают исторический опыт развития этого взаимодействия, анализируют возникшие противоречия в функционировании общества, в том числе обсуждают проблемы рационального взаимодействия общества с окружающей средой, формулируют определение понятия «устойчивое развитие». Исследователи понимают под ним «процесс, обеспечивающий экономический рост социоприродной системы любого уровня сложности, не нарушающий ее безопасности и ведущий к повышению «качества жизни» как настоящих, так и будущих поколений» [6, с. 29].

Э. А. Азроянц, анализируя путь биосферы в направлении накопления резерва устойчивости и дальнейшего развития, выделяет «точки роста». Первая – это человек, «который должен осознавать связь разделяемой им идеологии с траекторией исторического развития», вторая точка – наука, «через призму которой оцениваются масштабы возникающих проблем» [1, с. 14]. Если прогнозируемый наукой пункт траектории общественного развития не устраивает социум, логичным окажется стремление разработать новую мировоззренческую парадигму, которая поможет обеспечить устойчивое развитие общества. По мнению В. А. Тураева, для того, чтобы выработать новые стандарты взаимоотношения с биосферой, человечеству необходимо перейти на новый уровень анализа действительности – ноосферный, выбрав курс на устойчивое развитие цивилизации [9].

Козволюция человека и природы, о которой говорят исследователи, возможна при сформированном экологическом сознании массовой аудитории. Именно о таком соразвитии с окружающей средой на рубеже XIX – XX веков говорил ученый Владимир Иванович Вернадский, написавший по данному вопросу серию научных трудов. Одним из ключевых исследований является его монография «Биосфера и ноосфера», это обобщенный теоретический труд о том, что представляет собой жизнь на земле, который синтезирует в себе идеи и факты множества наук, отражающих тему рационального взаимодействия общества с окружающей средой [3, с. 576]. Концепция ноосферы и планетарного мышления рассматривается ученым как первая ступень ноосферогенеза. «Движение человечества к устойчивому развитию, в конечном счете, приведет к формированию предсказанной русским ученым В. И. Вернадским сферы разума (ноосферы), когда мерилom национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей средой», – отмечает В. А. Тураев [9, с. 172-173].

Концепция ноосферы также раскрывается в теоретических трудах П. Т. Де Шардена, Э. Леруа и в работах современных авторов – Н. Н. Моисеева и В. С. Даниловой, которые одними из первых заинтересовались темой формирования ноосферы.

В последнее десятилетие к данной теме обращаются многие современные исследователи, продолжая рассматривать тему устойчивого развития сквозь призму формирования ноосферы: Багров Н. В., Бушуев В. В., Голубев В. С., Коробейников А. А., Жульков М. В., Когай Е. А., Кожевников Н. Н., Данилова В. С., Кузнецов О. Л., Большаков Б. Е., Петрашов В. В., Смирнов Д. Г., Субетто А. И.,

Урсул А. Д. Теме ноосферного развития, кроме трудов В. И. Вернадского, посвящены работы таких авторов, как Бобков В. Н., Субетто А. И., Буряк В. В., Жульков М. В., Когай Е. А., Кожевников Н. Н., Данилова В. С., Кондрашин И. И., Моисеев Н. Н., Шарден П. Т., Яншина Ф. Т.

Журналистам экологической профилизации на основании данной теории вопроса можно сделать вывод о том, что необходимо анализировать тему рационального взаимодействия общества с окружающей средой сквозь призму научных, философских и литературных произведений, переводя идеи мыслителей, писателей и ученых на язык, понятный массовой аудитории, тем самым приобщая ее к размышлениям о своей частной жизни в планетарных масштабах.

«Учитывая возможности влияния журналистики на массовое сознание, корреспондент рассматривается Ю. П. Буданцевым как ноокоммуникатор, на которого возлагается задача сформировать такой тип мировоззрения, при котором переход на путь устойчивого развития мыслился бы как очевидный процесс, целью которого является наступление ноосферы, о которой писал известный ученый В. И. Вернадский» [8, с. 16].

Таким образом, из исторического генезиса идей и теории вопроса вытекает целый ряд тематических направлений, связанных с правовым сопровождением процессов, направленных на защиту окружающей среды, с выработкой экономических механизмов ответственности за экологические результаты деятельности, с анализом практики соблюдения норм антропогенного воздействия на природу, то есть с практикой медиаобразования населения по вопросу экологической устойчивости.

Критерии, сформулированные на основе исторического и научно-теоретического обоснования информационной политики экологической журналистики, были нами систематизированы с учетом их социетальной природы. Л. М. Семашко, основываясь на теории Т. П. Парсонса, систематизирует все социетальные сферы общества в четыре группы:

1. *Социосфера* включает образование, здравоохранение, спорт, туризм, соцобеспечение, МЧС, профсоюзы, благотворительность, церковь;

2. *Инфосфера* – это культура, наука, философия, богословие, искусство, СМИ, проектирование, издательства, реклама, связь, инфообслуживание, народное духовное творчество;

3. *Оргсфера* – политика, право, армия, госбезопасность, полиция, налоговая служба, другие силовые и охранные отрасли, управление, банки и финансы, общественные организации, местное самоуправление;

4. *Техносфера* включает промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, торговлю/общепит, ЖКХ, бытовое обслуживание, непосредственно охрану природы, лесное хозяйство, народные промыслы.

Основываясь на данной классификации, проблемно-тематические направления экологической журналистики можно представить в следующем виде:

1. Проблемно-тематические направления информационной политики СМИ в социосфере: 1) Пропаганда экологических научных знаний как основ экологической грамотности; 2) Отражение образовательно-воспитательного процесса населения, ведущегося с целью формирования экологических ценностей и на их основе этических норм поведения. Проблемы качества и доступности экологического образования; 3) Освещение проблем организации медицинских услуг, поддерживающих здоровье населения.

II. Проблемно-тематические направления информационной политики СМИ в инфосфере: 1) Сообщение результатов постоянного мониторинга состояния окружающей среды. Распространение научной исследовательской информации о состоянии и хозяйственной емкости локальных и региональных экосистем страны, определяющей уровень еще допустимого антропогенного воздействия на них; 2) Информирование о возможностях экосистем удовлетворить базовые нужды людей и нынешние стандарты жизни; 3) Обсуждение проблем свободы информационного обмена в экологической сфере; 4) Отражение роли семьи, общины и гражданского общества в формировании экологического мировоззрения и поведения населения; 5) Сообщение о результатах регулярной оценки основных показателей качества жизни в России и других странах: продолжительность жизни человечества, состояния его здоровья, отклонение состояния окружающей среды от нормативов, уровень знаний или образовательных навыков, доход (ВВП на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека; 6) Отражение явлений, социальных процессов, способствующих формированию представлений о единстве общества с окружающей средой; 7) Освещение темы рационального взаимодействия общества с окружающей средой сквозь призму научных, философских и литературных произведений, переводя идеи мыслителей, писателей и ученых на язык, понятный массовой аудитории, тем самым приобщая ее к размышлениям о своей частной жизни в планетарных масштабах.

III. Проблемно-тематические направления информационной политики СМИ в оргсфере: 1) Отражение процесса осуществления и результатов проектов, направленных на сохранение окружающей среды, реализуемых на самых различных уровнях, от локальных до международных; 2) Отражение процесса создания правовой основы, обеспечивающей возможности перехода к устойчивому развитию, включая совершенствование действующего законодательства, определяющего, в частности, экономические механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Освещение деятельности правовых структур, защищающих окружающую среду; 3) Представление обществу и обсуждение моделей устойчивого экономического роста, не наносящих ущерба окружающей среде. Представление системы стимулирования хозяйственной деятельности и установление пределов ответственности за ее экологические результаты; 4) Отражение фактов социальной дискриминации относительно природных ресурсов; 5) Отражение взаимодействия оперативного и перспективного характера политических, рыночных и гражданских сил во имя сохранения окружающей среды; 6) Освещение процесса выработки и реализации государственной экологической политики; 7) Отражение общественного мнения и непосредственного влияния гражданского общества на принятие значимых для экологии политических решений. Освещение активных действий гражданского общества в экологической сфере; 8) Освещение проблемы соблюдения экологических интересов страны во внешнеэкономической деятельности и проблемы обеспечения общепланетарной безопасности в организации внутрихозяйственной деятельности; 9) Освещение процессов реализации программ оздоровления окружающей среды в зонах экологического кризиса; 10) Освещение событий и процессов, направленных на интеграцию людей в единое общество, исключаяющее войны как способ выстраивания отношений.

IV. Проблемно-тематические направления информационной политики СМИ в техносфере: 1) Результаты научно-обоснованной экспертизы как планируемой, так и осуществляемой хозяйственной деятельности с учетом длительной пер-

спективы; 2) Анализ проблем рационального использования природного потенциала; 3) Информирование о поддержке со стороны государства и бизнес-сектора новых экологоориентированных технологий и описание процессов внедрения их в производство; 4) Освещение хода научных разработок и процесса внедрения новых источников энергии [8, с. 17-19].

В период с 2011 по 2016 годы нами был проведен анализ публикаций печатных и интернет-изданий, относящихся к разным типологическим группам относительно административно-территориального признака, – федерального, регионального и местного уровней, на предмет качества реализации обозначенной информационной политики. Выбор средств массовой информации для научного исследования был основан на анализе их типологических критериев, ключевыми из них стали типоформирующие признаки, а также тиражность изданий. Из федеральных изданий в качестве эмпирического материала нами была отобрана универсально-тематическая газета «Известия», на региональном – универсально-тематическая газета «Волжская коммуна», на местном – деловая газета «Понеделник» как издание с заметной периодичностью освещающее проблемы городской экологии. В эмпирическую базу электронных СМИ вошли: сайт информационного агентства Newsru.com, интернет-газета Lenta.ru, интернет-издание Meduza.io, информационный портал Samara.ru, новостной сайт 63.ru и тольяттинские информационные сайты Tltgorod.ru, Tlt.ru и Tltnews.ru.

Пролонгированное исследование позволило произвести сравнительный анализ информационной политики текстов изданий, посвященных теме рационального взаимодействия общества с окружающей средой, и претендовать на получение репрезентативных результатов относительно качества ее реализации. В процессе исследования эмпирического материала – 16138 текстов – подробному анализу были подвергнуты 396 текстов, из которых 151 текст составили печатные публикации и 245 – тексты интернет-сайтов.

Анализ продемонстрировал, что из 24 проблемно-тематических направлений в печатных изданиях представлено 16, что составляет 66,6 процента, а в интернет-СМИ – 11 (45,8 процента). В целом в исследуемых печатных и интернет-СМИ нашли отражение 19 проблемно-тематических направлений, что составляет 79 процентов. В СМИ нашли отражение все проблемно-тематические направления из трех представленных групп: «Социосфера», «Оргсфера» и «Техносфера», остались неосвещенными только пять направлений из группы «Инфосфера», среди которых вышеперечисленные направления под № 2, 3, 4, 6 и 7. То есть издания за исследуемый период не информировали о возможностях экосистем удовлетворить базовые нужды людей и нынешние стандарты жизни, не обсуждали проблемы свободы информационного обмена в экологической сфере, не отражали роль семьи и гражданского общества в формировании экологического мировоззрения и поведения населения; не отражали явления, социальные процессы, способствующие формированию представлений о единстве общества с окружающей средой, а также не освещали темы рационального взаимодействия общества с окружающей средой сквозь призму научных, философских и литературных произведений, переводя идеи мыслителей, писателей и ученых на язык, понятный массовой аудитории [8, с. 21].

Для реализации миссии экологической журналистики как непосредственного участника процесса медиаобразования, которая заключается в формировании такого сознательного поведения социума, при котором смогут быть удовлетворены его потребности без нанесения ущерба среде его существования, средствам массовой

информации необходимо более качественно подходить к реализации информационной политики, это позволит увеличить ее потенциальные возможности в решении вопросов, связанных с рациональным взаимодействием общества с окружающей средой.

Список литературы

1. Азроянц, Э. А. Концепция модели устойчивого развития Социума – новая мировоззренческая парадигма. [Текст] / Э. А. Азроянц. – М., 1995-1996. – С. 14.
2. Афонин, А. А. Основы экологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://afonin-59-bio.narod.ru/3_ecology/3_ecology.htm (дата обращения: 15. 11. 2016).
3. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. [Текст] / Л. М. Землянова. – М., 2004. – С. 576.
4. Землянова, Л. М. Идеи экологического просвещения и коммуникативистика [Текст] / Л. М. Землянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер 11. Журналистика. – 1996, №1. – С.40.
5. Коханова, Л. А. Экологическая журналистика, PR и реклама: учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Л. А. Коханова. – М., 2007. – С. 43.
6. Лось, В. А. Устойчивое развитие: учебное пособие [Текст] / В. А. Лось. – М., 2000. – С. 29.
7. Луцюк, В. К., Никитин А. Н., Туренко Ф. П., Эркенова С. М. У человечества есть шанс выжить! [Текст] / В. К. Луцюк, А. Н. Никитин, Ф. П. Туренко, С. М. Эркенова // Вестник РАЕН. – 2012. – №3. – С. 37.
8. Орлова, М. В. Тема рационального взаимодействия общества с окружающей средой в современных СМИ: проблемно-тематический анализ : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.01.10 / Орлова Марина Викторовна. – Воронеж, 2017. – 24 с.
9. Тураев, В. А. Глобальные вызовы человечеству [Текст] / В. А. Тураев. – М., 2002. – С. 172-173.

ДВОИЧНОСТЬ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Павловская И.Г.

доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук,
Волгоградский государственный технический университет, Россия, г. Волгоград

В данной работе образ пространства рассматривается с точки зрения его двоичной структуры, раскрывающейся благодаря характерному для поэзии А.Тарковского образу границы-преграды. Выступающая в качестве некоего ограничителя поэтических топосов граница может выражаться любым возможным способом – как физическим, так и нематериальным. Невозможно не отметить такое свойство границы, как разделение сознания лирического субъекта поэтического текста.

Ключевые слова: двоичность бытия, пространство и время, лирический субъект, топос, поэтический текст, граница-преграда, формы границы.

Восприятие окружающего мира осуществляется человеком различными способами, в том числе и при помощи пространственных моделей. Онтологические характеристики бытия, обладая качественно иной конфигурацией, тем не менее постигаются через пространство. По мысли М. Бахтина: «С точки зрения физико-математической время и пространство жизни человека суть лишь ничтожные отрезки <...> единого и бесконечного времени и пространства, и, конечно, только это

гарантирует их смысловую однозначность и определенность в теоретическом суждении» [2, с.53].

Наиболее существенными для познания мира являются параметры, располагающиеся по двоичным противоположным координатам «верх/низ», «вертикаль/горизонталь», «далеко/близко», «там/здесь» и пр. Лирический субъект оперирует ими, репрезентируя в языке посредством определённых единиц, способных идентифицировать и описать подобные ориентиры. А. Г. Максапетян, исследуя подобные свойства языка, отмечает, что «экстраполяция и последующая глобализация языка описания означают <...> проецирование и индуцирование пользователем данного языка признаков, истинных и действительных только для определенного мира (включая его свойства, структуру, принцип организации, конфигурацию объектов, функции элементов), на некоторые другие миры» [4, с.54]. Очевидной является доминирующая роль языка в идентификации и описании познаваемого окружающего мира.

В поэзии Арсения Тарковского образы пространства и времени заключают в себе не только сугубо авторское видение проблемы, но и спонтанное, не поддающееся объективному анализу выстраивание собственного бытия самим лирическим субъектом. В контексте подобного понимания топоса особое место отводится образу границы-преграды, разделяющей пространство поэтического текста на два топоса, создаваемых лирическим субъектом в его воображении или в поэтической реальности.

Видится важным особо отметить, что роль границы возлагается на различные по своим свойствам объекты – как реальные, видимые и постигаемые по физическим законам объекты, так и вымышленные образы, отграничивающие воображаемые пространства исключительно в поэтическом сознании лирического субъекта. Топосов, существующих параллельно, взаимозависимых, но взаимонепроницаемых и предельно изолированных.

Наличие границы создает тему двоичности мира, зазеркалья – «такой пространственно-временной ситуации, когда события по противоположным сторонам преграды разворачиваются по своим индивидуальным законам в контексте своего особого временного измерения» [5, с.38]. Именно поэтому будет важным вспомнить теорию психологического параллелизма А. Н. Веселовского. По мысли автора означенной теории, события в жизни лирического субъекта синхронны внешним поведенческим проявлениям его поэтического двойника, роль которого обыкновенно выполняет объект окружающего мира, при этом все моменты переживаний героя либо предваряются (прямой параллелизм), либо повторяются (обратный параллелизм) этим двойником. Согласно авторской концепции, схема психологической параллели очевидна: «сопоставляются два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга и перевес будет на стороне того, что наполнен человеческим содержанием» [2, с. 72].

Функция обязательной, но не всегда материальной границы-преграды в точке схождения двух пространств отводится прозрачным визуально, но физически непроницаемым субстанциям. Граница как предметная преграда, связанная с особыми состояниями и интенциями лирических субъекта и объекта, отделяет два пространственных локуса, создавая в них двоичные временные ареалы – динамичное время пространства лирического я-субъекта и перманентную темпоральную статичность пространства он-объекта. Реализация данного положения на материале различных образов осуществляется в той или иной мере в большинстве поэтиче-

ских текстах А. Тарковского. В качестве наиболее частотных исследователи творчества поэта называют следующие: окно/стекло – минимальная линейная пограничная структура, изолирующая локус и временную константу лирического субъекта от проникновения в пространство лирического двойника, являясь, наряду с этим, порогом столкновения и запрета перехода одного пространства в другое; зеркало как пространство смерти на границе двух миров – имплицитно зеркально перевернутое отражение бытия, когда субъект и объект отчетливо противопоставлены друг другу в вербальном и семантическом выражении; глаз/зрачок, выполняя одновременно и функцию органа зрительного восприятия, смещает пространственно-временную границу, приближая ее к лирическому субъекту вплотную, что позволяет получать неискаженную картину мира.

Видится необходимым подробнее остановиться на таких недостаточно изученных выражениях преграды в поэтическом пространстве лирики А. Тарковского, как земля/пыль, с закрепленным за ней эпитетом «прозрачная, как стекло». Данное выражение преграды являет собой сакральный образ с константным значением преграды между миром живых и умерших: «<...> они лежат / В сырой земле и двигаться не могут» [1, с.83]; «Земля зачерствела, как губы, / Обметанные сыпняком» [1, с.315]; «<...> не лицо, а гипсовая маска / Глядит из-под земли на каждого из нас» [1, с.321]; «Земля прозрачнее стекла, / И видно в ней, кого убили / И кто убил: на мертвой пыли / Горит печать добра и зла» [1, с.232].

Границей пространства лирического текста Арсения Тарковского также могут стать природные явления – свет, снег, ветер, дождь, небо и др. Они становятся инвариантами эмоциональных переживаний лирического субъекта, воспринимаясь им как непосредственная характеристика окружающего пространства: «... На ресницы и на мех, / И на серые перчатки начал падать мокрый снег» [1, с. 23]; «Еще любил я <...> небосвод голубизны зеленой, / И то, что я – поэт и беззаконник» [1, с. 35]; «Все, что свято, все, что крылато / <...> Меркнет в желтом огне заката. / Как ты смел туда заглянуть?» [1, с.42]; «И дождь, и особенно поздний час, / И капли бегут по холодным ветвям. / Ни словом унять, ни платком утереть...» [1, с.43]; «А на улице ветер лютует, / Он из сердца повывудет хмель» [1, с. 62]; «Как слезы, капли дождевые / Светились на лице твоём» [1, с.65]; «Ветер дунет, снег взвоется.... / Вот и все, чем смерть жива» [1, с. 111]; «Пойдет прохлада низом / Траву в коленях гнуть, / И дождь по гроздьям сизым / Покатиться, как ртуть» [1, с. 177]; «Над черно-сизой ямою / И жухлым снегом в яме / Заплакала душа моя / Прощальными слезами» [1, с. 182]; «Где ветер бросает ножи / В стекло министерств и музеев» [1, с. 184]; «И старческой рукою моет стекла / Сентябрьский ветер, и уходит прочь» [1, с. 191]; «За то, что ты надежды / Уводишь, уходя, / И ткань твоей одежды / Из ветра и дождя» [1, с. 192].

Таким образом, можно утверждать, что двоичность поэтического локуса лирического произведения определяется наличием некоей преграды, воспринимаемой лирическим субъектом по-своему, исключая закономерности действительности. Важно отметить, что роль границы традиционно выполняют объекты пространства, окружающего лирический субъект, несущие перманентные свойства: непреодолимость, визуальная проницаемость и, факультативно, нефиксированное положение в пространстве – способность перемещаться на ареале двух лирических локусов – пространств лирического субъекта и лирического объекта. В контексте творчества А. Тарковского не встречается фиксировано только какой-либо одной формы преграды, но она всегда описана как максимально непреодолимая, с факультативной

прозрачностью и визуальной проницаемостью. Преграда на стыке двух поэтических пространств позволяет не только отграничивать их, но и способствует организации сознания лирического субъекта, его оценки двойности свойств пространства, а также собственного мировоззрения и системы ценностей.

Список литературы

1. Тарковский А.А. Белый день: Стихотворения и поэмы. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Яуза, 1997. 384 с.
2. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 337 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
4. Максапетян А.Г. Языки описания и модели мира // Вопросы философии. 2003. №2. С.53-65.
5. Павловская И.Г. Мотив раздвоенного бытия в лирике А. Тарковского // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре: материалы IV Междунар. научной конф., посвящ. памяти А. М. Буланова, Волгоград, 29 октября – 3 ноября 2007 года. Ч.2. – Волгоград, 29 октября – 3 ноября 2007 года. Ч.2. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. С38-45.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАССКАЗОВ И.А. БУНИНА С ПОМОЩЬЮ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ

Пронадеева Е.Н.

ст. преподаватель кафедры культуры и психологии предпринимательства,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

В статье представлено осмысление термина «концепт». Особое внимание уделено концепту *Атлантида в рассказе И.А.Бунина «Господин из Сан-Франциско»*, точнее нескольким видам заданий, которые позволяют интерпретировать символический образ как концепт.

Ключевые слова: концепт, интерпретация, текст, символ, семантическое поле, образ, идея.

В настоящее время концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на то, что понятие *концепт* можно считать утвердившимся для современной когнитивистики, содержание этого понятия варьируется в концепциях отдельных ученых и научных школ.

На протяжении всей своей истории термин и понятие «концепт» претерпевали изменения, и до настоящего времени они не имеют однозначных интерпретаций ни в лингвистике, ни в логике, ни в философии, ни в культурологии. Концепт представляет собой многоаспектную ментальную единицу. Связь с психической деятельностью человека, многообразие содержания концепта обуславливает трудности его интерпретации и влечет за собой множественность толкований.

Несмотря на разнообразие существующих определений концепта, можно выделить в них общую черту: в них всегда подчеркивается актуальная для современной лингвистики идея комплексного изучения языка, сознания и культуры.

Концепты в произведениях И. А. Бунина имеют мощный текстообразующий потенциал, который недостаточно широко реализуется в современных школьных учебниках и на уроках литературы. Развернутая система заданий, предлагаемая учащимся, актуализирует различные сферы читательского восприятия, вызывая эмоциональный отклик на художественный текст в целом, способствуя развитию воображения, формируя аналитические навыки, которые помогают подросткам постичь авторскую позицию и осознать способы ее воплощения.

Рассмотрим изучение концептов на примере рассказов И. Бунина.

Очевидно, что работа с концептами не может быть сведена к традиционной работе с символическими образами, хотя и включает её в своё когнитивное поле, в связи с чем представляются неизбежными выходы на межпредметные связи (литература как предмет в её отношении к таким предметам, как русский язык, искусство, история, обществознание).

Но выход на межпредметные связи таит в себе и серьёзную опасность: соотнесение художественных смыслов, которые выражает образ-концепт в литературном произведении, с теми смыслами, которые обнаруживаются в других текстах (художественных и нехудожественных), с лексическими значениями, закреплёнными в самом языке, соотнесение, без которого немислима серьёзная, системная работа с концептами, может разрушить представление школьников об этом произведении как художественной целостности. Следовательно, необходимо создать такую методику, в которой центростремительный вектор движения будет определяющим, первичным (постижение художественного мира изучаемого литературного произведения), а центробежный (выход за пределы изучаемого литературного произведения) – производным, хотя и чрезвычайно важным. Выдержать этот принцип на практике, как показывают отдельные исследования по методике, очень непросто, но необходимо. Иначе границы литературы как предмета будут размыты. На наш взгляд, усиление и расширение межпредметных связей не должно приводить к таким печальным последствиям [5, с. 141].

Прежде всего необходимо выделить те задания, которые предполагают погружение в художественный текст, осмысление его реалий.

После того как ученики осмыслили реалии текста, целесообразным представляется выход за его рамки, позволяющий интерпретировать символический образ как концепт.

Рассмотрение художественного концепта обязательным образом включает в себя анализ его ассоциативных связей, выявление наполнения ассоциативно-семантического поля содержания концепта и особенностей его репрезентации в произведении, так как в художественном тексте «диалог автора и адресата происходит на ассоциативной основе».

Покажем на примере урока в одиннадцатом классе по рассказу И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» те виды заданий, которые нацеливают школьников на непосредственную работу с концептом *Атлантида*.

В рассказе этот образ определяет содержание и композицию литературного произведения.

Ученики зачитывают цитаты и комментируют их, вводя в свои комментарии элементы анализа. На основе работы с текстом одиннадцатиклассники делают вывод о том, что Атлантида в начале рассказа символизирует роскошь, богатство, удовольствие, веселье, «игру в любовь», лицемерие, а в конце произведения – корабль. Причём этому кораблю резко противопоставлен океан. Он, в пучине которо-

го движется корабль, символизирует водную стихию, неподвластную человеку вне зависимости от его богатства (вместе с учащимися рассматриваем репродукции картин И. К. Айвазовского и зачитываем из рассказа Бунина описание океана).

Далее обращаем внимание еще на один образ, – это действующий и по сей день вулкан Везувий, несколько раз эпизодично упоминаемый в рассказе. «Жизнь в Неаполе тотчас же потекла по заведенному порядку: рано утром – завтрак в сумрачной столовой, облачное, мало обещающее небо и толпа гидов у дверей вестибюля; потом первые улыбки теплого розоватого солнца, вид с высоко висящего балкона на Везувий, до подножия окутанный сияющими утренними парами...» А между тем это прямое указание на гибель античной Помпеи, где люди, пытаясь унести с собой как можно больше богатства, гибли под раскалёнными потоками лавы.

В рассказе упоминается император Тиберий. Его имя тоже символично. Оно входит в семантическое поле Атлантида – Везувий – Тиберий. Это историческое лицо, правитель, при котором был распят Иисус Христос, после чего император укрылся в горах в пещере. Бренность властного земного существования была свойственна и господину из Сан-Франциско, погибла и Атлантида.

Далее задаем учащимся вопрос: «Какой момент в рассказе можно считать кульминационным?». Конечно, приходим к выводу, что это эпизод смерти главного героя, о которой тот и не задумывался. Но дыхание смерти в рассказе Бунина уже чувствовалось. Мелодия смерти подспудно начинает звучать с самых первых страниц произведения, постепенно становясь ведущим мотивом. Вначале смерть предельно эстетизирована, живописна (сцена стрельбы в голубей в Монте-Карло). Затем намёк на смерть возникает в описании портрета наследного принца одного из азиатских государств, усы которого «сквозили, как у мертвого», и кожа на лице была «точно натянута». Более явственно дыхание смерти чувствуется в наружности главного героя, в портрете которого преобладают желто-черно-серебристые тона: золотые пломбы в зубах, желтоватое лицо слоновой кости череп.

И вот кульминация: тело умершего господина в длинном ящике из-под содовой воды вновь окажется на «Атлантиде». Задаем учащимся вопрос: «Каков композиционный принцип действует в рассказе?» Приходим к выводу, что для построения рассказа характерно композиционное кольцо: описание плавания на «Атлантиде» дается в начале и в конце рассказа, при этом варьируются одни и те же образы: огни корабля (огненные глаза), прекрасный струнный оркестр, нанятая влюбленная пара. «Атлантида» у Бунина – тот корабль, который «громиден», «стойкий, тверд, величав и страшен», он построен Новым Человеком, который установил на земле антигуманные законы, заковавший себя в кандалы лживой морали.

В рассказе «Господин из «Сан-Франциско» мысль о неминуемой катастрофе мира приобретает завершенность. Конкретные события, бытовые детали, часто используемые как средства создания подтекста, помогают понять, каков взгляд писателя на смысл жизни, её истинные и ложные ценности. Рассказ Бунина обнаруживает мастерство символизации, доведённое до совершенства: это и бессмысленное перемещение господина в пространстве, и укрупненный мотив стихийного движения, бушующего океана, и безусловно, название корабля «Атлантида».

Далее выходим за рамки данного рассказа, что позволяет интерпретировать символический образ Атлантида как концепт.

Прежде всего необходима историческая и культурологическая информация об Атлантиде, в связи с чем предлагаем выступить 1-2 ученикам с подготовленным заранее индивидуальным заданием.

Рассказ учеников сопровождается рассмотрением репродукции картины Н.Рериха «Гибель Атлантиды».

На следующем этапе учебного занятия ученикам предлагается для осмысления подборка цитат из словарей и энциклопедий различного типа. Эти цитаты представляют собой истолкование лексического значения слова *Атлантида*. Перед одиннадцатиклассниками ставится задача выявить тенденции в характеристике этого слова. Приведём в качестве примера формулировку, которую можно назвать типичной: «По мифу, который, как рассказывает Платон в Тимее и Критии, один египетский жрец будто бы сообщил Солону, так назывался громадный остров на Атлантическом океане; по пространству он будто был обширнее Азии и Ливии вместе взятых, но исчез» (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона). Перед нами не что иное, как краткое изложение содержания мифа. Но элемент осмысления, интерпретации присутствует, например, в следующей цитате: «Священный остров, *символ идеального государства*. В мифологеме о золотом веке под Атлантидой подразумевалась *сверхразвитая допотопная цивилизация*. Осколки знаний атлантов сохранились в эзотерических религиозных традициях разных народов» (энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы»). Курсивом мы выделили те слова, которая содержат в себе элемент истолкования, осмысления передаваемой информации.

Отдельным ученикам предварительно давалось задание написать синквейны об Атлантиде. На уроке они зачитываются и обсуждаются.

Задания, охарактеризованные выше, служат одному: в сознании учеников должно закрепиться традиционное представление об Атлантиде, которое непосредственно коррелирует с языковым значением этого слова. И на этом фоне более отчётливой будет бунинская интерпретация слова, превращающегося в художественный символ, ибо пароход «Атлантида» в рассказе «Господин из Сан-Франциско» – это обобщённый образ современного писателю деградирующего буржуазного мира, отражающий его социальную модель с противопоставлением «верхних» и «нижних» этажей жизни. Это то имя собственное, которое у Бунина становится нарицательным.

Далее бунинский рассказ включается в исторический контекст: учитель напоминает школьникам о трагическом событии 1912-го года (за три года до написания рассказа). Имеется в виду трагическая гибель более полутора тысяч человек на крупнейшем пассажирском судне «Титаник». Это событие прозвучало предостережением человечеству, упоённому научными успехами, убеждённому в своих безграничных возможностях. Огромный «Титаник» на какое-то время стал символом этой мощи. Но его погружение в волны океана, самоуверенность капитана, не внявшего сигналам опасности, не способного противостоять стихии, подтвердили хрупкость и незащищённость человека перед лицом природных сил. Может быть, наиболее остро воспринял эту катастрофу Иван Бунин, увидевший в ней итог деятельности «гордыни Нового Человека со старым сердцем».

Но представляется важным и включение бунинского произведения в литературный контекст, в связи с чем учитель характеризует произведение Н. Рериха «Миф Атлантиды», в котором гибель древней цивилизации становится неизбежной лишь после того, как правитель произносит следующие слова: «Вы отняли солнце моё! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы ме-

ня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зелёных лугов уже мне не видать... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звёзды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы всё от меня заслонили... Вы отняли всё от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...».

Этический аспект становится главным, определяющим для Н. Рериха, ибо только любовь становится условием жизни. Следствие её исчезновения, ухода из мира – смерть, уничтожение. Но ведь и бунинское произведение о мире, забывшем о любви, духовности. Только в тексте рассказа она приобретает христианскую окраску, в связи с чем ученики вспоминают о скульптуре матери божией, изображённой писателем и резко противопоставленной цивилизации, в которой обнаруживаются чуть ли не языческие черты.

Содержание и результаты анализа рассказов И. Бунина приводят к следующему выводу: изучение концептов должно проводиться в трёх основных направлениях: 1) в ходе анализа и интерпретации литературного произведения как относительно имманентной структуры; 2) на основе приёмов контекстного подхода к его изучению; 3) через актуализацию механизмов художественного мышления (создание творческих работ в жанре рассказа, стихотворения в прозе и т.п.); 4) через приёмы, способствующие «философизации» обобщающего высказывания.

При этом те или новые смыслы, передаваемые текстами, должны рассматриваться на фоне языковых значений. Иначе говоря, вне координации языковой и речевой семантики трудно представить серьёзный разговор о концептах [5, с. 203].

Список литературы

1. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.4. / Редкол.: Ю.Бондарев, О.Михайлов, В.Рынкевич. – М.: Худ.лит., 1988. – 702 с.
2. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе / В.Г.Зусман. Н. Новгород. 2001. – 167 с.
3. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В.Г.Зусман // Вопросы литературы. 2003. №2. С. 15-18.
4. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. СПбГУ, 1992. Вып. 3., №16. С. 16-25.
5. Пропадеева Е. Н. Работа с концептами на уроках литературы в рамках констатирующего эксперимента // Нижегородское образование. 2013. №3. С. 198-203.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М., 1997. – 824 с.
7. Шутан М. И. Моделирование как учебная деятельность на уроке литературы / М. И. Шутан. Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. – 181 с.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «РАДОСТЬ» В РУССКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ)

Сангаджиева А.А.

магистрант 2 курса направления «Филология»,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

Сарангаева Ж.Н.

канд. филол. наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

В данной статье дается лексико-семантическое описание концепта «радость» в русском и калмыцком языках. Приводятся его синонимические и сочетаемостные характеристики в сравниваемых языках.

Ключевые слова: концепт, радость, лексическая единица, русский и калмыцкий языки.

Данная работа посвящена описанию языкового воплощения концепта «радость» в русском и калмыцком языках.

В толковом словаре русского языка слово «радость» имеет следующие значения:

Радость – 1. Чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. *Большая, бурная, искренняя, неподдельная радость. Чувство, ощущение радости, испытывать, чувствовать, выражать радость. От радости смеяться, плакать. Вне себя от радости* (очень рад). *С радостью помогу* (охотно, с готовностью). *Не в радость что-л.* (не доставляет радости). 2. То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье. *Радости жизни. Радость матери – дети. В семье большая радость – получили новую квартиру. Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заранее* (Пушкин). 3. Разг. Ласковое, нежное обращение. *Радость ты моя!* На радостях. По случаю какого-л. Счастливого события. С какой радости? Чего ради, почему?

Радостный – 1. Испытывающий чувство радости. *Он был радостен, как дитя. Я застал его радостным, довольным.* || Выражающий радость. *Радостный взгляд, смех, возглас. Радостная улыбка. Радостный вид у кого-либо.* || Наполненный радостью. *Радостное настроение, чувство. Радостный миг, день.* 2. Вызывающий, доставляющий радость. *Радостное известие, сообщение. Радостное событие. Радостная встреча.* **Радостность** – *Радостность взгляда* [1].

В новом объяснительном словаре синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна концепт «радость» толкуется через глагол «радоваться» и его синоним «ликовать», «торжествовать». Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) тип субъекта, способного испытывать эмоцию, например, **ликовать** могут только люди, а **радоваться** – высшие животные; 2) причины, которые ее вызывают (**торжествуют** по поводу своей правоты, а **радуются** всему хорошему), 3) роль свойств самого субъекта в возникновении эмоции (**радоваться** может любой человек, способный видеть светлые стороны в жизни).

ни, а ликуют люди, склонные к некритичному и восторженному восприятию действительности), 4) характер эмоции, ее интенсивность, глубина и продолжительность (**радоваться** обозначает более глубокую, хотя и менее интенсивную эмоцию, чем **ликовать и торжествовать**); 5) сопровождающие ее чувства или состояния (радость может сопровождаться легкой грустью, а ликование вытесняет из души все другие эмоции); 6) ее возможные проявления – в движении, жесте, мимике, речи и т.д. (**радоваться** можно тихо, никак не проявляя своих чувств, а **ликовать** тихо нельзя) [3, с. 919].

В русском языке понятие «радость» характеризуется следующими прилагательными: «безграничная», «безгрешная», «безмерная», «безудержная», «безумная», «беспечная», «беспричинная», «бешеная», «большая», «быстротечная» (поэт.), «внезапная», «волнующая», «восторженная», «великая», «детская», «дикая» (разг.), «жуткая», «лучезарная» (уст. поэт.), «лучистая» (устар. поэт.), «наивная», «невинная», «невыразимая», «нежданная», «неземная», «неистовая», «необыкновенная», «неописуемая», «неповторимая», «несказанная», «нескрываемая» и т.д.

Среди глагольных сочетаний наиболее распространенными являются такие, как «делиться с радостью», «доставлять радость», «испытывать радость», «плакать / кричать от радости», «предаваться радости по поводу чего-либо», «сиять от радости», «светиться радостью», «излучать радость», «прыгать от радости», «омрачать радость» и т.д.

В калмыцком языке слово «радость» переводится «байр – радость, веселье»: байр ик болв – велика была радость. Слово «байр» обозначает «праздник, торжество»: Май сарин нег шин – Хаврин болн Күч келснэ байрин өдр – Первое мая – праздник Весны и Труда. Понятие «радость» в калмыцком языке передается парным словосочетанием «байр-бах – радость, восторг» и ассоциируется с понятием «счастье»: байр-бахта жирһл – счастливая жизнь; байр-бах уга – несчастливый, безрадостный [2, с. 98-99].

Глагол «байрлх» имеет значения «торжествовать», «радоваться», «быть радостным»: икэр байрлх – безмерно радоваться; тер икэр байрлв – он очень обрадовался. Лексема «байрта» обозначает «радостный, отрадный»: байрта зэнг – радостная новость, отрадное известие; байрта жирһл – радостная счастливая жизнь; байрта чирэһәһ – с радостным лицом; чамаг ирснд би йир ик байрта бээнэв – я очень рад твоему приезду; байртаһар харһтл! До свидания! До радостной встречи! До свидания!

Основными синонимами понятия «байр» являются лексемы «тав» с общим значением «желание, удовольствие» (тав авх – удовлетвориться; посл. сэн күүнэ тав хантл, му күүнэ эмн һардг – пока сильный удовлетворит свое желание, простой человек лишится жизни), «нэр – пир, веселье, гулянье» (нэр кех / болх – устраивать пир, радоваться), «сергһн – развлечение, «сергмж – утешение, радость», «уст. ценгл – веселье, развлечение, забава; наслаждение, блаженство; жирһлин ценгл – счастье в жизни», «жирһл – счастье, блаженство, наслаждением» (жирһл эдлх – испытывать счастье, гер-бүлин жирһл – семейное счастье).

Таким образом, исследование лексическо-семантических дериватов концепта «радость / байр» в сравниваемых языках показало, что в русском языке понятие «радость» в русском языке подчеркивает эмоциональное состояние человека, в то время как в калмыцком языке понятие «байр – радость» ассоциируется с весельем, праздником, торжеством, связано с понятием счастья и благоденствия.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
2. Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Издательство «Русский язык», 1977.
3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Свинцова И.Ю.

профессор кафедры русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Ханкук университет иностранных языков, Республика Корея, г. Сеул

В статье представлена семантическая характеристика русских безличных предложений, дается определение различных видов субъекта – субъекта нулевого, мнимого. Показаны возможные виды трансформации безличных предложений в двусоставные.

Ключевые слова: безличность, субъект мнимый, субъект нулевой, детерминант, двучленность, экспликация, импликация, трансформация, предикат.

«Безличные предложения образуют сложную и пеструю гамму переходных типов от полной безличности до безличности мнимой или потенциальной» [3, с. 329]. Среди безличных глагольных предложений модели Vf3s с точки зрения содержания выделяются следующие группы:

- 1) предложения, выражающие процессуальное состояние:
 - а) человека, живого существа (*Грудь охватило радостью, На душе полегчало*);
 - б) природы, среды (*С утра парило, Из комнаты потянуло холодом*).
- 2) предложения, выражающие более конкретизированное действие неопределенного деятеля, какой-то силы и т.п. (*Вдруг снова за углом бабахнуло*).

Исходя из субъектно-предикатной двучленности суждения, логично последовательно развивать тезис о содержательной двусоставности простого русского предложения. Итак, двусоставное предложение – инвариант для субъектно-предикатных конструкций (Sb-Pd: *Нога болит*). Неполное предложение с «опущенным» субъектом, например ([Sb]-Pd: *Гуляет*). Предложение с нулевым субъектом (Sb0-Pd: *Морозит. Меня тошнит. Мне везет*). Предложение с субъектом мнимым (Sbmн.-Pd: *С крыши капало. Дорогу замело. В боку закололо*). Все предложения объединяет предикат Vf3s.

Предложения типа *В голове шумит* могут трансформироваться в двусоставные, например: *В голове шумит – Голова шумит – Шум есть в голове*. Субъект позиционный лексически тождествен распространителю и замещает позицию субъекта мнимого в грамматикализованной форме.

Некоторые предложения с Sbmнимым можно трансформировать в двусоставные, если заместить субъект при возможности конкретизации лексически:

За углом бабахнуло. – За углом бомба бабахнула.

С крыши капало. – С крыши вода/смола капала.

Трансформация таких предложений в двусоставные, как например, *Меня тошнит, Ребенку не спится* осуществляется за счет привлечения дополнительных лексических средств и никогда не является тождественной, ср.:

Меня тошнит. ≠ Я чувствую тошноту.

Человеку не спится. ≠ Человек не может спать.

С точки зрения эксплицированности/неэксплицированности субъекта и соотношения с субъектно-предикативной структурой понятие субъекта мнимого оказывается шире понятия субъекта нулевого.

Лексически выраженный субъект двусоставного предложения типа *Голова шумит*, несмотря на свою формальную, грамматикализованную – именительный падеж – выраженность, все-таки имеет значение локализатора (носителя) предикативного признака. Внешне двусоставная модель по содержанию тяготеет к безличным предложениям. Вербализованный субъект *Голова*, на наш взгляд, с точки зрения семантики будет характерным заместителем субъекта мнимого в безличных структурах.

В разных типах безличных предложений типа Vf3s используются как общие, так и специфические распространители. В одном случае преобладают объектные, в другом – локальные детерминанты.

Например в предложении *На улице подмораживает* локальный детерминант полностью десемантизируется. *На улице* обозначает просто макромир, некий фрагмент действительности. В то время как в предложении *В трубах загудело* детерминант с локальным значением более конкретен, он представляет какое-то определенное место, время.

Для предикатов типа *пахнет, выворачивает* необходимы присловные распространители, например *Пахнет духами, Выворачивало деревья*, которые конкретизируют сферу действия предиката. По мере удаления от предикативного ядра ослабляются связи между предикатом и распространителями.

Предложение типа *Голова шумит* содержит грамматикализованный субъект, который несет в себе черты субъекта мнимого:

Ср. Голова шумит. // Что-то в голове шумит. // В голове шумит.

и Ребенок шумит. ≠ Что-то в ребенке шумит. ≠ В ребенке шумит, где грамматикализованный субъект – реальный исполнитель действия. В предложении же *Голова шумит* предикат – личный глагол, а распространители имеют факультативный характер.

Предложения типа *В трубах загудело, В голове шумит, На улице выворачивало деревья* содержат субъект мнимый. Предикат здесь – это безличный лексико-семантический вариант личного глагола. Распространители могут быть двух типов: обязательные и факультативные. Субъект мнимый может быть замещен обязательными распространителями, обозначающими сферу действия предиката. При трансформации (хотя и не тождественной) лексически выраженный распространитель становится субъектом позиционным – грамматикализованной формой (именительным падежом) субъекта мнимого, например *Во рту пересохло. – Рот пересох.*

Предложения типа *Морозит, Меня тошнит, Степе повезло* имеют субъект нулевой, а предикат в них выражен безличным глаголом. Распространители могут иметь обязательный и факультативный характер. Компенсация нулевого субъекта исключается, а заместители субъекта нулевого – обязательные распространители – определяют лишь сферу действия предиката.

Инвариантом – переходной конструкцией от полной безличности к личным конструкциям – будут предложения типа *В голове шумит*, так как они содержат в себе те и другие параметры, поддаются трансформациям, соотносимы и с личными, и с безличными предложениями.

Если рассмотреть инвариант и варианты конструкции Vf3s, получим следующие характеристики и соотношения таких предложений.

Не спится, Тошнит – конструкции, в которых необходима экспликация сферы действия предиката (чаще всего это лицо), а также контекст; предикат здесь – безличный глагол, содержащий в своей семантике нулевой субъект.

Мне не спится, Человека тошнит – полные и достаточные конструкции с присловными распространителями субъектно-объектного типа, обозначающими сферу действия предиката.

С пяти утра мне не спится, В самолете человека тошнит – сфера действия предиката в этих предложениях – присловные и неприсловные распространители.

Я не могу спать, Человек чувствует тошноту – возможная, хотя и не тождественная трансформация в двусоставные предложения.

Предложения типа *Мне не спится, Человека тошнит* в ряду анализируемых нами конструкций будут обладать наименьшей степенью абстракции и максимальной семантической и лексико-грамматической близостью к двусоставным структурам. По этим признакам обозначим их +++, где первый + – степень абстрактности субъекта, второй + – семантическая определенность субъекта, третий + – лексико-грамматическая близость (тождество) к субъектным двусоставным структурам. + – это максимальная степень выраженности вышеназванных признаков, – – наименьшая степень выраженности вышеназванных признаков или полное их отсутствие, ± – средняя степень выраженности вышеназванных признаков.

Например *Бабахнуло, Загудело* – конструкции, которым необходима экспликация сферы действия (это может быть лицо или не лицо), а также контекст; предикат здесь – личный глагол в безличном значении, в семантику которого имплицирован мнимый субъект.

В трубах загудело, За окном бабахнуло // В голове загудело, В ушах бабахнуло – это полные, достаточные конструкции с облигаторными неприсловными распространителями, обозначающими сферу действия предиката.

С помощью местоимений «что-то», «нечто» замещается позиция мнимого субъекта, структура становится двусоставной: *В трубах что-то загудело, За окном что-то бабахнуло, В ушах что-то бабахнуло*. В этих случаях трансформы не тождественны.

Трубы загудели, Голова загудела – это нетождественные трансформы с субъектом позиционным (грамматикализованной формой), образованным от лексемы, обозначающей сферу действия предиката в так называемом односоставном предложении. Степень абстракции и формального и семантического сходства с двусоставными предложениями можно представить следующим образом: + ± –.

Выворачивало, Замело – семантически недостаточные, неполные конструкции; им необходима экспликация хотя бы объекта предикации, желателен также контекст. Предикат здесь – личный глагол в безличном значении.

Деревья выворачивало, Дорогу замело – семантически достаточные конструкции с присловными распространителями, обозначающими сферу действия предиката; экспликация «орудия действия» факультативна, поскольку это значение имплицировано в семантику глагольного предиката. Иногда необходим контекст.

Деревья выворачивало ветром, Дорогу замело снегом – возможное распространение конструкции с лексическим выражением «орудия действия».

Ветер выворачивал деревья, Снег замел дорогу – нетождественные трансформы – двусоставные предложения. Степень абстракции и формального и семантического сходства можно представить следующим образом: + — —.

Моросит, Светает – конструкции, не требующие экспликации субъекта, наличие контекста факультативно, предикат – безличный глагол, включающий в себя нулевой субъект на уровне глубинной структуры.

За окном моросит, На улице светает – расширенная конструкция с факультативными распространителями – детерминантами с локальным и/или темпоральным значениями, десемантизированные; они обозначают сферу действия предиката как макромир или часть макромира.

За окном есть морось, На улице есть свет – узуальные трансформации в двусоставное предложение либо невозможны, либо трансформ имеет совсем другое значение.

Предложения типа *Моросит, Светает* демонстрируют наибольшую степень абстрагирования, находятся в экстраполяции по отношению к двусоставным предложениям, символически это можно выразить таким образом: — — —.

Если попытаться представить шкалу наиболее типичных глаголов, репрезентирующих предикат в данных конструкциях, то она будет выглядеть следующим образом: *моросит* – *тошнит* – *заметает* – *шумит*. Здесь отражается процесс убывания признаков безличности: от наиболее типичных «*моросит*» и «*тошнит*» через «*заметает*», где все же «чувствуется» безличность, к глаголу «*шумит*», в котором без контекста и лексического окружения безличность не мыслится.

Таким образом, предложения, объединенные признаком безличности предиката, неоднородны. Среди них можно встретить конструкции, формально и семантически подобные двусоставным, переходные типы и так называемые типичные безличные односоставные предложения. С точки зрения семантики, наиболее «чистыми» безличными будут предложения, выражающие процессуальное состояние природы, среды; затем предложения, выражающие процессуальное состояние человека, живого существа; далее идут конструкции, в которых выражается более «конкретизированное» действие неопределенного деятеля, какой-то силы и т.п. В наибольшей степени тяготеют к двусоставным предложениям конструкции типа *У меня в голове шумит*.

This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2017.

Список литературы

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha. 1978. 159 с.
2. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М. 1967. 251 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1972. 614 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. 1982. 368 с.
5. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л. 1972. 216 с.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Соколовская Ж.В.

доцент кафедры романо-германской филологии, канд. филол. наук, доцент,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Россия, г. Великий Новгород

Коновалова Д.В.

студентка, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Россия, г. Великий Новгород

В данной статье рассматриваются особенности перевода языковых единиц с французского на русский язык в рамках научно-популярного дискурса. Исследование проведено на материале самостоятельного перевода отрывка книги Катрин Дюфур «Le Goût de l'immortalité». Были выявлены основные трудности передачи французской лексики и синтаксиса на русский язык и определены наиболее приемлемые варианты их перевода.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, научная фантастика, термин, перевод с французского на русский язык, переводческая трансформация.

К научно-популярному дискурсу относятся тексты разных жанров, объединенные следующими коммуникативными задачами:

1. Популяризация последних научных достижений среди широких слоев населения.
2. Поддержание интереса к научному сообществу.
3. Построение информационной мультимедийной сети, включающей в себя различные источники информации по научной тематике.
4. Вовлечение публики в жизнь научных сообществ.
5. Глобальные цели единения планеты в связи с крупнейшими проблемами человечества (например, экологическими).
6. Привлечение внимания общественности к важнейшим научным вопросам и целям (медицинским, военным и т.д.).
7. Продвижение научных концепций и готовых разработок – для авторов научно-популярных текстов – отправителей информации.

Согласно Л.А. Егоровой, «...проведенный анализ показывает растущую тенденцию выделения научно-популярного дискурса наряду с научно-популярным стилем и текстом в отдельный предмет изучения, что в настоящее время более характерно для западных исследований. Данный процесс закономерен и неизбежен, поскольку сама научно-популярная сфера коммуникации приобретает новые черты виртуальности, глобальности, открытости, социальной направленности» [3, с. 45].

Итак, научно-популярный дискурс сегодня – это тексты и признаки текстов, объединенных общей тематикой и общей целью – намерением воздействовать на общественность, подготавливая его к социальному взаимодействию. Задача такого взаимодействия – общее решение глобальных междисциплинарных проблем. Это диалог автора научно-популярного текста и общественности, необходимый для поиска общих точек соприкосновения науки и публики.

Рассмотрим отдельно жанр научной фантастики. Это не только литературный жанр, также он существует в кино, видеоиграх и других видах искусства. Он основывается на фантастических допущениях в области науки, причем в разных ее сферах. Научная фантастика рассказывает о вымышленных технологиях и научных открытиях, контактах с нечеловеческим разумом, возможном будущем или об альтернативном ходе истории, а также о влиянии этих допущений на человеческое общество и личность [4]. Также отличительными особенностями научной фантастики являются: преобладание будущего времени в качестве места/времени развития событий; предположение о том, что наука способна решить многие (если не все) проблемы человечества.

В научно-фантастических текстах появляются как лексические элементы, которые можно соотнести с художественными структурами текстов, так и элементы, соотносимые с научными структурами. Последнюю можно разделить на следующие части:

1. Слова (словосочетания), относящиеся к общенаучной и специальной лексике (в основном, термины).

2. Слова (словосочетания), связанные с тематикой научно-фантастических текстов, с описанием теоретически возможных, но не осуществленных в настоящее время, решением научных или технических проблем, с описанием элементов окружающей среды вымышленного мира (квазиреалии).

3. Слова (словосочетания), встречающиеся только в научно-фантастических текстах или являющихся неологизмами или универбами (квазитерминами) [1, с. 108].

Таким образом, научная фантастика, хотя и не имеет принципиальных отличий от других литературных жанров и подчиняется тем же законам, все же достаточно специфична. Все вышеперечисленные особенности необходимо учитывать при переводе текстов научно-фантастического жанра.

Фактическим материалом для исследования послужил отрывок из книги Катрин Дюфур «Le Goût de l'immortalité» и самостоятельно выполненный перевод на русский язык. Впервые роман был опубликован в 2005 г. издательством «MNEMOS», затем переиздавался трижды – в 2007 («LIVRE DE POCHE»), 2008 и 2012 гг. («MNEMOS»). Книга получила несколько премий, среди которых гран-при «Имажинэр», премии «Росни Эне» и «Боб Моран», и во Франции считается образцом жанра.

Анализ использованных при переводе трансформаций позволяет сделать следующие выводы:

1. Основная трудность перевода научно-фантастических текстов заключается в создании новой терминологии, а также в том, что соотношение научного, художественного и разговорного стилей необходимо оставить в языке перевода таким же, как и во французском тексте.

2. Стоит по возможности избегать описательного перевода, поскольку это снизит научность текста, необходимую для создания особого стиля, для неких «декораций» текста, в которых происходит развитие сюжета.

3. Наиболее приемлемый вариант перевода неологизмов в большинстве случаев – это калькирование; он же и самый часто используемый. Приведем примеры:

- *La portique d'identification* – портал идентификации
- *La fiche génétique prénatale* – дородовая генетическая карточка

- *Les maladies auto-immunes* – аутоиммунные заболевания
- *La morphogénétique* – морфогенетика

Этот способ перевода позволил сохранить стилистику текста, придать футурологический оттенок, которым отличается оригинал. Данное преобразование оказалось самым частотным при работе с квазиреалиями, а потому было признано наиболее приемлемым для их передачи.

4. Также частотными являются приемы смыслового развития и добавления; они позволяют уточнять завуалированную в языке оригинала информацию, а кроме того, решают проблему несоответствия французской и русской языковых систем. Проиллюстрируем вышесказанное следующими примерами:

- *La liquide amniotique* – околоплодные воды. Использовано более распространенное выражение, по сравнению с калькой («амниотическая жидкость»), для разгрузки текста, чтобы не обременять читателя обилием непонятных и громоздких терминов.

- *Avatars* – персонажи. Это квазиреалия. Здесь мы допустили трансформацию смыслового развития; поясним ее необходимость. В современном мире всем знакомо слово «аватар», означающее графическое изображение пользователя в видеоиграх или социальных сетях. Но у Дюфур оно имеет несколько другое значение, хотя и близкое к первому. Героиня книги говорит об «управлении персонажами» («*piloter nos avatars*»), что позволяет сделать выводы о смысле, заложенном автором в данную лексему. Мы имеем дело не просто с картинкой, а с отображением пользователя, с которым человек отождествляет себя самого при работе с глобальной Сетью вымышленного мира.

- *Les corps faits et refaits* – искусственно созданные и видоизмененные тела. Буквальный перевод невозможен не только по причине искажения/неточности передаваемого смысла, но и потому, что такой способ в данной ситуации приведет к нарушению норм узуса. Поэтому мы прибегаем к трансформации добавления («искусственно»), а также к замене прямого соответствия слова *refait* – «переделанный» на «видоизмененный».

5. Для получения адекватного перевода следует четко понимать, что и квазиреалии, и квазитермины обладают двумя составляющими: элементом «реального», то, что уже знакомо читателю, и элементом «вымышленного», т.е. в них наличествует некая новая часть (может быть как на уровне лексемы, так и на морфемном уровне). Необходимо выявить оба элемента и постараться передать их максимально близко к оригиналу.

Данное исследование представляется нам перспективным по причине популярности научной фантастики, что приводит к повышенному спросу на подобную литературу, а значит, и на ее перевод.

Список литературы

1. Ахметжанова З.К. О процессе универбации / З.К. Ахметжанова // Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков в литературоведении. – Алма-Ата, 1977. – Вып. 2. – С. 108-117.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
3. Егорова Л.А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный курс» // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», №1, 2009. С. 42-45.

4. Del Rey, Lester. The World of Science Fiction 1926—1976. Del Rey Books / Ballantine Books, 1980. – 416 с.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Суровикин С.Н., Чикина К.В., Нелис Л.И.

студенты четвертого курса, Омский государственный технический университет,
Россия, г. Омск

Данная статья посвящена исследованию проблематики повышения качества иностранного перевода в области правильного применения и перевода профессионализмов в нефтегазовой отрасли. Произведена классификация профессиональной лексики, выделены основные характеристические особенности, отличающие применение терминов от профессионализмов. Изучена семантика их образования, на основании которой выделена отдельная классификация по асимметрии терминологических систем. Полученные результаты могут быть использованы в качестве справочного материала для подготовки профессиональных переводчиков.

Ключевые слова: профессиональный перевод, термины, профессионализмы, семантика слов, нефтегазовая отрасль.

Современная жизнь языка связана с возрастающим усложнением науки и техники, их взаимопроникновением, с увеличением влияния общественно-политической ситуации на многие сферы. Знания из отдельных, специфических областей человеческой деятельности приобретают особую значимость, а связанная с ними профессиональная лексика закрепляется в языке, употребляется в различных стилях. Актуальность темы состоит в том, что профессионализмы входят в состав специальной лексики, что повышает значимость их перевода, профессионализмы – один из пластов терминологической лексики, вызывающий трудности при переводе. Это обусловило выбор темы данной работы [1, с. 167].

В сфере специализированного и профессионального общения и обмена научными, техническими и другими знаниями профессиональная лексика является значимым, емким носителем специальной научной информации. Применение профессиональной лексики представителями одной и той же сферы деятельности обуславливает степень эффективности, результативности и продуктивности профессионального общения, а, следовательно, и качественный результат их совместного труда [2, с. 137]. Итак, профессиональная лексика подразделяется на две группы: термины и профессионализмы. Важное отличие профессионализмов от терминов заключается в том, что профессионализмы уместны преимущественно в разговорной речи людей той или иной профессии. Нередко их отражают словари, но обязательно с пометкой «профессиональное». В отличие от терминов – официальных научных наименований специальных понятий, профессионализмы функционируют преимущественно в устной речи как «полуофициальные» слова, не имеющие строго научного характера [3, с. 55].

Профессионализмы чаще всего служат для обозначения различных производственных процессов, орудий производства, сырья, выпускаемой продукции и т. п. Они обозначают такие явления, для наименования которых использование терминов хоть и возможно, но громоздко и непринципиально. Кроме того, профессио-

нализм часто является результатом творческого переосмысления, «освоения» узко-специального явления т.е. результатом метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия (по внешнему сходству, сходству функции, признака и т.д.). Профессионализмы упрощают речь, делают её более пригодной для быстрого обиходного сопровождения производственных процессов. Например: «головка – оборудование, предназначенное для цементирувания обсадной колонны»; «барабан – подъемный вал лебёдки» [4, с. 34].

В ходе анализа материала – сопоставления различных фрагментов терминосистем – стало очевидно, что термины в двух языках являются асимметричными, что свидетельствует о различиях лексического значения употребляемых профессионализмов. Асимметрия терминологических систем двух языков проявляется уже на этапе сопоставления отдельных терминов. Эта асимметрия раскрывается в двух основных типах соотношений терминов в двух языках [5, с. 134].

Первый тип – «метафора – прямое значение». Данный тип соотношения наблюдается в случаях, когда англоязычный термин представлен метафорой, а русский – прямым значением: rabbit (кролик) – скребок для чистки трубопровода; deadwood (сухостой) – якорь для крепления оттяжки; monkey board (обезьянья доска) – площадка для верхового рабочего; dog house (собачья будка) – бытовка; crow nest (воронье гнездо) – верхняя площадка на вышке; pig tail (свиной хвост) – наземный кабель (подведенный к кабельному вводу и имеющий специальный проем); thief (вор) – резервуарный пробоотборник и др. Обратных случаев соотношения, когда русский термин представлен метафорой, а английский – прямым значением, выявлено не было. [6, с. 98]

Второй тип – «метафора – метафора» – представлен тремя подтипами: первый подтип включает русские и английские термины, которые представляют одинаковые понятия: приток – inflow (приток); тарелка ректификационной колонны – dish (тарелка); плечо – shoulder (плечо), палец – finger (палец), вертлюг – swivel (вертлюг). Такие метафоры можно назвать симметричными [7, с. 189].

Второй подтип представлен терминами, в которых исходные понятия общие, но представлены разными образами, так как они являются естественными для носителей определенной культуры. В качестве примера приведем следующие пары метафорических терминов: коленце – dogleg (собачья лапа); муфта – collar (ворот) и др. Полагаем, что данный подтип можно обозначить как частично симметричный термин.

Третий подтип содержит русские и английские метафорические термины, в которых наблюдается несовпадение исходных понятий и образов: шайба – washer (мойщик); амбар – swamp (болото); стакан – bucket (ведро); фонтанная арматура – Christmas tree (новогодняя елка) и т.д. В данном случае мы имеем дело с асимметричной терминологией [8, с. 115].

В представленных примерах мы наблюдаем качественную асимметрию терминов двух терминосистем. С нашей точки зрения, именно это является причиной сложностей в установлении эквивалентности терминов при переводе. Технический перевод требует однозначности. Но специфика терминологии показывает, что достижение эквивалентности становится проблемой, так как прежде чем перевести термин, необходимо понять лексическое значение, скрывающийся в его смысловой структуре.

Итак, профессионализмы – это слова, используемые небольшими группами людей, объединенных какой-либо профессией. Они являются своеобразными пере-

носчиками знаний в определенной сфере профессиональной деятельности. Грамотное применение профессионализмов обуславливает степень эффективности профессионального общения и качественный результат труда. А способы их перевода являются одними из главных препятствий для достижения эффективности межкультурной коммуникации. Поскольку профессионализмы являются единицами языкового и профессионального знания, обеспечивающими эффективность межкультурной коммуникации, нами было проведено сопоставление нефтегазовых текстов на английском и русском языках, содержащих эти лексические единицы, а также выявлены особенности их перевода. Насколько правильно и умело переводчик использует профессионализмы, от этого зависит качество перевода.

Список литературы

1. Белоусов В.С. Нефтегазовая промышленность: Основные процессы и англо-русская терминология. – М.: ООО «Техинпут», 2006. – 390 с.
2. Глоссарий геологических терминов по профессиональному английскому языку / сост. Р.Н. Абрамова, А.Ю. Фальк. – Томск: Изд-во Том. гос. политехн. ун-та, 2010. – 240 с.
3. Думитру Е.Ш. Структурно-семантический анализ русской терминологии нефтедобычи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 250 с.
4. Мишанкина Н.А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 32-46.
5. Панкратова Е.А. Сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии «нефть и нефтепродукты» в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 350 с.
6. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск, 1985. – С. 196-220.
7. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996. – 180 с.
8. Юнусова И.Р. Семантическая диффузия в английском и русском технических терминах на материале нефтегазовой терминологии: автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 320 с.

«СПАНГЛИШ» КАК ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Тупикова С.Е.

канд. филол. наук, доцент,

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, г. Саратов

Шиханова В.А.

студентка 4 курса факультета иностранных языков и лингводидактики,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Россия, г. Саратов

В статье рассматривается феномен «спанглиш» как результат влияния американской культуры на испаноговорящее население США. Также приводятся различные точки зрения на современный статус спанглиша как языкового явления, языковые и исторические причины его возникновения и иллюстрируется его роль в различных сферах жизни общества (повседневное общение, СМИ).

Ключевые слова: «спанглиш», США, культура, межкультурная коммуникация, СМИ, Spanglish, the USA, culture, cross-cultural communication, massmedia.

В современном мире взаимосвязь между странами, культурами и народами становится все более и более тесной. Процесс глобализации охватывает все сферы общественной жизни, а одним из основных индикаторов состояния общества в целом традиционно считается язык как средство коммуникации, поэтому любые трансформации общественных отношений в первую очередь проявляются в языковой среде той или иной страны [см. подробнее 1]. Одним из ярких примеров воздействия глобализации на современную языковую ситуацию является взаимовлияние испанского и английского языков в США.

Феномен, определяющий результат контакта и смешения английского и испанского языков, получил название «спанглиш» в русском языке, “spanglish” – в английском, а на территории Соединенных Штатов Америки он также известен как “espanglish” или “engliñol” [9, с. 1]. Понятию «спанглиш» не так просто дать определение, как кажется. Каждый англоговорящий человек, изучающий испанский, и испаноговорящий, изучающий английский, понимает под спанглишем смесь английского и испанского языков. Однако, вопрос о том, каким именно образом спанглиш объединяет в себе черты обоих языков, остается открытым, и чем больше он получает названий – тем больше возникает вариантов ответа. Джон Липски, профессор Пенсильванского университета, к примеру, в своей статье «Спанглиш – третий язык юга: правда и выдумка об американском варианте испанского языка» приводит 28 различных трактовок спанглиша, сформулированных различными авторами. Кроме того, в своей статье профессор пытается ответить на некоторые лингвистические вопросы с целью подтвердить всю неоднозначность и запутанность понятия «спанглиш»: «Кем используется спанглиш и в каких ситуациях? В каких случаях следует его использовать, а в каких нет? Можно ли спанглиш назвать жаргоном, пиджин или креоле? Существуют ли носители данного языка? Отличается ли он наличием территориальных вариантов или социальных диалектов?» [9, с. 3-4].

Ванесса Парра, преподаватель государственного политехнического университета Калифорнии, также подчеркивает, что спанглиш – это и язык, и стиль жизни, и культура, отголоски которой можно проследить в любой традиции страны. Спанглиш – это «смесь испанского и английского языков, имеющая черты неформального стиля речи и фокусирующаяся на течениях моды, музыки, искусства и новостей, актуальных для человека, одновременно интересующегося и американской, и латинской культурами». Эта новая культура обладает способностью противоречить ценностям исходных, выдвигая свои собственные [10, с. 4-5].

Люди, разговаривающие на спанглиш, в большинстве случаев выросли в интернациональной семье. А «поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [3, с. 3]. Так, статья “Life in Spanglish for California's young Latinos”, опубликованная на интернет портале BBC, повествует о 15-летней Адриане из Калифорнии, владеющей на одинаковом уровне и испанским, и английским языками: с помощью испанского языка девочка общается со своей семьей, а социализироваться она вынуждена, общаясь на английском, комбинируя, таким образом, две культуры. Исходя из того, что количество детей-билингвов увеличивается с каждым годом (согласно данным Pew Research Center от 2015 года), возникает новый лексический пласт в языке молодежи, основанный на взаимодействии рассматриваемых двух языков и отражающий образ жизни молодого поколения. Адриана, к примеру, в своей речи использует такие слова и фразы, как “going

out to hangear” (образовано от англ. фразового глагола *hang out* путем добавления окончания испанского глагола *-ar*), *“emalear”* (от англ. *email*) или *“hora de lonche”* (от англ. *Lunch hour*) [8].

Йан Ставанс, лексикограф, переводчик и педагог, утверждает, что феномен спанглиша порождает огромные противоречия среди мнений критиков, хотя сам он считает спанглиш «удачным результатом взаимодействия двух языков». По словам Ставанса, большая часть лингвистов, изучающих спанглиш, представляют его в негативном свете, утверждая, что он засоряет и разрушает и английский, и испанский языки, осложняет процесс овладения первым языком у детей, и что само существование спанглиша доказывает склонность американской культуры к разрушению других, равных себе по влиянию [цит. по 4].

Джон Липски отмечает, что термин «спанглиш» и все его производные призваны порочить языковые способности испаноговорящего народа, рожденного или воспитанного в США. Среди 28 определений спанглиша, которые Липски приводит в своей статье, есть несколько отличающихся негативным отношением к языку. Так, авторы Оксфордского словаря английского языка рассматривают спанглиш как «подобие испанского языка, загрязненного английскими словами и выражениями» [9, с. 1], в то время как Акоста-Белен, профессор университета штата Нью-Йорк в Олбани, считает «людей, говорящих на этой неопределенной смеси английского и испанского, неуважительными по отношению к исходным языкам или неполноценными билингвами, так как они не способны выражаться только на английском либо только на испанском» [9, с. 3].

Среди противников спанглиша также встречается мнение, что спанглиш ставит под угрозу испанскую культуру. По мнению Альфредо Ардила, профессора Флоридского международного университета и нейропсихолога, спанглиш всегда ассоциировался и ассоциируется с малообразованными людьми, занимающими низшие слои общества [6, с. 65]. Но следует отметить, что большинство ученых соглашались с тем, что спанглиш – это лишь видоизмененный и искаженный вариант испанского языка, подвергшегося вторжению английского.

Таким образом, все вышеупомянутые негативные суждения по отношению к спанглишу приводят к выводу, что главная особенность распространения спанглиша, подобно колонизации, состоит в тотальном контроле, и что сам язык пропагандирует себя путем господства конкретных культурных групп.

Тем не менее, для многих ученых спанглиш был и остается формой национального самосознания, и, как способ коммуникации, должен занимать свое место в современном мире, ведь игнорировать его существование представляется невозможным. С этой точки зрения спанглиш можно определить как «новую форму жизни, новое культурное пространство, чьи просторы не имеют границ» [7, с. 189].

Йан Ставанс не выявляет никакого негативного воздействия спанглиша на исходные языки и культуры, а, наоборот, считает его динамичной и креативной силой, которой нужно способствовать, нежели сторониться и критиковать. По его мнению, всплеск негативной критики по отношению к спанглишу и является доказательством его влияния в обществе. Более того, Ставанс считает, что если спанглиш уже стал частью СМИ, то ему вполне можно найти применение и в политике [4, с. 174]. Среди средств массовой информации спанглиш получил особое распространение в радио- и телерекламах, так как использование лексики, выходящей за рамки лексического состава доминирующего языка, способствует усилению эмоционального воздействия рекламного текста [см. подробнее 2]. К примеру, на од-

ной из радиоволн штата Иллинойс, США жители Чикаго могут услышать рекламу Puerto Rican High School: *“Estás aburrido with high school? Necesitas childcare? Wanna go to college? A lo mejor, that school’s what you need!”* или же увидеть по Univision, крупнейшему испаноязычному телеканалу США, рекламу страховой компании Freeway Insurance: *“That’s not all! Gracias a nuestros increíbles planes, también podrías asegurar 2 o más autos and save up to \$500 a year”*. В южных штатах США нередко можно встретить объявления на спанглиш, ведь процент испаноязычного населения штата Калифорния составляет 39% (по данным переписи в рамках “2014 American Community Survey”): *“Se necesita delivery guy”*, *“We’re abierto”* или *“Solamente cash!”*.

Возникает вопрос, возможно ли считать спанглиш в той или иной мере самостоятельным языком?

Глория Ансальдуа не только выступает на стороне спанглиша, но и утверждает, что спанглиш – самостоятельный язык, возникший естественным путем наряду с развитием культурного самосознания его носителей. «Что остается людям, проживающим в англоговорящей стране, но не владеющим английским, людям, которые не могут овладеть стандартным вариантом ни английского, ни испанского, как лишь создать свой собственный язык, язык двух культур?» – пишет Глория Ансальдуа. В своей работе автор поясняет, что в некоторых странах, преимущественно в странах Латинской Америки, создание спанглиша может рассматриваться как своего рода месть за принужденное навязывание колонизаторами империалистического языка местным жителям, то есть исторически обусловлено. Поэтому считается, что спанглиш обрел свою популярность как средство устного протеста против общества [5, с. 77].

Так оказывает ли спанглиш положительное влияние на жизнь его носителей, обеспечивая их своим собственным средством выражения и вызывая чувство культурной принадлежности или же играет отрицательную роль, помещая его носителей в ограниченную языковую среду, практически отрезая от внешнего мира? Несмотря на то, что в XXI веке, неотъемлемыми характеристиками которого является разнообразие и динамика, использование языков и их сочетания явление нередкое, дать однозначный ответ на данный вопрос все еще представляется возможным.

Список литературы

1. Тупикова С.Е. Развитие бытового речевого этикета как функционально-семантической универсалии (на материале худ. текстов XIX-XX вв.) дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. Волгоград, 2003. 206 с.
2. Тупикова С.Е. Манипулятивная тональность в англоязычных рекламных текстах // Язык. Социум. Культура. Сб. науч. ст. Саратов: изд-во ССЭИ, 2016. С. 62-67.
3. Тупикова С.Е., Никитина Г.А. Язык как хранитель культуры. // Предложение и слово. Саратов: изд-во СГУ, 2006. С. 531-535.
4. Smith, A. Spanglish in Advertising. Revista de Lenguas Modernas, N° 23, 2015 / 167-184.
5. Anzaldúa, G. (2012). Borderlands: la Frontera. The New Mestiza, San Francisco : Aunt Lute Books, 260.
6. Ardila, A. (2005). Spanglish: an anglicized Spanish dialect. Hispanic Journal of Behavioral Sciences, 27(1), 60-81.
7. Fairclough, M. (2003). El (denominado) Spanglish en Estados Unidos: polémicas y realidades. Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana, Vol. 1, No. 2 (2), El español de los EE.UU., pp. 185-204.

8. Gonzalez, A.L. Life in Spanglish for California's young LatinosBBC News<http://www.bbc.com/news/10209213> (дата обращения 13.09.2017)
9. Lipski, J. (2004). Is "Spanglish" the third language of the South?: truth and fantasy about US Spanish. In 3rd Language Variation in the South (LAVIS III) conference, Tuscaloosa, AL., 6.
10. Parra, V. (2011). Advertising Trends for the Hispanic Market, 35.

ПОНЯТИЕ «КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ» В НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шабашова В.В.

студентка кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению понятия «ключевых слов» в научном пространстве. Проанализированы понимания «ключевых слов» с позиции наиболее известных ученых. Дано четкое и обоснованное определение «ключевых слов» и их отличительные признаки. Предложен вариант рассмотрения «ключевых слов» как рекуррентной единицы лексикологии.

Ключевые слова: «ключевые слова», лексикология, рекуррентная единица, концепт, «культурная константа», лингвистика, культурология, лингвокультура.

Многие ученые посвятили свои научные труды исследованию проблем лексикологии. Прежде чем перейти непосредственно к анализу понятия «ключевых слов», необходимо четко представлять, что понимают в научном пространстве под понятием «слово».

Под «словом» А.Н. Кожин понимает важнейшую единицу языка, которая закрепляет в соответствующих формах языковой материи идеальные значимости как понятийно-чувственные концепты рационального, так и наглядно-образного познания, то есть всевозможные виды зрительного, слухового и пространственного представления вещей, предметов, явлений [6, с. 35].

Почти в каждом функциональном стиле речи можно встретить отдельные слова или выражения, которые по некоторым причинам приобретают популярность и определяются в течение определенного отрезка времени значительно чаще, по сравнению с другими отрезками времени [8, с. 58-59].

Научно-технический процесс по своему характеру является интернациональным, он расширяет научно-культурные национальные границы, оказывает значительное влияние на развитие языка. Основной тенденцией считается процесс интернационализации. Появление интернационализмов нельзя сводить к простому заимствованию, необходимо рассматривать в совокупности с глобальной проблемой международной языковой общности и закономерности межъязыковых соответствий [4, с. 77].

Что же касается непосредственно ключевых слов, то мы можем наблюдать данное понятие в различных областях человеческой деятельности. Например, в программировании ключевое слово – это слово, набираемое пользователем в поисковой строке, с целью нахождения какой-либо информации в интернете [2, с. 85-93].

Ключевыми словами называют выборку слов из текста, которая может дать общее представление о тематике всего текста, не раскрывая его содержания. Набор

ключевых слов должен быть удовлетворительным ответом на вопрос: «О чём этот текст?»).

В научной литературе для обозначения подобных знаков используются различные термины, наиболее распространенным из которых является термин «ключевые слова». Термин этот в значительной степени условен: как ключевые знаки в тексте могут выступать не только слова, но и словосочетания или даже предложения. Кроме термина «ключевые слова», употребляются также метафорические термины: «смысловые вехи текста» (А. Соколов), «опорные элементы» (В. Одинцов), «смысловые ядра» (А. Лурия), которые, как мы видим, подчеркивают роль определенных знаков, прежде всего в семантической организации текста [7, с. 173].

В области лингвистики темой «ключевых слов» занимались многие ученые, которые по-разному в своих научных трудах трактуют данное понятие с некоторыми аспектами различия, так, например, «ключевые слова» по А. Вежбицкой, «культурные константы» Ю.С. Степанова [9] «лингво-культурологические концепты» В.И. Карасика [5] и другие.

Так, А. Вежбицкая в своем научном труде понимает под «ключевыми словами» – «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [3, с. 35], ссылаясь на теорию Сепира, она представляет ключевые слова, как «путеводитель в «социальной действительности», то есть руководство к пониманию культуры в ее широком смысле слова, включающем в себя образ жизни, мышления и чувства» [3, с. 29]. Здесь исследовательница, отталкиваясь от гипотезы «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, выдвигает теорию о взаимосвязи языка и образа мышления.

Немного иное понимание отображения и закрепления лингвокультурологической действительности в языке представляется в трудах ученого Ю.С. Степанова [9]. Исследователь называет «ключевые слова» «культурными константами». В своем труде он дает однозначное и четкое определение «константе» в культуре – «это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [9, с. 84]. По словам исследователя, «константа – как постоянно присутствующий концепт» [9, с. 84].

В своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасик [5] понимает «ключевые слова» как «культурный концепт», как «многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны». То есть каждый концепт, по мнению Карасика [5] имеет три важнейшие стороны для осознания и понимания сути концепта – образная сторона концепта (вкусовые, зрительные, тактильные характеристики предметов, событий, зафиксированные в нашей памяти); понятийная сторона (языковая закреплённость концепта, его определение, описание, дефиниция, сопоставительные характеристики); ценностная сторона концепта (важность /значимость этого образа для индивидуума и для коллектива). Ценностный аспект концепта является определяющим для того, чтобы слово стало концептом, чтоб сформировался, оформился концепт. Таким образом, можно говорить об отражении при помощи концепта лингвокультурной специфике видения мира. На основе проведенных анализов Карасик приходит к выводу, что «концепт – это микромодель культуры» [5, с. 95].

Ключевые слова обладают рядом существенных признаков, которые позволяют дифференцировать их на фоне других лексических единиц. Такими признаками являются:

1) высокая степень повторяемости данных слов в тексте, частотность их употребления;

2) способность знака конденсировать, свертывать информацию, выраженную целым текстом, объединять его основное содержание – ключевые слова в этом плане уподобляются тексту-примитиву – минимальной модели содержания того текста, ключом к которому они служат; этот признак особенно ярко проявляется у ключевых слов в позиции заглавия [3, с. 36].

Проведя анализ по рассмотрению понятия «ключевых слов» в научном понимании отдельно взятого ученого, можно прийти к выводу, что «ключевые слова» это рекуррируемая лексическая единица, заключающая в себе смысл [1]. Из некоторого количества «ключевых слов», выбранных из одного текста конкретного периода времени можно сделать некую картину, представление, краткое содержание или же «ключ» к пониманию эпохи или лингвокультуры определенного этноса.

Список литературы

1. Белокопытова И.А. Рекуррентность как лингвокультурная категория (на материале русского и немецкого языков): дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 189 с.
2. Ванюшкин А. С. Методы и алгоритмы извлечения ключевых слов // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 85-93.
3. Вежбицкая А. П. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: 2001. 288 с.
4. Володина М.Н. Соотношение национальных и интернациональных элементов в терминологической лексике в современном немецком языке // Филологические науки. «Высшая школа», №3, 1994. 97 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 390 с.
6. Кожин А.Н. О квалификации стилистического значения слова. // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь.: 1986. С. 36-41.
7. Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. Пособие. М.: Академия, 2003. 256 с.
8. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. М.: Просвещение, 1976. 174 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 1997. 990 с.

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Абрамова А.Г.

студентка, Кубанский государственный аграрный университет,
Россия, г. Краснодар

Представлена оценка производственного потенциала сельскохозяйственных организаций Краснодарского края, сформулировано основное направление повышения использования производственного потенциала.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производственный потенциал, оценка, эффективность.

Сельское хозяйство – крупная отрасль экономики России, деятельность которой направлена на обеспечение населения страны, и не только, продуктами питания и получения сырья для ряда промышленных направлений. Является одной из основных областей для населения, а также функционирования государства. В настоящее время в Российской Федерации стоит вопрос импортозамещения, который стеснен с развитием именно аграрного сектора, способствующего обеспечению должного уровня продовольственной безопасности страны.

Эффективное развитие агропромышленного комплекса (далее АПК) является основой продовольственной безопасности страны, так как в состав АПК входят отрасли народного хозяйства, которые несут ответственность за производство и доведение до потребителя сельскохозяйственной продукции, продовольствия для населения и сырья для промышленности.

Сбалансированное развитие всех звеньев АПК – необходимое условие решения проблемы обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

Наибольшее распространение на Кубани получили следующие виды производимой продукции:

- производство зерновых культур;
- производство технических культур;
- эфиромасличных культур;
- виноградарство;
- овощеводство;
- сахарное производство;
- скотоводство;
- птицеводство;
- молочная отрасль.

Такое обилие отраслей агропромышленного комплекса обусловлено редким типом климата, создающим на этой территории благоприятные природные условия. Именно здесь проходит граница умеренного и субтропического климатических поясов.

Общая площадь Краснодарского края составляет более 7,5 млн га, из которых сельским хозяйством занято 4,75 млн га. Нормативное регулирование, а также контроль над развитием отрасли осуществляется Министерством сельского хозяй-

ства Краснодарского края. Важнейшими условиями обеспечения прогрессивного развития АПК являются: максимально эффективная эксплуатация плодородных земель, развитие растениеводства и животноводства, совершенствование и модернизация перерабатывающей промышленности.

Важной частью производственного потенциала является наличие у организации вне оборотного и оборотного имущества. В таблице 1, приведенной ниже, рассмотрим состав и структуру активов сельскохозяйственных организаций Краснодарского края.

Таблица 1

Состав и структура активов сельскохозяйственных организаций Краснодарского края, на конец года

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % (размах) к 2011 г.
Вне оборотные активы:						
- млн руб.	107862	123301	124147	143754	178055	165,1
- в % к итогу	50,9	51,7	52,6	50,4	48,5	95,1
Оборотные активы:						
- млн руб.	104189	115305	111750	141562	189429	181,8
- в % к итогу	49,1	48,3	47,4	49,6	51,5	104,9
Запасы :						
- млн руб.	57045	62441	60634	70252	86519	151,7
- в % к оборотным активам	54,8	54,2	54,3	49,6	45,7	83,4
Дебиторская задолженность:						
- млн руб.	26939	31047	26631	43310	64041	Увеличением в 2,4 раза
- в % к оборотным активам	25,9	26,9	23,8	30,6	33,8	130,5
Финансовые вложения (без денежных эквивалентов):						
- млн руб.	15605	16368	15869	20440	25503	163,4
- в % к оборотным активам	15,0	14,2	14,2	14,4	13,5	90,0
Денежные средства и денежные эквиваленты:						
- млн руб.	3343	4086	7320	5795	11899	Увеличение в 3,6 раза
- в % к оборотным активам	3,2	3,5	6,6	4,1	6,3	196,9
Итого активов, млн руб.	212051	238606	235897	285316	367485	173,3

За рассматриваемый период наблюдается увеличение активов сельскохозяйственных организаций Краснодарского края, в 2015 г. активы составили 367485 млн руб., что на 73,3 % больше по сравнению с 2011 г.

Величина внеоборотных активов увеличилась на 44,6 %, а их доля в общем имуществе организаций сократилась на 4,9 пунктов.

Рост оборотных активов вызван повышением запасов на 51,7 %, дебиторской задолженности более чем в 2,4 раза. Рост дебиторской задолженности связан с тем,

что рассматриваемые организации стремятся скорее осуществить продажу своих товаров, и под влияние конкурентов часто соглашаются на отсрочку платежей, при этом дебиторская задолженность может служить инструментом увеличения товарооборота и сокращения запасов. Так, доля запасов в 2015 г. по сравнению с 2011 г. снизилась на 16,6 %.

Количество финансовых вложений (без денежных эквивалентов) и денежных средств выросло в 2015 г. на 63,4 % и более чем в 3 раза соответственно по сравнению с показателями 2011 г.

Содержание понятия производственного потенциала региона и хозяйств, в частности, определяется наличием и качеством материальных, трудовых, природно-биологических ресурсов, в результате взаимодействия, которых обеспечивается способность производить определенные объемы и виды продукции с целью удовлетворения потребностей населения [1].

Главная задача производственного потенциала заключается в изготовлении продукции, то есть в ее воспроизводстве. Для того чтобы производственный потенциал смог осуществить этот непрерывный и постоянно возобновляющийся процесс, он сам также должен непрерывно и постоянно воспроизводиться. Производственный потенциал должен обладать способностью к самовоспроизводству. На практике эта способность подтверждается рядом тенденций: системой ремонтов и модернизацией основных фондов предприятия.

Производственный потенциал обладает рядом характерных признаков и особенностей:

- целостность – она означает, что все элементы потенциала служат общей цели, стоящей перед системой;
- сложность – она проявляется в наличии нескольких составляющих элементов, каждый из которых представляет собой совокупность отдельных частей;
- взаимозаменяемость, альтернативность его элементов – сбережение производственных ресурсов в результате применения нового оборудования, технологии, энергии, информационных ресурсов и методов организации управления и производства;
- взаимосвязь и взаимодействие его элементов – она представляет собой качественную и количественную взаимосвязь, выраженную мерой соответствия и соотношения вещественных, личных и невещественных факторов производства;
- способность к восприятию в качестве элементов новейших достижений научно-технического прогресса, способность к развитию путем непосредственного и систематического использования новых технологических идей;
- гибкость – она свидетельствует о возможностях переориентации производственной системы на выпуск новой продукции, использование других видов материалов и т.д., без коренного изменения его материально-технической базы;
- классовый характер – этим в значительной степени определяются его масштабы и структура. Так, цели модернизации производства заключаются в желании капитала уйти от решения социальных проблем, получить новый стабильный источник сверхприбыли, эффективное средство давления на рабочий класс и орудие борьбы с профсоюзами;
- мощность – она представляет собой количественную оценку производительной способности потенциала предприятия. Мощность потенциала, будучи объективно определена, показывает место конкретного хозяйственного подразделения в отраслевом и народно-хозяйственном потенциалах. Она служит важным связую-

щим звеном между производственным потенциалом, научно-техническими и экономическим потенциалом общества.

Все эти особенности входят в состав факторов, которые напрямую влияют на производственный потенциал предприятия [5].

Таблица 2

Производственный потенциал сельскохозяйственных организаций Краснодарского края

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2013 г.
Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га	4749,8	4747,3	4734,1	99,67
в т.ч. пашня, тыс. га	3752,2	3742	3737,8	99,6
Среднегодовая численность работников, занятых в с.-х, тыс. чел.	161	165	172	106,8
Энергетические мощности – всего, млн. л.с.	98,9	97,6	94,2	96
-на одного работника, тыс. л.с.	72,5	74,7	74,3	102,5
-на 100 га с/х угодий, л.с.	201	201	197	98
Наличие на конец года, тыс. шт:				
- тракторов	18552	17954	17439	94,0
- комбайнов зерноуборочных	3056	3101	3086	100,9
- комбайнов свеклоуборочных	372	375	349	93,9
- доильных установок и агрегатов	1171	1083	1082	92,4
Поголовье скота и птицы, тыс. гол.	24805,2	23838,5	23254,7	93,8
- крупный рогатый скот	225,3	218,2	217,9	96,7
- свиньи	289,2	333,8	432,4	149,5
- овцы и козы	180,0	197,1	207,6	115,3
- лошади	12,5	12,1	11,9	95,2
- птица	24098,2	23077,3	22384,9	92,9

Анализ данных таблицы 2 показал, что площадь сельскохозяйственных угодий за исследуемый период уменьшилась в среднем на 0,3%. Наличие на конец года специализированной механизированной техники снижается в среднем на 6 %, за исключением комбайнов и зерноуборочных машин, число которых увеличено на 0,9 %. В 2015 г. происходит снижение поголовья скота и птицы в среднем более чем 6 %, при этом, отмечен рост поголовья свиней, коз и овец. Так, выращивание свиней в 2015 г. увеличено почти в половину по сравнению с 2013 г., соответственно, поголовье коз и овец – на 15,3 % [1].

Достижение абсолютной эффективности, с нашей точки зрения, невозможно, в тоже время каждая система должна стремиться к достижению того оптимального варианта, при котором эффективность будет по возможности максимальной. Учитывая, что потребности безграничны, а ресурсы ограничены, необходимо использовать их эффективно и рационально.

Основными путями повышения эффективности производства в хозяйстве могут являться в основном методы организации, направленные на устранение различного рода потерь и сокращения производственных расходов, повышение производительности труда, изыскание средств для приобретения дополнительного количества техники, используемой при производстве продукции. Однако следует рассматривать возможности воздействия на урожайность (продуктивность), а через нее на себестоимость и далее на повышение эффективности сельскохозяйственного

производства, основываясь на изучении полученных уравнений связи. Возможно проведение интенсификации, а следовательно, и повышение фондо- и энерговооруженности труда позволят в первую очередь экономить живой труд, снижать его затраты. На практике это выразится в росте обрабатываемых площадей на работника, в снижении затрат труда на единицу земельной площади.

Так, например, с помощью корреляционно-регрессионного анализа установлено, что с увеличением оплаты труда 1 чел-час стоимость продукции в текущих ценах в расчете на 1 работника увеличится на 1,38 тыс. руб., с ростом стоимости продукции на 1 га сельскохозяйственных угодий на 1 тыс. руб. производительность труда повысится на 1,38 тыс. руб., а с увеличением продолжительности рабочего дня 1 час производительность увеличится на 1,12 тыс. руб. [2].

Для повышения уровня производства можно провести подготовку квалифицированных кадров, которые смогут обеспечить должный уход за посевами и разработать меры защиты от неблагоприятных метеорологических условий. Нужно использовать наиболее продуктивные и выносливые сорта при посеве.

Важным условием эффективного производства и увеличения прибыли является снижение себестоимости производства продукции, оно может быть получено за счет:

- повышение технического уровня производства;
- совершенствование организации производства и труда;
- снижение фондоемкости и материалоемкости производства;
- сокращение затрат по организации производства и управлению;
- внедрение ресурсо- и энергосберегающих технологий;
- улучшение использования природных ресурсов;
- повышение урожайности сельскохозяйственных культур;
- улучшение качества и сокращение потерь сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, производственный потенциал – это большая система, которая нуждается в жестком контроле, для того, чтобы она функционировала с максимальной отдачей.

Список литературы

1. Горпинченко, К. Н. Оценка производственного потенциала сельского хозяйства Краснодарского края / К. Н. Горпинченко, А. Абрамова, Г. С. Журавлева, С. С. Самуйленкова // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук: сборн. научн. трудов по материал. Международной научно-практич. конф. 31 мая 2017 г.: в 4 ч. / Под общ. Ред. Ж. А. Шаповал: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – Ч. IV. – С. 56-62.
2. Горпинченко, К. Н. Трудовой потенциал в сельском хозяйстве Краснодарского края / К. Н. Горпинченко, М. Ю. Чеботарева, О. С. Завадская // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 22 июня 2016 г.: в 2 частях. Часть 2. – Вологда: Маркер, 2016. – С. 66-71. 1.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. N 1538-р «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru
4. Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. N 151-р «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru
5. Скляренко В. К., Прудников В. М. Экономика предприятия: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2014 г.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ НАЛОГОВЫЕ ВЫЧЕТЫ

Аникина Н.А., Дациева В.В.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, г. Новосибирск

В статье описывается, в каких случаях и на какие суммы согласно налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ), предоставляется имущественный налоговый вычет.

Ключевые слова: налог, налогом на имущество организаций, имущественный налоговый вычет.

Введение

«Под *налогом* понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований...»¹.

Налог на имущество организаций – налог на имущество юридических лиц, поступающий в федеральный и местные бюджеты².

Имущественный налоговый вычет – снижение выплачиваемых налоговых платежей с полученной прибыли или в результате расходов.

В процессе выплаты имущественного налога уменьшение суммы выплачиваемого налога производится с налоговой базы. Согласно пункту 3 статьи 210 НК РФ плательщик налога имеет право на получение определенных имущественных налоговых вычетов, предоставляемых с учетом особенностей и в порядке, которые предусмотрены 220 статьей НК РФ.

Далее укажем некоторые нормативные документы, в которых раскрыты налоговые вычеты:

1. <Письмо> ФНС России от 25.11.2015 № БС-4-11/20576 «Об определении налоговой базы».
2. <Письмо> ФНС России от 11.02.2015 № БС-4-11/2049 «Об определении налоговой базы по налогу на доходы физических лиц».
3. <Письмо> ФНС России от 29.07.2015 № БС-4-11/13308@ «Об имущественном налоговом вычете».
4. <Письмо> ФНС России от 22.07.2015 № БС-4-11/12866 «Об имущественном налоговом вычете».
5. <Письмо> ФНС России от 11.04.2017 № БС-4-11/6879@ «О предоставлении имущественного налогового вычета».
6. <Письмо> ФНС России от 18.11.2016 № БС-4-11/21918 «Об имущественном налоговом вычете».
7. <Письмо> ФНС России от 14.03.2016 № БС-4-11/4127 «Об имущественном вычете».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, а именно:

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016).

² Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.» (ИНФРА-М, 2011).

1) Снижение налогов предусматривается при продаже имущества, долей, которые являются уставным капиталом общества. При уступке прав требования по договору участия в долевом строительстве с различными видами договора.

2) Также налоговое возмещение производится при изъятии земельного участка и построек, расположенных на нём для государственных нужд.

3) При строительстве – фактические расходы на строительство жилья. Также на приобретении жилья и земельного участка под строительство жилого дома.

4) За расходы по погашению процентов по кредитам, взятым на строительство или приобретение жилого дома, земельного участка под строительство объекта недвижимости. Также на погашение процентов по кредитам для рефинансирования ранее взятых кредитов на строительство или приобретение жилого дома, земельного участка под строительство жилого объекта недвижимости.

Данные налоговые вычеты предоставляются в размере полученного дохода от продажи объекта недвижимого земельного участка. «Если данное имущество находилось в собственности менее трёх лет, при условии:

1) Если право собственности получено в порядке наследования или дарения от лица, являющегося родственником или признанного членом семьи;

2) на недвижимость, полученную в собственность в процессе приватизации;

3) при получении прав собственности на недвижимость в результате перехода имущества по договору пожизненного содержания с иждивением.

В случаях, не подпадающих под пункты данной статьи, минимальный срок владения составит пять лет.

Если доход от продажи недвижимости будет составлять сумму ниже чем кадастровая стоимость данного объекта недвижимости, то применяется коэффициент 0,7 при налогообложении данной сделки с недвижимостью. Местными законами субъекта РФ может быть снижен минимальный срок владения и понижающий коэффициент, применяемый по данной статье закона вплоть до нуля».

Фактический налоговый вычет предоставляется в целом на сумму 1 000 000 рублей;

1) в размере дохода, полученного налогоплательщиком от продажи иного недвижимого имущества, которое находилось в собственности менее трёх лет. Максимальный вычет составит 250 000 рублей.

2) вместо получения налогового вычета, который будет зачислен на счёт налогоплательщика только в следующем году, плательщик налога может уменьшить обложение своих доходов на сумму фактических расходов, потраченных на приобретение недвижимости.

В результате продажи доли уставного капитала общества, передаче имущества общества её участнику, уступке прав требования по договору долевого строительства сумма облагаемых доходов уменьшается на сумму понесённых и документально подтверждённых расходов, затраченных на данное имущество.

Имущественный налоговый вычет, предоставляется с учётом следующих особенностей: налоговый вычет предоставляется на приобретение или строительство объектов недвижимости на территории России не превышает 2 000 000 рублей. В случаях, когда налогоплательщик использовал право на налоговый вычет меньше максимальной суммы, то остаток учитывается при затратах на последующее строительство или покупку объекта жилой недвижимости или земельного

участка под строительство жилого дома. В расходы на строительство жилого дома включаются разработка проекта и составление сметы. Приобретение строительно-отделочных материалов. Затраты на подключение к сетям электро-, газо-, водоснабжения, а также канализации или строительство автономных систем электро-, газо-, водоснабжения и канализации. Также и работы на само строительство или отделку.

Право на данный налоговый вычет подтверждается договором приобретения указанных видов недвижимости с его предоставлением в налоговый орган. Также налогоплательщику необходимо предоставить выписку со счета, которая подтверждает перечисление средств между счетами покупателя и продавца. Товарные чеки на покупку строительно-отделочных материалов.

Имущественный налоговый вычет предоставляется в размере до 3 000 000 рублей на расходы, связанные с возмещением процентов по кредиту.

Налоговые вычеты не предоставляются на строительство либо приобретение расположенного на территории России жилого дома, земельного участка под строительство объекта недвижимости. Которые были приобретены на средства работодателя, материнского капитала, бюджетных средств, направленных по программам государственной поддержки семей, имеющих детей. Налоговые вычеты на приобретение жилого дома, земельного участка под строительство объекта недвижимости не предоставляются, если сделка по их купле-продаже совершалась между взаимосвязанными лицами. Выплаты предоставляются после окончания налогового периода при подаче плательщиком налога налоговой декларации. Также имущественные налоговые вычеты могут, предоставляются до окончания налогового периода по письменному заявлению направленному работодателю и будут предоставлены в виде временного прекращения налоговых возмещений, удерживаемых с заработной платы.

Заключение

Право на налоговые вычеты подтверждается или отрицается налоговым органом не более чем в тридцатидневный период от даты подачи заявления налогоплательщиком.

Если сумма налоговых возмещений не может быть реализована в полном объеме за один налоговый период, то она переносится на следующее год (года). Повторное предоставление налоговых выплат на приобретение недвижимости невозможно – эта компенсация на расходы, связанные с приобретением или строительством жилья в виде квартиры или частного дома со стороны государства предоставляется каждому человеку, достигшему совершеннолетия только один раз.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2016).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 03.04.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2017).
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011.

ТЕОРИЯ ГРАФОВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ

Борисова Т.В., Мягих С.А.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, г. Новосибирск

В статье описываются способы применения теории графов в бухгалтерском учете, а также представлены основные понятия и определения теории графов.

Ключевые слова: теория графов, граф, маршрут, цепь.

Вопросам организации, управления, анализа и ведения учета в организациях (предприятиях, фирмах, учреждениях) в последние годы наука уделяет большое внимание. Внедрение информационно-коммуникационных технологий, ведение бумажного и электронного документооборота приводит к необходимости разработки способов научного анализа структуры и организации сложных процессов планирования, учета и анализа.

Для решения конкретных практических задач исследование финансово-хозяйственных операций располагает большим набором различных математических средств, например:

- математические методы оптимизации;
- теория вероятности с ее разделами, теория случайных процессов, теория информации, теория массового обслуживания и т.д.

В этой статье мы раскроем основные понятия и определения теории графов и рассмотрим на рисунках применение теории графов к определенному разделу бухгалтерского учета.

Теория графов является одним из разделов дискретной математики, который исследует свойства конечных или счетных множеств с заданными отношениями между их элементами. Особенностью этой теории является геометрический подход к изучению объектов.

Трактовка понятию «граф» была дана в 1736 году Леонардом Эйлером, при решении «задачи о Кёнигсбергских мостах», в городе Кёнигсберг (ныне Калининград), условие задачи включает два берега реки, два острова в ней и семь соединяющих их мостов (рис. 1.) Необходимо решить, как обойти все четыре части суши, пройдя по каждому мосту один раз, и вернуться в исходную точку.

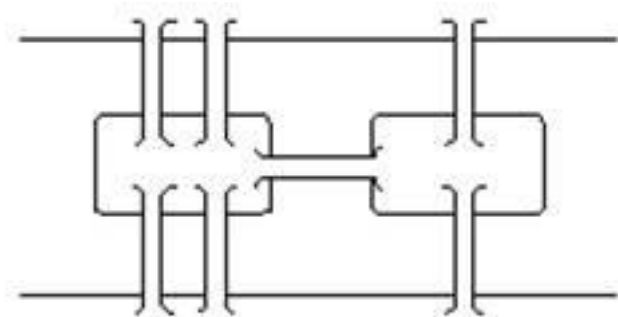

Рис. 1. Схематическое изображение Кенигсбергских мостов

Графам нашли применение практически во всех отраслях науки: физике, биологии, химии, математике, истории, лингвистике, социальных науках, технике и т.п. Наибольшей популярностью теоретико-графовые модели используются при

исследовании коммуникационных сетей, систем информатики, химических и генетических строений, электрических цепей и других систем сетевой структуры.

Понятия и определения

Граф в источниках трактуется как фигура, состоящая из точек (вершин) и соединяющих их линий (ребер).

Граф –это система, которая рассматривается как множество кружков и множество соединяющих их линий.

Маршрут–это путь по линии, которая называется ребром.

Цепь – это маршрут, не содержащий повторяющихся ребер, цепью является последовательность смежных вершин. Замкнутая цепь называется циклом. Вершины в цепи могут повторяться несколько раз. Например, на рис. 2 маршрут ADCEDB является цепью, а маршрут ACDECDB цепью не является.

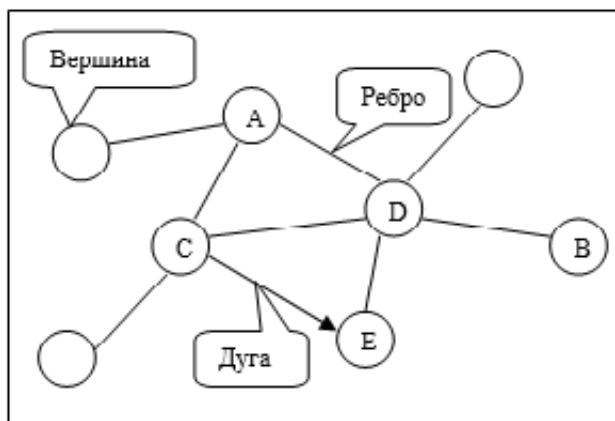

Рис. 2. Определение маршрута в графе

Исследователи выделяют несколько видов графов, например:

- связной, если для любых его вершин может быть указан маршрут, по которой из одной вершины можно попасть в другую;
- несвязанной если для любых его вершин может быть указан маршрут, по которой не всегда из одной вершины можно попасть в другую.

Важная особенность графов в том, что ребра графов, которые соединяют вершины между собой, не повторяются, т.е. две вершины, соединяет единственное ребро (рис. 3).

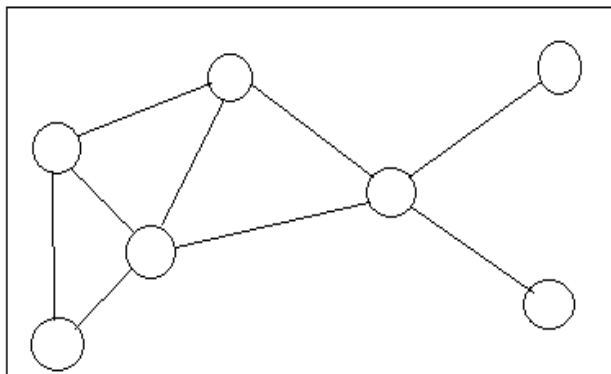

Рис. 3. Пример графа

Применение теории графов в бухгалтерском учёте

Графы, являющиеся удобным инструментом, для решения задач в различных отраслях научных знаний, таких как бухгалтерский учёт.

Приведем наглядный пример, того как применяется теория графов в бухгалтерском учёте. На рис. 4 наглядно изображен граф, у которого, вершинами графа являются бухгалтерские счета, а ребрами – финансово-хозяйственные операции (потоки материальных и финансовых ресурсов между ними и др.), ребра (линии со стрелочкой) указывают связи между счетами, начало стрелочки – это дебет счета (начало операции), а завершение – это кредит счета (завершение, конец операции).

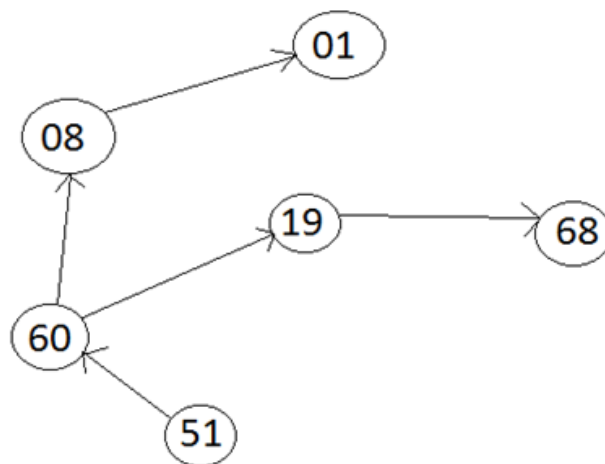

Рис. 4. Граф в бухгалтерском учёте

Теория графов имеет большой потенциал развития в сфере бухгалтерского учёта, за счёт наглядности связей между хозяйственными операциями и счетами, и благодаря своей простоте изложения.

Заключение

Теория графов используется во многих сферах научной деятельности, в связи с тем, что она достаточно проста в использовании на практике. Ее легко освоить даже тем людям, которые впервые сталкиваются с ней в определенной сфере деятельности. Именно поэтому, теория графов приобретает популярность в современном обществе и все чаще встречается в каких-либо научных и исследовательских работах. Из всего вышесказанного неопровержимо следует практическая ценность теории графов.

Список литературы

1. Афанасьев М.Ю., Багриновский К.А., Матюшок В.М. Прикладные задачи исследования операций: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 352 с. (учебники РУДН).
2. Бурков В.Н., Новиков Д.А. статья ПДФ В первом разделе вводятся основные понятия, во втором рассматриваются задачи о максимальных путях и контурах на графах, в третьем – свойства псевдопотенциальных графов, в четвертом – задачи о максимальном потоке, в пятом – задачи сетевого планирования и управления.
3. См.: Информационные системы в экономике: учеб. пособие / М.М. Геращенко; РАНХиГС, Сиб ин-т упр. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014.

СКОРИНГОВАЯ СИСТЕМА ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Буцукина И.Г.

студентка, Курский государственный университет, Россия, г. Курск

В статье рассмотрены вопросы организации процесса анализа кредитоспособности заемщика (физического лица) с помощью скоринговой системы. Выявлены недостатки и преимущества скоринговой системы.

Ключевые слова: скоринговая система, кредитный скоринг, скоринговые модели, кредитные организации, заемщики.

В настоящее время многие российские банки применяют формальный подход к оценке кредитоспособности физических лиц. Данный подход основывается на определении возможности погашения кредита, исходя из размера дохода клиента.

Кредитный скоринг – быстрая, точная и устойчивая процедура оценки кредитного риска, имеющая научное обоснование. Скоринг является математической или статистической моделью, которая соотносит уровень кредитного риска с параметрами, характеризующими заемщика – физическое лицо. Моделей скоринга множество, каждая из них использует свой набор факторов, характеризующих риск, связанный с кредитованием заемщика, и получает в результате пороговую оценку, которая и позволяет разделять заемщиков на «плохих» и «хороших». Смысл кредитного скоринга заключается в том, что каждому соискателю кредита приписывается свойственная только ему оценка кредитного риска. Сравнение значения кредитного скоринга, полученного для конкретного заемщика, со специфичной для каждой модели скоринга пороговой оценкой помогает решить проблему выбора при выдаче кредита, разделяя заемщиков на два класса (тех, кому кредит выдать можно, и тех, кому он «противопоказан») [4, с. 127].

Скоринг, основываясь на методах тестирования (анкетирования), дает балльную оценку кредитоспособности потенциального заемщика, позволяет минимизировать банковские риски кредитной организации.

Скоринговые модели оценки заемщика получили сегодня широкое распространение в области портфелей однородных ссуд в первую очередь благодаря ограниченному времени, выделенному на анализ единичного кредита, а также небольшому объему хорошо структурированной информации, известной о заемщике. Главная цель таких моделей – добиться монотонной зависимости скорингового балла от вероятности обнаружить в заемщике определенное желательное (или нежелательное) свойство [3, с. 6].

Применение кредитного скоринга предоставляет банкам следующие преимущества:

- уменьшение риска невозврата кредита, сокращение числа «плохих» кредитов и, соответственно, снижение уровня просроченной задолженности;
- увеличение кредитного портфеля за счет сокращения количества субъективных отказов по кредитным заявкам;
- ускорение процесса принятия решений о выдаче кредита;
- возможность создания специфических кредитных продуктов на основе анализа рыночных ниш;

– помощь кредитным инспекторам и аналитикам, предоставляя им информационную поддержку в принятии решений.

Скоринговая система оценки увеличивает скорость рассмотрения заявки и оформления кредита, что привлекает физических лиц. Ряд банков, используя скоринговые системы, значительно сократили необходимое количество документов для оформления кредита. Безусловно, ускорение и упрощение кредитного процесса для заемщиков привлекает все большее количество потребителей банковских услуг.

Задача оценки кредитоспособности физических лиц является неформализованной задачей. Для решения данной задачи многие коммерческие банки применяют гибридные экспертные системы. Задача оценки может быть представлена в виде [4, с. 128]:

$$M = F(K, X), \quad (1)$$

где M – комплексная оценка объекта;

X – набор показателей, характеризующих состояние объекта;

K – набор критериев, по которым оцениваются значения показателей и рассчитывается M ;

F – некоторая функция, по которой на основе значений первичных показателей и критериев можно получить обобщенную оценку объекта. Для решения задачи оценки необходимо восстановить вид функции F [2, с. 8].

Применение в кредитной организации гибридной модели подразумевает декомпозицию задачи на подзадачи. В целом модель скоринговой системы состоит из пяти блоков (рис. 1):

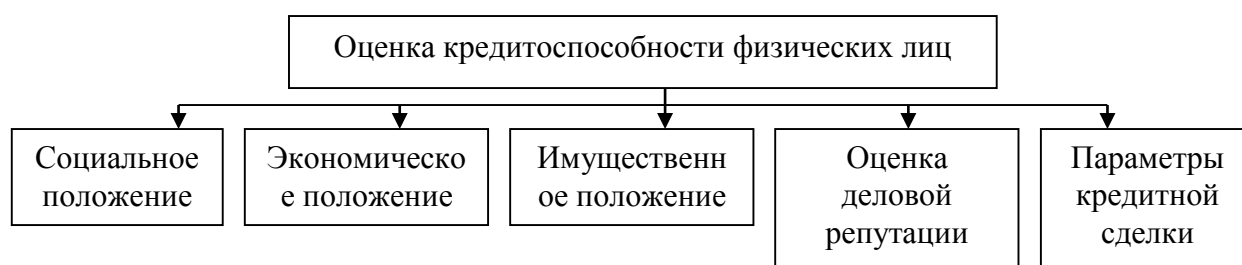

Рис. 1. Модель скоринговой системы оценки кредитоспособности физических лиц на основе гибридных экспертных систем

Каждый блок модели характеризуется соответствующим набором показателей (факторов), определяющих состояние клиента-заемщика с различных сторон, и методом решения. Значения показателей определяются на основании анкеты заемщика и заключения службы безопасности банка [4, с. 128].

В блоках «Социальное положение» и «Экономическое положение» в качестве метода решения используется нейронная сеть, так как в данных узлах невозможно однозначно определить степень влияния входящих в данные блоки факторов на итоговый показатель. Кроме того, для обучения нейронной сети в данных узлах имеется значительная выборка данных (рис. 2).

В блоках «Имущественное положение» и «Оценка деловой репутации» используют продукционную экспертную систему. Данный метод позволяет получить значения названных блоков с помощью правил, аналогичных рассуждению экспертов (рис. 3).

Рис. 2. Блок «Социальное положение» модели скоринговой системы

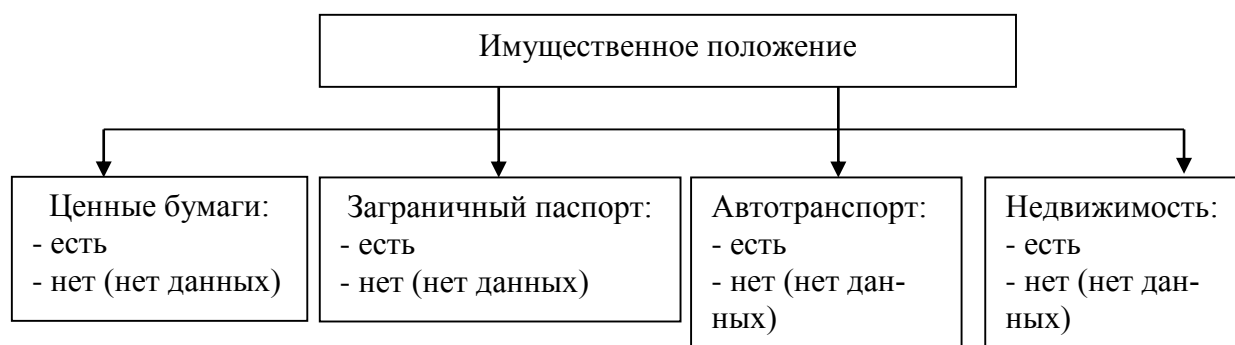

Рис. 3. Блок «Имущественное положение» модели скоринговой системы

В блоке «Параметры кредитной сделки» методом решения является формула (рис. 4). Данный блок служит для комплексной оценки кредитоспособности физического лица посредством определения его платежеспособности и максимального размера предоставляемого ему кредита. Использование данного блока в скоринговой модели позволяет сочетать традиционный подход к определению кредитоспособности и качественно новый, основанный на гибридной экспертной системе.

Итоговая оценка кредитоспособности физического лица определяется по формуле [4, с. 129]:

$$Z = xX1 + xX2 + xX3 + xX4, \quad (2)$$

где Z – оценка кредитоспособности;

$X1$ – социальное положение;

$X2$ – экономическое положение;

$X3$ – имущественное положение;

$X4$ – оценка деловой репутации;

x – весовые коэффициенты соответствующих факторов риска, определяющих кредитоспособность заемщика.

Работа скоринговой системы оценки физического лица должна осуществляться в режиме «черного ящика». Все данные (из справки о заработной плате, анкеты заемщика), вносятся в АБС банка. Для оценки кредитоспособности заемщика список показателей и их значения передаются в аналитический блок, который по

результату анализа по настроенному «дереву решения» возвращает в АБС банка категорию качества заемщика. Данная схема представлена на рис. 5.

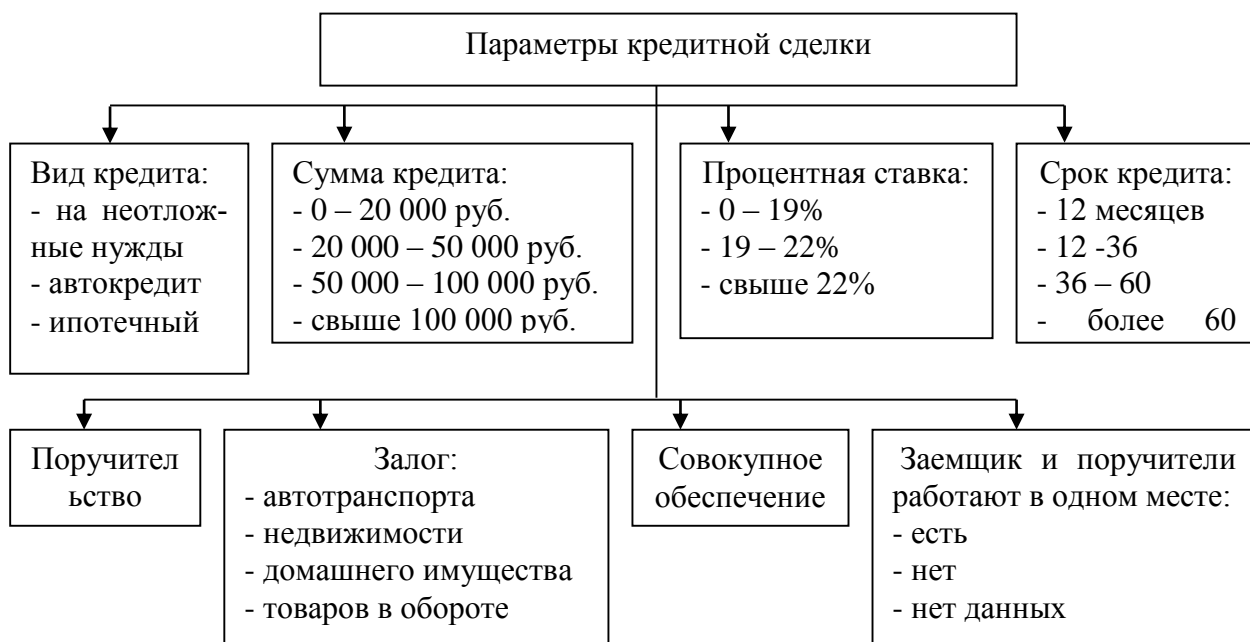

Рис. 4. Блок «Параметры кредитной сделки» модели скоринговой системы

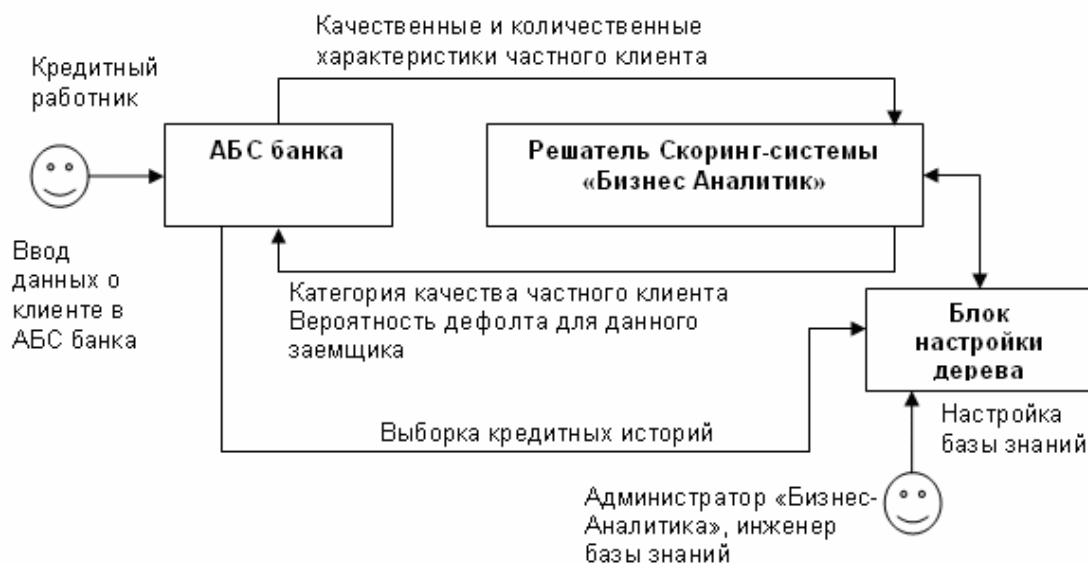

Рис. 5. Схема взаимодействия АБС банк и скоринг-системы

Для кредитного инспектора, подготавливающего заключение о предоставлении кредита, процесс анализа представлен только в виде присвоенной клиенту категории качества (вероятности дефолта заемщика), на основании которой производится корректировка суммы кредита, либо отказ в кредитовании. Кроме того, в зависимости от присвоенной клиенту категории качества возможно предоставление банку рекомендаций по условиям кредитования (по сумме кредита, сроку кредитования, величине обеспечения возврата кредита).

Данный подход к оценке кредитоспособности потенциальных заемщиков (физических лиц) в условиях российской действительности встречает следующие проблемы [1, с. 41]:

– отсутствует достаточный объем доступной для исследования информации о кредитоспособности той или иной группы населения;

– кредитоспособность физического лица зависит не только от его наблюдаемых характеристик, но и общей макроэкономической ситуации;

– значительный рост волатильности доходов заемщиков при росте их по абсолютной величине;

– решения, принятые с использованием системы кредитного скоринга ранее, влияют на решения, принимаемые данной или другой системой впоследствии.

Оценивая будущее скоринговых систем в России, специалисты единодушны: это перспективное направление будет стремительно развиваться, и даже дороговизна таких систем не сможет сдерживать их распространения, поскольку сферы их применения практически не ограничены: финансовые и страховые рынки, маркетинг, государственная статистика и т.д.

Список литературы

1. Андреева Г. В. Скоринг как метод оценки банковского риска // Банковские технологии. – 2014. – №5. – С. 38-46.
2. Злобина Е. И. Особенности развития стандартов кредитования физических лиц в российских коммерческих банках // Финансы и кредит. – 2014. – № 30. – С. 8-15.
3. Ишина И. В. Скоринг-модель оценки кредитного риска // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – №4. – С. 1-8.
4. Пятковский А. И., Лепчугов Д. В., Бондаренко В. В. Скоринговая система оценки кредитоспособности физических лиц на основе гибридных экспертных систем // Ползуновский альманах. – 2008. – №2. – С. 127-129.

О РОЛИ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В УКРУПНЕНИИ БИЗНЕСА

Грибановская С.В.

старший преподаватель,

Российский государственный гидрометеорологический университет,

Россия, г. Санкт-Петербург

В статье определены предпосылки и факторы, влияющие на принятие решения об укрупнении бизнеса. Описаны механизмы и стратегии формирования диверсифицированной структуры. Даны мотивы диверсификации и основные последствия.

Ключевые слова: корпорация, предпосылки и мотивы диверсификации, стратегия диверсификации, диверсифицированная структура, финансово-промышленные группы.

Мировые экономические кризисы различных годов имеют различную природу и стартовый механизм, однако в любом случае оказывают губительное влияние на развитие предпринимательской деятельности, ставя под сомнение целесообразность развития предприятий в складывающихся условиях. Корпорация, как и любая организационно-экономическая система, подверженная постоянному изменению, испытывает на себе все последствия перемен экономической и политической атмосферы внешней среды. Под этим воздействием изменения происходят в виде слияния (поглощения) компаний, приводящие к образованию диверсифицированных корпораций и дальнейшего разукрупнению бизнеса, что существенно затрагивает интересы государств, в которых корпорации зарегистрированы и осуществляют свою деятельность. Внешняя среда в виде государства вынуждена реагировать на такую политику корпораций путем формирования соответствующих правовых норм, призванных регулировать процесс диверсификации.

Однако в правотворческом процессе нельзя не учитывать стремление предприятий минимизировать предпринимательский риск, особенно в условиях экономического кризиса, когда его уровень многократно возрастает. Т.е. нельзя не учитывать стремление управленцев диверсифицировать виды деятельности своих компаний. Необходимо разделять «диверсификацию» как:

1. процесс проникновения фирм в отрасли, не имеющие прямой производственной связи или функциональной зависимости от основной отрасли их деятельности (здесь диверсификация связана с процессом концентрации производства на межотраслевом уровне и структурной перестройкой хозяйства);

2. процесс распространения хозяйственной деятельности на новые сферы (расширение номенклатуры продукции, видов предоставляемых услуг и т.п.) [1].

История показала, что диверсификация производства и предпринимательской деятельности является действенным инструментом устранения диспропорций воспроизводства и перераспределения ресурсов [2, 3]. Она чаще всего преследует различные цели и определяет направления реструктуризации корпорации и экономики в целом. В условиях острой борьбы на мировых рынках, замедление экономического роста и технического прогресса требуется преобразование структуры производства, для которого уже недостаточно просто приобретать передовые технологии и техники, результаты научных исследований. В этих условиях диверсификация становится наиболее распространенной формой концентрации капитала.

Причины переориентации на диверсификацию и выбор стратегии диверсификации различны для различных корпораций, поскольку цели диверсификации производства напрямую зависят от финансового состояния и производственных возможностей, а привлекательность отраслей для конкретной корпорации различна в краткосрочном и долгосрочном периодах [4].

По мере развития, как корпорации, так и диверсификации цели извлечения прибыли достигаются путем расширения возможностей перетекания ресурсов за пределы основной отрасли, региона, национальной экономики.

Как видно из представленного рисунка, финансовые возможности убыточных, умеренных и преуспевающих корпораций позволяют реализовать им стратегии: от «просто выжить» до «образовать стратегические альянсы».

А анализ современных мировых тенденций диверсификации позволяет выделить предпосылки, а также мотивы, которые наиболее часто служат стимулами для расширения масштабов деятельности (рис. 1).

Кроме того, на принятие решения о диверсификации влияют все факторы внешней среды предпринимательской деятельности [1]. На рисунке 2 представлена классификация факторов, влияющих на принятие такого решения.

Выделяют и фактор, косвенно влияющий на принятие решения о диверсификации, а именно, ограниченность в доступе к ресурсам через специализированные финансовые институты как следствие ограниченности в методах конкурентной борьбы [4].

Диверсификация может рассматриваться и как инвестиционная стратегия, тогда деятельность компании направляется не на максимизацию прибыли, а на уменьшение риска и рост фирмы, так как капитальные вложения направляются в первую очередь на расширение производства. Стратегии диверсифицированного роста реализуются при невозможности дальнейшего развития корпорации в пределах основной отрасли или с основным продуктом. К таким стратегиям относятся: стратегии горизонтальной, центрированной и конгломеративной диверсификации.

Рис. 1. Предпосылки и мотивы диверсификации [4,5]

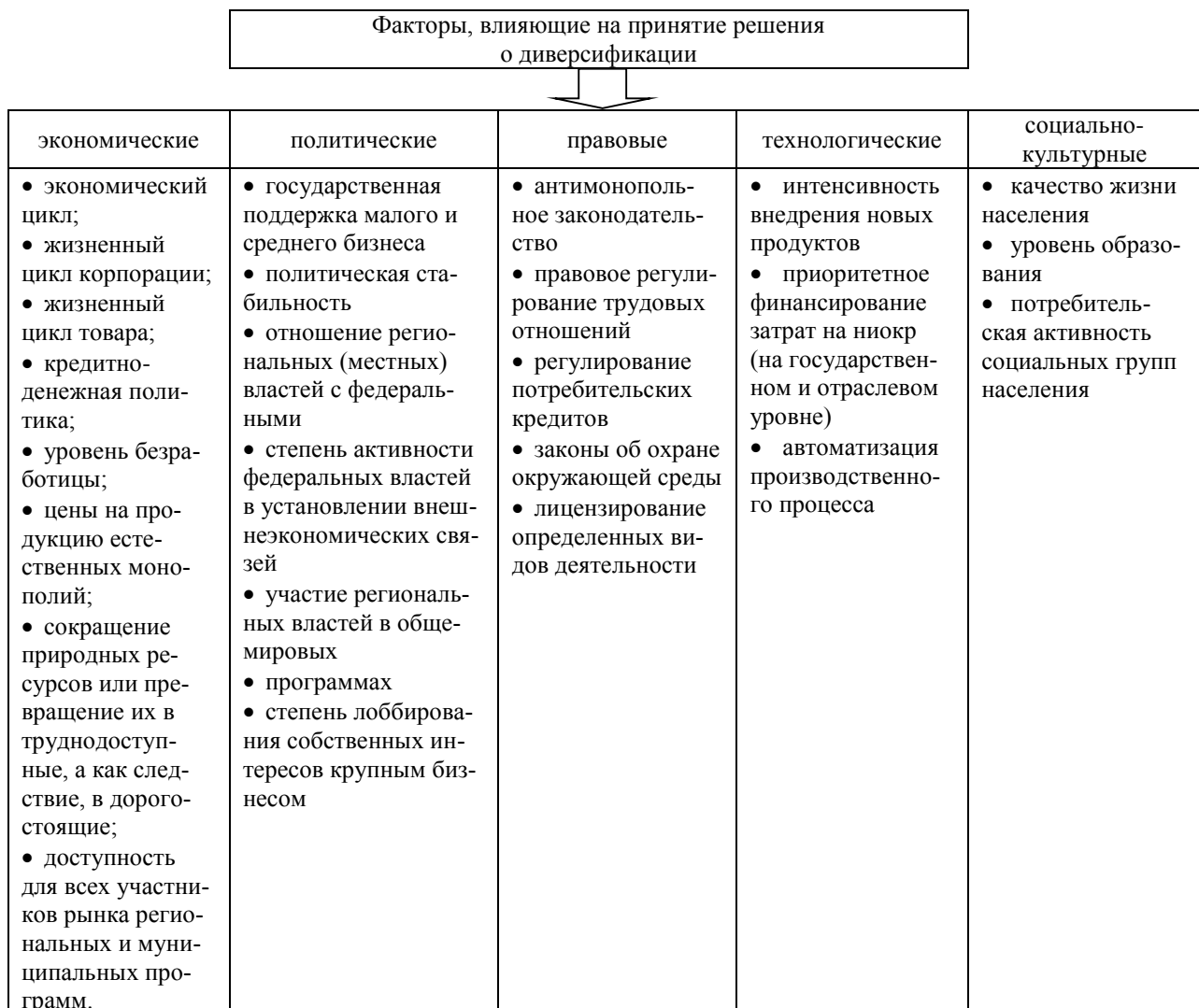

Рис. 2. Классификация факторов, влияющих на принятие решения о диверсификации

Стратегия *горизонтальной диверсификации* – это поиск возможностей роста на существующем рынке за счет новой продукции, требующей принципиально новой технологии. При этом корпорация ориентируется на производство такой технологически несвязанной продукции, которая использовала бы уже имеющиеся возможности. Новый продукт должен быть ориентирован на потребителя основного продукта, т.е. должен сопутствовать уже производимому.

Стратегия *центрированной диверсификации* – это поиск и использование в существующем производстве дополнительных возможностей для выпуска новой продукции. Новое производство так же основывается на имеющихся у предприятия возможностях, однако использует существующие технологии, т.е. существующее производство (продукт) остается центральной частью бизнеса. Новый продукт торгуется на основном рынке.

Стратегия *конгломеративной диверсификации* представляет собой расширение за счет производства продукции, технологически не связанной с производимой ранее и реализуемой на новых рынках [3].

Процессы диверсификации в промышленности способствуют ослаблению монополизма посредством перелива капитала в различные отрасли, расширения специализации производства. При этом значительно увеличивается реальная и потенциальная конкуренция, оказывающая понижающее или повышающее влияние на установленные монопольные цены. Функционирование отраслей улучшается с появлением на отраслевом рынке диверсифицированных корпораций, обладающих внешними и внутренними источниками финансирования. Таким образом, можно сделать вывод о положительной роли диверсификации в построении и укреплении межкорпоративных отношений и развитии позитивных тенденций на отраслевых рынках.

Под воздействием механизмов диверсификации происходит интеграция промышленного и финансового капитала. В результате создаются финансово-промышленные объединения, т.е. группы взаимосвязанных капиталом предприятий, включающие специализированные финансовые группы. Кроме того, в состав финансово-промышленных структур могут входить коммерческие и не коммерческие организации, в том числе и иностранные. Такие объединения хозяйственных субъектов позволяет решать следующие задачи: повышения конкурентоспособности и эффективности производства; создания рациональных производственных и кооперационных связей; увеличения экспортного потенциала; ускорения научно-технического прогресса за счет консолидированных усилий и объединения всей ресурсной базы.

Также могут формироваться не простые финансово-промышленные группы, стремящиеся к интеграции капитала с целью минимизации риска, но формируются и объединения, ориентированные на максимизацию прибыли в виде *конгломеративных* финансово-промышленных корпораций. При этом происходит объединение целой сети разнородных предприятий, которые не имеют управляющей компании. Конгломераты отличаются значительной децентрализацией управления. При этом главными средствами управления в них являются экономические и финансовые рычаги, методы косвенного регулирования деятельности подразделений. А наличие диверсифицированной структуры таких финансово-промышленных групп уменьшает риск убытков от циклических, конъюнктурных и структурных колебаний, т.е. не лишает конгломерат преимуществ интеграции капитала и делает их более устойчивыми в условиях высокой конкуренции.

Список литературы

1. Мильнер Б.З. Теория организаций. – М.: Инфра-М, 1998.
2. Экономика фирмы: Учеб. пособие / Т.В. Муравьева, Н.В. Зиньковская, Н.А. Волкова, Г.Н. Лиференко; под ред. Т.В. Муравьевой. – М.: Мастерство, 2002. – 400 с.
3. Орехов С.А., Селезнев В.А. Диверсификация как возможный способ оптимизации управления корпоративными структурами в целях предотвращения их несостоятельности // Актуальные вопросы современного управления и статистики: межвузовский сб. науч. тр./ под ред. С.Д. Ильенковой вып. 2. М.:МАКС Пресс, 2000.
4. Орехов С.А., Селезнев В.А. Основы корпоративного управления: учеб. / С.А. Орехов, В.А. Селезнев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Маркет ДС, 2008. – 320с. (Университетская серия). 108-116 с.
5. Немченко Г. Диверсификация производства: цели и направления деятельности// Проблемы теории и практики управления. 1998. №1.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЯ В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Драмарецкая Я.В.

преподаватель кафедры мировой экономики и менеджмента, канд. экон. наук,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов товарной политики, играющей ключевую роль в управлении инновационным предприятием, затрагивая все аспекты его деятельности. Раскрываются основные направления товарной политики в процессе управления инновационной сферой предприятия. Также представлен алгоритм восприятия потребителями инновационного товара.

Ключевые слова: товарная политика, управление, инновационная продукция, конкурентоспособность, жизненный цикл товара.

Современное состояние экономики России характеризуется повышением интереса к инновационному пути развития. Все большее количество предприятий выбирают инновационный тип развития, отличный от традиционного. Это обусловлено, во-первых, повышением уровня конкуренции со стороны производителей, а во-вторых, более внимательным отношением потребителей к товарам и услугам [1, с. 117].

Товарная политика в маркетинговой деятельности инновационного предприятия занимает важное место, так как именно товар, его качество, ассортиментный набор, особенности жизненного цикла, новизна, упаковка определяют конкурентные преимущества предприятия и успех его деятельности на рынке.

Основными направлениями товарной политики предприятия принято считать:

- модификация изготавливаемых товаров и разработка новых видов продукции;
- разработка и оптимизация товарного ассортимента;
- разработка программы продвижения товарных марок;
- управление жизненными циклами различных товаров на различных рынках;
- поддержание конкурентоспособности товаров и управление их качеством;
- сертификация производимых товаров;
- управление сервисом на предприятии.

Основное отличие маркетинга инноваций от маркетинга традиционных товаров состоит в том, что первый, как правило, работает не с товаром, а с идеей или

новшеством; его направленность заключается во внушении потребителю необходимости покупать именно инновационную продукцию, а не на убеждении переключиться с продукции конкурентов.

Целью инновационной товарной политики является не столько поддержка определенного уровня удовлетворения потребностей, сколько формирование спроса на инновации [2, с. 91]. В системе формирования спроса на инновации важным звеном является восприятие потребителями новинки.

Процесс восприятия потребителями нового товара на рынке состоит из нескольких этапов представленных на рисунке.

Рис. Алгоритм восприятия потребителями инновационного товара

На первом этапе процесса восприятия нового товара потребитель узнает о новинке, но не обладает достаточной информацией о ней. На втором этапе у потребителя проявляется интерес к новому товару, и он начинает поиск информации, которая бы давала ему полную характеристику. Третий этап предполагает распознавание потребителем инновационного товара в ряду других аналогичных товаров. Четвертый этап – это определение достоинств и недостатков новинки. На пятом этапе потребитель пробует новинку в небольшом количестве, для того, чтобы иметь о ней некоторое представление. Шестой этап – принятие окончательного решения о приобретении инновационного продукта.

Важным для правильного восприятия потребителями нового товара является его позиционирование. Что представляет собой: распределение товаров по целевым сегментам; выявление характеристик товаров, дающих им конкурентные преимущества среди аналогичных; формирование с помощью рекламы потребительских представлений о преимуществе новинки над конкурирующими товарами.

Выделяют два основных вида позиционирования новой продукции:

– первый – это позиционирование по отношению к потребителям, основная идея которого заключается в том, чтобы дать потребителям все, что им нужно в данный момент и в будущем.

– второй – позиционирование по отношению к конкурентам заключающееся в том, чтобы производить продукцию и товары лучше, чем у конкурентов.

В настоящее время вектор направленности товарной политики, а также в целом эффективная деятельность инновационных предприятий находятся в тесной взаимосвязи с жизненным циклом товара. Жизненный цикл товара – это время существования товара на рынке, период времени от идеи товара и до его реализации на рынке. Концепция жизненного цикла товара заключается в неизбежном вытеснении существующего товара на рынке новым, обладающим более совершенными характеристиками. Жизненный цикл позволяет получить информацию о динамике объемов продаж и получения финансового результата с момента выведения нового товара на рынок и до его исчезновения. Современная тенденция жизненного цикла товара заключается в оптимизации его периодов [3, с. 1472].

Другими важными элементами товарной политики инновационного предприятия является элиминирование и обслуживание.

Элиминирование – это процесс удаления устаревшего товара с рынка. Основная задача этого элемента товарной политики заключается в том, чтобы оптимизировать процесс устранения с рынка товара, спрос на который необратимо уменьшается.

Обслуживание – это постоянное обеспечение определенных характеристик товаров, внедренных на рынке и пользующихся спросом потребителей. Контроль качества производимых товаров, информирование производства о необходимости его улучшения, сохранения всех качественных характеристик и параметров товаров в процессах распределения и продажи, является главным направлением в этом элементе товарной политики.

В процессе формирования товарной политики в маркетинговой деятельности инновационного предприятия следует учитывать следующие факторы:

- особенности развития спроса и предложения, а также внешней маркетинговой среды (демографическая ситуация, климатические и географические условия, научно-технический прогресс, правовое регулирование и т.д.);
- специфика конкурентной борьбы предприятия на рынке, основные фирмы-конкуренты и направления их деятельности;
- финансовые и управленческие ресурсы, а также возможности предприятия, его сильные стороны в конкурентной борьбе;
- основные тенденции развития предприятия, его стратегические цели и тактические задачи.

Таким образом, товарная политика в инновационной сфере должна решить следующую важную задачу, а именно: создание такого продукта или услуги, чтобы другие элементы комплекса маркетинга или были не нужны вообще, или же являлись вспомогательными для достижения поставленных предприятием целей. Также важно отметить, что методы управления такими продуктами и услугами должны быть инновационными поддерживающими конкурентоспособность нового товара на определенном уровне.

Список литературы

1. Белоцерковская Н.В., Иванченко О.П. Маркетинговые инновации: подходы, виды, содержание и внедрение // ВЕСТНИК ОГУ. – 2014. – №4 (165). – С. 207.
2. Кухарская Н. А. Маркетинг инноваций: учеб. пособие / Н.А. Кухарская, Л. В. Новошинская. – Одесса: «Атлант VOI COIU», 2016. 215 с.

3. Тараканова К. Л., Тараканов С. И. Товарная политика как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия // Молодой ученый. – 2016. – №12. – С. 1471-1473.

РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНОЙ АМОРТИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Дьякова О.О.

магистрант, Челябинский государственный университет, Россия, г. Челябинск

В данной статье проведены рекомендации по разработке адекватной амортизационной политики современного предприятия железнодорожного транспорта. Данная политика позволит эффективно управлять основными средствами предприятия.

Ключевые слова: амортизация, способы начисления амортизации, основные средства, предприятие железнодорожного транспорта.

Амортизация – наиболее выгодный ресурс в инвестиционной сфере. Расчеты ИЭ РАН показывают, что по внутренней норме доходности эффективность использования этого источника в 2 раза выше, чем прибыли, и в 4 раза выше, чем использование кредита [1, с.37].

Основными функциями амортизационных отчислений должны стать: финансирование реального капитала, в том числе приобретение новых машин и оборудования взамен выбывших, механизация и автоматизация производства, новое строительство и реконструкция, а также техническое перевооружение. Вместе с тем с 1998 года предприятия получили право использовать отчисления не по целевому назначению. Начисленная амортизация уменьшает налоговую базу по налогу на прибыль, что не зависит от фактического использования амортизационных отчислений на инвестиции. Это является серьезным недостатком экономического механизма. Начиная с 2001 г. амортизация начисляется с остаточной стоимости основных фондов. Амортизация выступает как своего рода льгота для финансовых и экономических ведомств, как способ ухода от налога на прибыль. Однако в большинстве случаев средства стали направляться на пополнение оборотных фондов. Амортизация стала использоваться для решения текущих вопросов. Таким образом, государство лишилось одного из мощнейших рычагов регулирования экономики страны и стимулирования ее развития на макроуровне.

Амортизация должна иметь строго целевое назначение. В этом случае у предприятий появится возможность производить замену оборудования за свой счет, причем независимо от результатов его деятельности. К тому же, это будет дисциплинировать предприятия.

Высокий удельный вес амортизации как источника инвестиций связан не только с небольшим по нашим меркам сроком службы оборудования в развитых странах, но и ускоренной амортизацией. Допустим, в Японии для фирм, которые используют энергосберегающее оборудование, либо оборудование, которое содействует эффективному использованию ресурсов и не вредит окружающей среде, ставки амортизации устанавливаются до 50 % в год. В большинстве развитых стран вложения в основные фонды разрешено списывать за 3 года. При этом исходят из того, что экономическая полезность активов быстрее снашивается в первые годы

эксплуатации, а потому и величина амортизационных отчислений тем меньше, чем старше активы. Существуют следующие методы ускоренной амортизации: двойного убывающего остатка, суммы лет и полуторного убывающего остатка [2, с. 18].

В нашей стране в соответствии с нормой налогового кодекса, к 7-9 группе оборудования применяется линейный метод списания, а к остальным – на выбор самих предприятий. Ускоренная амортизация получила законодательное закрепление в 2006 году, когда была введена амортизационная премия в размере 10 %. С 2008 года она выросла в 3 раза (до 30 %).

Проблема также заключается в том, что активное использование ускоренной амортизации приводит в первые годы к снижению налоговых поступлений в бюджет, так как амортизация является элементом издержек и при их росте снижается налогооблагаемая прибыль. Фискальные органы, руководствуясь краткосрочными интересами, заинтересованы в больших поступлениях в бюджет. Но экономика страны уже столько лет находится практически в стагнации, что дальше ими нельзя руководствоваться. Необходимо осознание долгосрочных интересов российской экономики. «Инвестиционная близорукость», наблюдаемая в нашей стране, долгое время неактуальна [4, с.78].

Необходимо отметить, что предприятия слабо заинтересованы в ускоренной амортизации. Вероятно, это связано с большими объемами сокрытия прибыли не только в малом, но и крупном и среднем бизнесе.

Исходя из анализа роли амортизации в воспроизводственном процессе и существующих проблем, основными направлениями государственной политики в этой сфере должны быть:

- во-первых, сокращение сроков службы оборудования;
- во-вторых, уменьшение сокрытия прибылей и создание реальной заинтересованности предприятий в ускоренной амортизации;
- в-третьих, нормы амортизации должны учитывать не только физический, но и моральный износ;
- в-четвертых, при установлении норм амортизации следует учитывать приоритеты структурной политики (в первую очередь необходимо развивать обрабатывающую промышленность). Возможно, для этого следует устанавливать нормы амортизации, как по группам оборудования, так и по отраслям, отдавая при этом приоритет именно обрабатывающей промышленности и сельскому хозяйству, транспорту.

Одним из важнейших направлений совершенствования финансового учета основных средств Бердяушской дистанции пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД» является разработка адекватной амортизационной политики.

Бердяушская дистанция пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД», как и большинство российских организаций при выборе метода начисления амортизации основных средств придерживается традиционного подхода – единства расчета амортизационных отчислений в финансовом и налоговом учете во избежание дополнительных затрат для бухгалтеров.

Бердяушская дистанция пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД» применяет линейный способ начисления амортизации основных средств, поскольку в этом случае ежемесячные суммы амортизационных отчислений в финансовом учете, а также в целях налогообложения оказываются абсолютно идентичными.

Однако такой упрощенный подход лишает Бердяушскую дистанцию пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД» явных экономических выгод.

Один из путей улучшения использования основных средств Бердяушской дистанции пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД» является предложение перейти от равномерного списания указанного имущества к ускоренному. При этом в финансовом учете следует изменить линейный метод начисления амортизации по транспортным средствам на метод по сумме чисел лет.

К разряду ускоренной амортизации также относится и метод уменьшаемого остатка. Однако его использование ведет к образованию несписанного остатка основных средств по окончании срока их полезного использования. В результате – при сравнении двух ускоренных способов начисления амортизации (способа уменьшаемого остатка и по сумме чисел лет), способ по сумме чисел лет является более выигрышным [3, с. 62].

С целью улучшения использования основных средств Бердяушской дистанции пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД» рекомендуется внедрить следующие мероприятия:

- своевременное обновление основных средств с помощью приобретения или строительства новых объектов, реконструкции, модернизации имеющихся основных средств;
- обеспечение равномерной пропорции между оборотными и основными средствами предприятия;
- совершенствование техники, технологии, организации производства, разработка инновационных процессов.

Одно из мероприятий для повышения эффективности обновления основных средств – регулярный анализ, который поможет обеспечить оценку технического состояния, что позволит выявить объекты, требующие ремонта, модернизации или реконструкции, или же списания.

Также важно, вовремя переоценивать основные средства, учитывая рыночную стоимость, степень изношенности.

Другое мероприятие – резервирование собственных источников, использование которых будет способствовать снижению стоимости модернизированных или приобретенных основных средств.

Таким образом, выполненное исследование позволило определить наиболее важные направления повышения эффективности воспроизводства основных средств, а также мероприятия, позволяющие реализовать эти направления.

Предложенные мероприятия будут способствовать не только повышению эффективности работы предприятия, но и в целом эффективности и конкурентоспособности Бердяушской дистанции пути Челябинского отделения ЮУЖД-филиала ОАО «РЖД».

Список литературы

1. Малов В.А., Парышева Е.Ю. Амортизационные отчисления как составляющая инвестиционных ресурсов // Экономика железных дорог. 2013. №10. – С. 30-38.
2. Пожидаева Т.А., Щербакова Н.Ф. Анализ эффективности использования основных средств и материальных ресурсов на предприятии железнодорожного транспорта // Экономический анализ: теория и практика. 2014. №5.
3. Розмаинский И.В., Ложникова А.В., Хлопцов Д.М. Премия за риск отменяет амортизацию и умножает цены // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. №2(26). – С. 64-80.
4. Соколов М. Амортизация и как ее использовать для подъема экономики. // Экономист. 2014. №2. – С. 24-38.

ФИНАНСОВЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Ершова А.А.

магистрант, Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

В статье рассматриваются особенности финансового менеджмента в нефтедобывающей отрасли, ее развитие в условиях современной экономики, возможные проблемы и пути их решения. Нефтедобывающая отрасль в России имеет определенные трудности, которые связаны с экономическими, политическими и природными факторами.

Ключевые слова: нефть, нефтедобывающая отрасль, нефтяная компания, финансовый менеджмент, нефтепродукты, цена на нефть.

В условиях современной рыночной экономики, с учетом возникновения кризисных ситуаций и нестабильных цен на нефть в мире, необходимо грамотно проводить финансовый менеджмент нефтедобывающих компаний с целью минимизировать потери и получения максимальной прибыли. Нефтеперерабатывающая отрасль имеет свои специфические особенности [3, с. 67].

Первой особенностью является то, что основным актив нефтедобывающей компании – это запасы нефти. Данные запасы можно разделить на несколько категорий в зависимости от разновидности, степени освоенности месторождений, и других показателей. Через какое-то время, в процессе эксплуатации месторождения можно наблюдать падение уровня добычи.

Особенностью бизнеса, связанного с нефтедобывающей отраслью, является динамичное изменение цен, связанных с добычей нефти, которые являются основной проблемой для инвесторов в данной отрасли и принятия каких-либо инвестиционных решений и разработки инвестиционных стратегий, с целью увеличения стоимости нефти, так как динамика цен на нефть имеет высокую изменчивость. Соответственно, можно сделать выводы что при высокой колеблемости цен на нефть необходимо более тщательная разработка методики оценки стоимости нефтедобывающих компаний, имеющих основную цель эффективное управление структурой и естественного истощения запасов нефти.

Расчет фундаментальной стоимости нефтяной компании является достаточно сложной задачей, так как на практике всегда осуществляется в условиях недостаточно полного объема исходной информации. Цена на нефть является балансом спроса и предложения на рынке и является случайно величиной, динамика которой определяется данными показателями. Огромное влияние при моделировании цены на нефть является работа биржевых спекулянтов, и потому, при формировании цены на нефть нет смысла использовать некоторые фундаментальные факторы, такие как текущий баланс спроса и предложения, который на практике измеряется таким показателем, как динамика промышленных запасов. Рост спроса на нефть часто наблюдается в тот момент, когда в мировой экономике наблюдается активный рост и развитие. Другим фактором резкого возрастания цены на нефть является возникновение военного конфликта. Другой стороной формирования цены в нефтедобывающей отрасли является регресс экономики, при котором замедляется или прекращается рост экономики, промышленной отрасли снижается потребление нефти, а соответственно цена на нее резко падает [4, с. 112].

Объем предложения также меняется не случайно. В основном падение поставок и объема поставляемой нефти снижается из-за военных конфликтов в

нефтедобывающих странах, основных поставщиках нефти в мире. К ним относятся такие страны как Россия, Великобритания, Норвегия, Нигерия, Алжир, Ангола, Мексика, Канада, Венесуэла, Катар, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Арабские Эмираты.

Особенность спроса на нефть – это разная степень эластичности по цене в зависимости от периода. Так как экономика тесно связана с нефтедобывающей отраслью, то рост цен практически не влияет на уровень спроса в краткосрочный период, потому что потребителям приходится мириться с возрастанием цены. С другой стороны, в среднесрочном периоде потребители в большинстве случаев адаптируются к новым ценам и умеют снижать свои затраты, то есть существует вероятность некоторого снижения спроса. В долгосрочном периоде наблюдается рост спроса на нефть, в связи с постоянной индустриализацией мира, и постоянно идет процесс наращивания объемов потребляемого топлива. При этом существует риск истощения нефтяных месторождений [2, с. 29].

Налогообложение в нефтедобывающей отрасли также имеет свои специфические особенности. Российские компании, которые занимаются добычей нефти, отчисляют несколько видов налогов. Но – первых, налог на прибыль в размере 20%, однако, ставка может быть снижена до 15,5%. Во – вторых, отчисляется стандартный платеж НДС, по ставке 18%. Это стандартные налоги, которые уплачивает большая часть Российских предприятий. Однако, нефтедобывающая промышленность попадает под особую категорию налогообложения, например под уплату налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), а также налог на пользование недрами. Помимо этого, компании по добыче нефти уплачивают таможенные пошлины при необходимости, а также стандартные налоги юридических лиц, например на пользование имуществом и социальные отчисления. Основная налоговая нагрузка нефтедобывающих предприятий приходится именно на НДПИ и на налог на пользование недрами, а также экспортную таможенную пошлину.

Особенностями финансового менеджмента любой отрасли, в том числе и нефтеперерабатывающего являются особенности организации и управления технологическим и производственным процессом, который непосредственно влияет на результаты финансово-хозяйственной деятельности, а так же на формирование себестоимости продукции предприятий нефтеперерабатывающей отрасли, затрат, издержек и соответственно организацию управленческого учета, основной целью которого является грамотное управление всеми сферами предприятия.

Технология добычи нефти заключается в следующем и состоит из следующих этапов: Монтирование и демонтирование оборудования необходимого для добычи нефти, как механического, так и энергетического, относятся ремонтные работы скважин, как наземный, так и подземный ремонт, контроль и поддержание давления в пласту, где содержится нефть, транспортирование, сбор нефти и газа и т.д.

Под действием гидродинамических сил самого пласта, где находится нефть, она поступает в скважину. Особенностью нефтедобычи являются большие затраты, используемые на энергоемкость при добыче нефти, соответственно данные издержки являются основной группой и статьей в калькуляции, затраты на бурение скважин и буровые установки, а также затраты на оборудование по хранению и транспортировке нефти.

Основная группировка затрат нефтедобывающей отрасли включает следующие особенности:

1. Технология и добыча нефти.
2. Готовая продукция, без полуфабрикатов.

3. Последовательность процессов, связанных с технологией и добычей нефти, заключается в следующем: контроль и поддержание давления в пласту, где находится нефть, добыча нефти из скважин, организация транспортирования и сбор нефти и т. д.

4. В результате эксплуатации скважин для добычи нефти, снижается их эффективность и уменьшается добыча, и соответственно увеличиваются расходы, что является крайне отрицательным моментом в деятельности нефтедобывающих предприятий.

Себестоимость продукции в любой отрасли, в том числе и нефтедобывающей включает в себя комплекс статей и элементы затрат. Рассмотрим более подробно. Основными расходами в себестоимости по добыче нефти являются энергорасходы по добыче нефти. Данная статья расходов включает: расходы, связанные непосредственно с затрачиваемой электроэнергией для оборудования необходимого для добычи нефти и газа. Расходы по данной статье рассчитываются как умножение норм расходов энергии кВт×ч/т нефти на объем добычи нефти. Стоимость 1 кВт×ч/т электроэнергии включает в себя: стоимость потребленного киловатт-час используемой энергии; при определенной нормативами мощности; а также ремонт, содержание и эксплуатация электрических сетей и электрических подстанций [1, с. 55].

Расходы по искусственному воздействию на пласт. Расходы по данной статье делятся на расходы законтурную и внутриконтурную закачку в пласт воды (газа) и различных реагентов для повышения нефтеотдачи пластов и включают энергозатраты, затраты на воду, амортизации скважин (нагнетательных) оплата труда рабочих и т.д.

Основная и дополнительная заработная плата производственного персонала нефтедобывающего предприятия. Сюда относятся расходы по заработной плате основных рабочих занятых на производстве и ИТР.

Статья «Отчисления на соц. нужды», соответственно данная статья рассматривает отчисления согласно законодательству.

Статья «Амортизация скважин» включает амортизационные отчисления на полное восстановление, производимые по действующим нормам от стоимости нефтяных, газовых, оценочных, наблюдательных и контрольных скважин.

Начисление амортизации производится по установленным нормам по нефтяным скважинам – 15 лет, независимо от фактического срока их службы. По ликвидационным скважинам амортизационные отчисления производятся до полного погашения их первоначальной (балансовой) стоимости, т.е. до истечения установленного 15-летнего срока.

В статью «Расходы по сбору и транспортировке нефти и газа» включаются затраты по содержанию и эксплуатации сети нефтепроводов, от устья скважин до емкостей товарного парка, конденсатопроводов, насосных станций, сети газопроводов, сепараторных установок, групповых газовых установок, дожимных компрессорных станций и др.

Статья «Расходы на технологическую подготовку нефти» содержит стоимость реагентов, используемых в технологическом процессе подготовки нефти; затраты по содержанию и эксплуатации технологических установок и др. технологического оборудования, используемого при подготовке и стабилизации нефти; стоимость технологических потерь нефти при ее подготовке; амортизационные отчисления от стоимости поглощающих скважин, расходы по содержанию и эксплуатации этих скважин, а также затраты, связанные со сбором, подготовкой и транспортировкой сточных вод до кустовых насосных станций цеха поддержания пластового давления.

В статью «Расходы на подготовку и освоение производства» включаются затраты по доразведке месторождений, введенных в разработку; затраты на подготовительные работы, связанные с организацией новых структурных подразделений на вновь вводимых в разработку площадях.

Все затраты формируются и учитываются отдельными пунктами, являются расходами на будущие периоды, и срок погашения этих затрат необходимо устанавливать в пределах года с момента начала нефтедобычи [1, с. 15].

Нефтяная отрасль в России имеет определенные трудности, которые связаны с экономическими, политическими и природными факторами. К таким факторам относятся мировой экономический кризис последних лет, введение санкций в отношении России Европейскими странами и ответное эмбарго, колебание цен на мировом рынке нефти, инфляция в стране, недостаток оборотных средств и другие проблемы отрицательно сказываются на деятельности нефтедобывающих предприятий в нашей стране.

В таких непростых условиях особую роль имеет грамотный финансовый менеджмент в нефтедобывающей отрасли, правильное формирование затрат и себестоимости на нефтепродукты, а также грамотное ведение учета средств предприятий по добыче нефти, также необходим оптимальный баланс спроса и предложения на нефть, который в итоге приведет к стабилизации обстановки в данной отрасли.

Список литературы

1. Абрютин Н.С. Грачёв А.В. Анализ финансово-экономической деятельности нефтедобывающего предприятия – М.: Дело и сервис, 2012. – 318 с.
2. Злотникова Л.Г., Колядов Л.В., Тарасенко П.Ф. Финансовый менеджмент в нефтегазовых отраслях: Учебник. – М.: Перспектива, 2015. – 418 с.
3. Крейнина М.Н. Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности акционерных обществ в промышленности, строительстве и торговле. – М.: Финансы, 2013. – 382 с.
4. Колядов Л., Комарова Л., Епифанова Н. Структура управления нефтяными компаниями. – М.: Приор, 2014. – 179 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Игнатьева О.А.

кандидат экономических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

Батталова А.Р.

старший преподаватель, кандидат экономических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

Васильев В.В.

старший преподаватель, Казанский институт финансов, экономики и информатики,
Россия, г. Казань

На каждом этапе своего развития общество сталкивается с проблемой несоответствия в распределении ограниченного количества ресурсов и существующей системы их

производства. И поскольку темпы развития технологии, экономические отношения, возникающие в обществе, ускоряются, мы сталкиваемся с этой проблемой все чаще.

Ключевые слова: благосостояние, уровень жизни, доходы населения, качество жизни, бедность, нищета.

Человек – это потребляющее существо, и поэтому в течение многих лет его целью и сущностью является и остается увеличение масштабов потребления, условием для которого является экономический рост. Происходит только изменение структуры потребления. Сам процесс накопления потребительских товаров определял суть богатства, уровень благосостояния человека и общества.

В конце двадцатого века, как никогда ранее, остро возникла проблема ограниченности природных ресурсов. Развитие индивида как личности определило в структуре его потребностей наличие таких, как, например, экологическая безопасность. Возникает переосмысление основ экономического роста и, как следствие, целей развития общества.

В современных условиях особую роль играет то, что главной характеристикой развития общества является его социальная ориентация, улучшение качества жизни и, в связи с этим, повышается значение разработки экономической теории благосостояния индивида и общества.

Классическая теория благосостояния возникла на основе учений неоклассической школы. Основу теории благосостояния составили работы и труды таких заслуженных экономистов как А.Смит, Д.Рикардо, А.Маршалл, Л.Вальрас, В.Парето, Дж.Хикс и многие другие, чьи работы были посвящены законам ценности благ, накопления богатства, его распределения и использования, а также условий создания и поддержания рыночного равновесия, как необходимого условия благосостояния индивидов и общества в целом.

Помимо классиков, также Ф.Лист, Дж.М.Кларк, А.Вагнер изучали в своих научных работах роли государства в обеспечении благосостояния общества, а параллельно, изучению взаимоотношений государства и общества [5, с. 27].

Вместе с тем, немаловажное значение для становления экономической теории благосостояния имеют труды таких известных классиков-экономистов как А.Пигу, Р.Липси и К.Ланкастер, которые обозначили в теории благосостояния проблему «second-best», проблему вторичного влияния мероприятий, реализуемых государством.

Не менее значительный вклад в обоснование необходимости общественного сектора и активной роли государства имеет концепция общественных благ, разработанная в середине прошлого века американским профессором Полом Самуэльсоном.

Если говорить об отечественной науке, то здесь нашли свое развитие термины, имеющие отношение к категории благосостояния: условия жизни населения; качество жизни; уровень жизни и системы его показателей, взаимосвязь между производством, потреблением, накоплением и потребностями; выявление закономерностей формирования и развития этих потребностей; планирование уровня жизни; прогнозирование показателей благосостояния, методы анализа показателей; теоретические и статистические закономерности в динамике уровня и структуры доходов; территориальная и социальная дифференциация и т.д. Эти категории довольно полно освещены в работах Т.И.Заславской, А.А.Попова, Н.М.Римашевской, М.Ф.Майера, В.М.Рутгайзера, А.И.Левина и др. [1, с. 44].

Благополучие человека зависит от того, насколько комфортно он себя чувствует в сложившихся обстоятельствах. И это, в свою очередь, подразумевает определенный уровень удовлетворения его потребностей, в том числе потребности самосознания и самореализации. Степень удовлетворения высших потребностей напрямую зависит от возможности удовлетворения более простых физиологических и материальных потребностей, что невозможно без нормального функционирования всех элементов экономической системы.

Именно создание новой экономической системы, основанной на принципе рациональности, привело к началу реформ в России. Однако любой экономический процесс в какой-то степени имеет социальную окраску, особенно процесс реформирования экономики, что неизбежно ведет к негативным социальным последствиям.

Практика последних лет, опыт Советской России, показывает, что страна не обладает и не может иметь иммунитета ни против «утопии социализма», ни против «утопии коммунизма». Отказ от коммунистических идеалов вновь потребовал огромных потерь от населения, причины которого не были объяснены. В конце концов, в принципе, ни один из последних экспериментаторов не думал о создании механизмов компенсации, каких-либо социальных амортизаторов. Высокие цели скрывали проблемы облегчения тягот граждан. Идеалы бюджета без дефицита заменили идеалы коммунизма.

Как видно из исследований экономиста-современника Илларионова А., сегодня Россия, к сожалению, находится только на 45 месте по объему ВВП на душу населения среди 60 исследуемых стран, и это на 33,4% ниже среднемирового уровня, и составляет всего 14,4% от аналогичного уровня США. Если брать в расчёт среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения, то здесь также показатели неутешительные и Россия находится всего лишь на 42 месте [3].

Попытки изменить и сгладить последствия реформ, которые отрицательно сказываются на благосостоянии как общества в целом, так и каждого отдельного индивида, нецелесообразно: они обычно малоэффективны и вообще не результативны. К таким отрицательным последствиям относятся и экологические загрязнения окружающей среды из-за краха индустриальной сферы экономики; нанесенный моральный ущерб (социально-психологические деформации в обществе); интеллектуальный потенциал отдельных социальных групп в различных социально-экономических ситуациях и т.д. Наиболее показательными в этом случае и, вероятно, наиболее значимыми с гуманистической точки зрения являются параметры демографических процессов в обществе.

Для сравнения: продолжительность жизни населения в 1991 году составляла 69,02 года, а уже в 1995 году – 64,61 года. Для мужчин соответствующие цифры составляли 63,45 и 58,22 года. И на сегодняшний день средний показатель прожитых лет россиянина составляет всего 66, 05 лет, из которых 59, 1 г. – возраст мужчин и 73 г. – женщин. Значительную долю такого впечатляющего снижения ожидаемой продолжительности жизни составляют мужчины в возрасте 30-60 лет.

Крах в 90-е годы реального сектора экономики России, а также растущая безработица и социальная напряженность в обществе говорят о том, что мало надежды остается на улучшение положения граждан и их семей.

Таким образом, остро встает вопрос о сокращении числа населения, находящихся за чертой бедности, что требует детального анализа механизмов формирования благосостояния и их специфики в трансформированном обществе.

Создание личности, которая будет социально ориентированной в обществе, является основным условием для государства современного типа, так как не может быть современного развитого общества без создания нормальных условий жизни, в том числе в естественных, экономических, социальных, духовных и экологических сферах. В то же время социально-экономическое развитие дает возможность поддерживать и все остальные параметры в их оптимальном состоянии. Создание реальных возможностей для улучшения этих условий в новой экономике, выявление степени зависимости уровня благосостояния населения от каждого из них, а также характер этой взаимозависимости является важной и актуальной задачей на современном этапе развития современного государства благосостояния.

Одной из основных проблем здесь является обоснованность и логичность разработанных решений и предпринятых мер. Государственные мероприятия, регулирующие благосостояние членов общества, должны быть научно разработаны, исходя из тех реальных условий, которые сложились в экономике в данный момент. Стагнизация этого процесса может серьезно повредить стабильности общества, его развитию и привести к необратимым негативным последствиям.

Благосостояние населения является не только характерным для развития общества, но и объективно-необходимым условием его развития.

Таким образом, мы считаем, что изучение причин формирования богатства, как основы богатства и силы нации, имеет центральное значение для вопросов, охватываемых экономической теорией благосостояния.

Список литературы

1. Зубаков В. М., Камалтдинова Р. М. Экономическая политика общего благосостояния в системе рыночных отношений / В. М. Зубаков, Р. М. Камалтдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. С. 44-47.
2. Игнатьева О.А., Абдуллин И.И., Игнатьева В.А. Перспектива развития системы социальной защиты населения в России// International Symposium on Management, Economics and Finance (ISMEF-2016), КФУ, ИУЭФ, 2016 г.
3. Илларионова А. Уровень жизни населения России. Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/person/1796.htm>
4. Официальный сайт Росстатистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/. – Дата обращения: 20.05.2017 г.
5. Theoretical aspects of Public Goods guardianship. Gotsulyak I.F.a, Ignatjeva O.A.b. a b Kazan Federal University, Russia. Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol. 5, No. 24, November 2014. С. 27.

ВЛИЯНИЕ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ НА ОБЛАСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП

Пиль Э.А.

академик РАН, доктор технических наук, профессор, Россия, г. Санкт-Петербург

В описанной ниже статье рассмотрен вопрос влияния пяти переменных на ВВП (GDP) и представление их в двумерном пространстве. Они позволяют показать влияние различных переменных на ВВП (GDP). При этом переменные являются постоянными, уменьшаются и увеличиваются. То есть, в предлагаемой статье рассмотрена зависимость изменения ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$.

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, три переменных, 2D графики зависимости ВВП (GDP).

Из первого рис. 1 видно, что область существования ΔV уменьшается при $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 0,1 \dots 1$. Эти уменьшения в основном интенсивно происходят между точками 1 и 4.

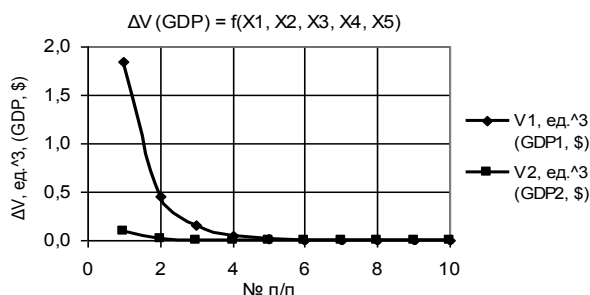

Рис. 1. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 0,1 \dots 1$

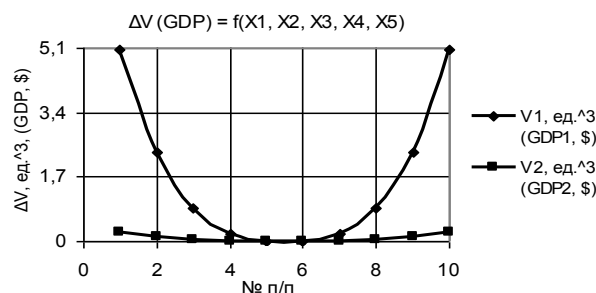

Рис. 2. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = X_5 = 1$

Следующий рис. 2 дает наглядное представление, что построенные ВВП (GDP) кривые получились симметричными при $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = X_5 = 1$ в точках 5 и 6.

На следующих двух рисунках 3 и 4 показаны зависимости ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$, когда переменные были $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 0,1 \dots 1$ и $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 0,1 \dots 1$ соответственно. Здесь на рис. 3 область ΔV значительно уменьшается в 16,81 раз между точками 1 и 2. На рис. 4 представленные зависимости имеют сложную конфигурацию, т.к. сначала увеличиваются до максимума в точке 4, потом падают до нуля в точке 5. Далее опять увеличиваются с нуля в точке 8 до второго максимума в точке 9.

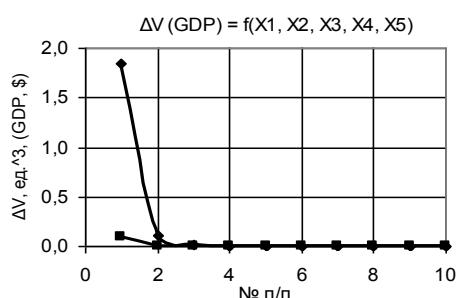

Рис. 3. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 0,1 \dots 1$

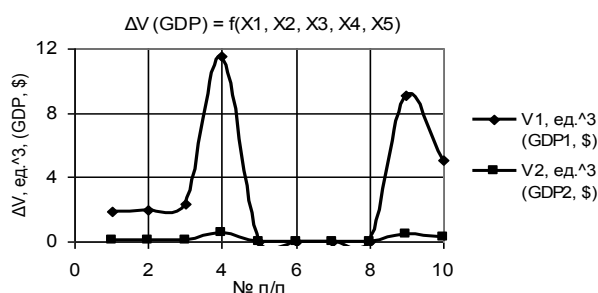

Рис. 4. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 0,1 \dots 1$

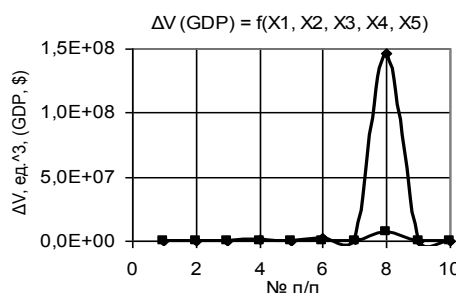

Рис. 5. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 0,1 \dots 1$

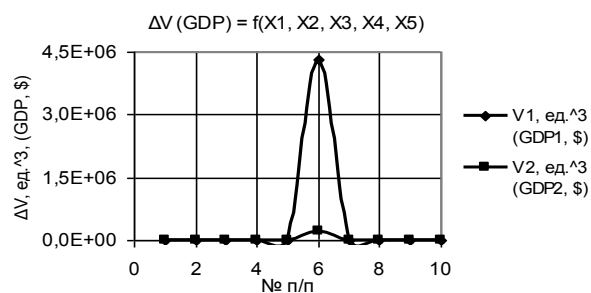

Рис. 6. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 1 \dots 0,1$

Следующие два рисунка 5 и 6 были построены при $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 0,1 \dots 1$ и $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 1 \dots 0,1$. Здесь кривые на обоих рисунках достигают максимумов в точках 8 и 6 соответственно, после чего падают до нуля в точках 10. В этих примерах значения ΔV достигают самой большой величины, в особенности на рис. 5.

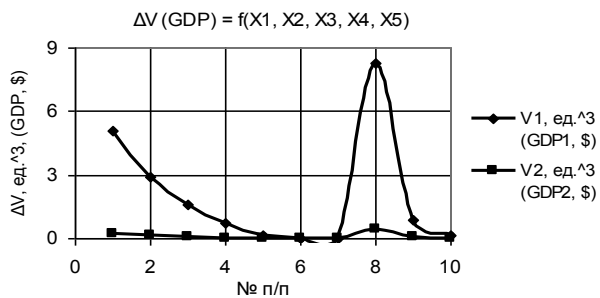

Рис. 7. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$

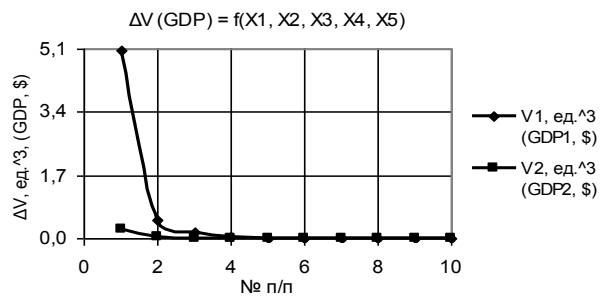

Рис. 8. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$

Для построения двух 2D графиков на рис. 7 и 8 были использованы следующие значения переменных $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$ и $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$. На рис. 7 представленные кривые сначала падают до нуля в точке 6, после чего растут до максимума в точке 8 и далее падают опять, стремясь к нулю в точке 10. На рис. 8 представленные кривые значительно уменьшаются между точками 1 и 2, а в точке 6 они достигают нуля.

Построенная зависимость ВВП (GDP) на рис. 9 при $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 0,1, X_3 = 1 \dots 10$ имеет два максимума в точке 3 и точке 8 после чего резко уменьшаются в точке 9.

Из следующего рис. 10 видно, что кривые ВВП (GDP) при переменных $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 10, X_3 = 1 \dots 0,1$ постепенно уменьшаются и в точке 6 достигают нуля.

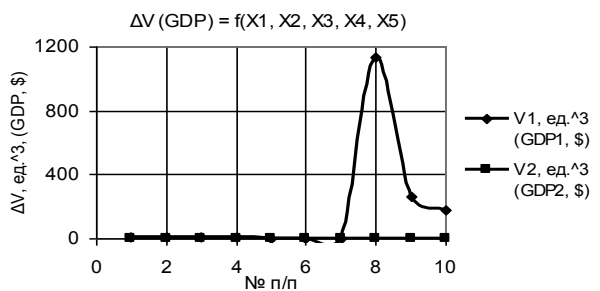

Рис. 9. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 0,1, X_3 = 1 \dots 10$

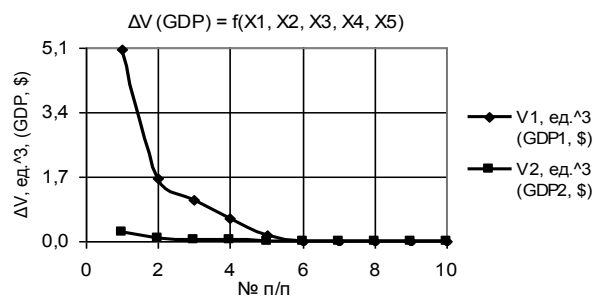

Рис. 10. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 10, X_3 = 1 \dots 0,1$

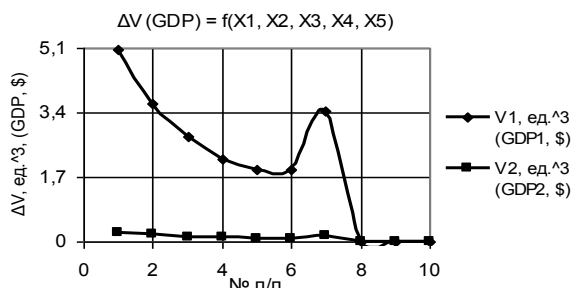

Рис. 11. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 0,1$

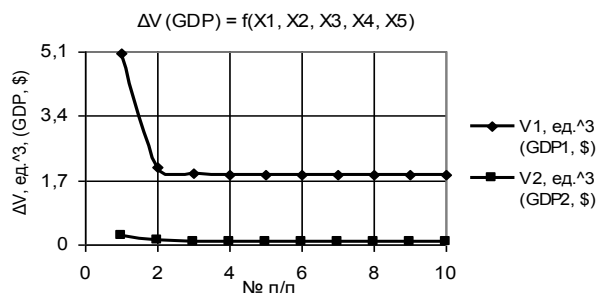

Рис. 12. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 10$

На следующих двух рисунках 11 и 12 были построены 2D области ВВП (GDP) при $X_1 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 0,1$ и $X_1 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_4 = 1 \dots 10$ соответственно. Здесь построенные кривые ВВП (GDP) на рис. 11 имеют минимум в точке 5, после чего достигают максимума в точке 7 и далее падают до нуля в точке 8. На рис. 12 построенные кривые резко падают между точками 1 и 2, а далее изменяются очень незначительно.

На следующем рис. 13 представленные кривые ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$ при переменных $X_1 = X_2 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_3 = 1 \dots 0,1$, постепенно уменьшаются до нуля в точке 6.

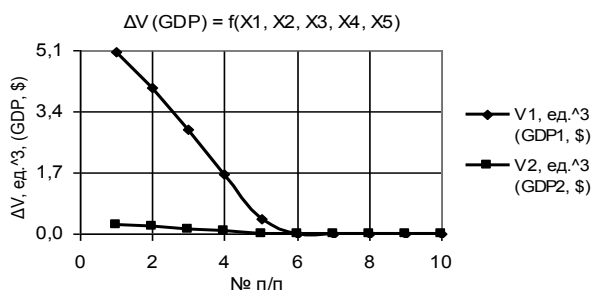

Рис. 13. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_3 = 1 \dots 0,1$

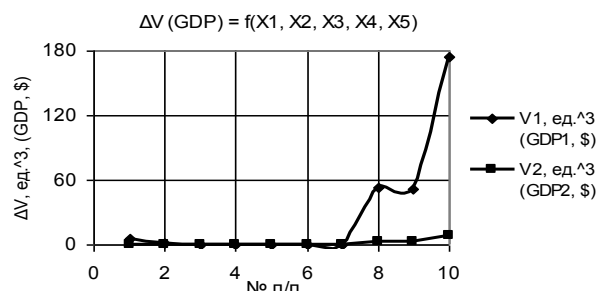

Рис. 14. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$

Из рис. 14 видно, что здесь значения ВВП при $X_1 = X_2 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$ сначала падают до нуля в точке 6, далее растут до точки 7, потом снова падают в точке 9 и далее опять происходит рост.

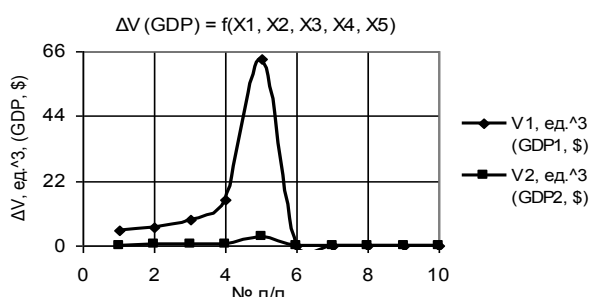

Рис. 15. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$

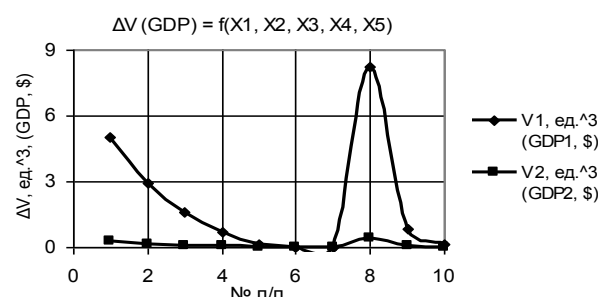

Рис. 16. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_4 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1$

Из представленной зависимости ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$ на рис. 15 видно, что построенные две кривые отличаются от всех предыдущих тем, что кривая V1 растет до максимум в точке 5, после чего падают до нуля в точке 6. Эти кривые были построены при следующих переменных $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$.

На рис. 16 построенные кривые ВВП (GDP) аналогичны кривым, представленным на рис. 7. Эти кривые были построены при $X_1 = X_4 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = X_3 = X_5 = 1 \dots -1$.

Из рисунка 17 видно, что представленные кривые ВВП (GDP) вначале падают до нуля в точке 5, после чего незначительно растут в точке 8 и далее имеют минимум в точке 9.

На рис. 18 представлены кривые ВВП (GDP) при следующих значениях переменных $X_1 = X_2 = X_5 = 1 \dots -1$, $X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = 1 \dots 0,1$. Как видно из рисунка у построенных кривых имеется максимум в точке 5, после чего их значения падают до нуля в точке 6.

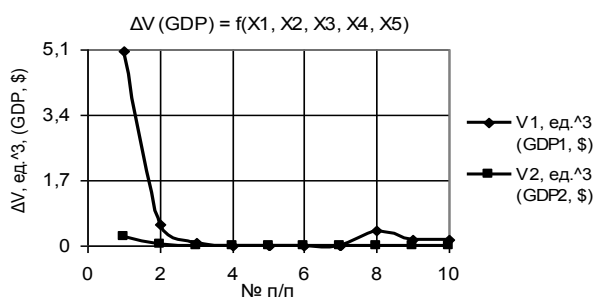

Рис. 17. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_5 = 1 \dots -1, X_3 = 1 \dots 10, X_4 = 1 \dots 0, 1$

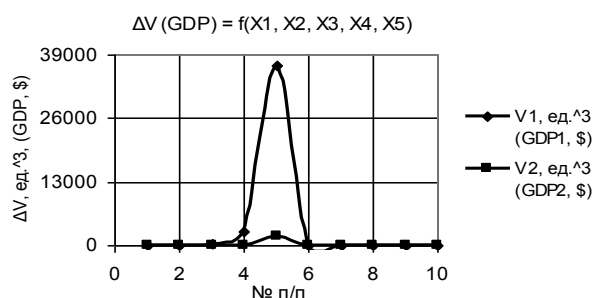

Рис. 18. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = 1 \dots 10, X_3 = 1 \dots 0, 1$

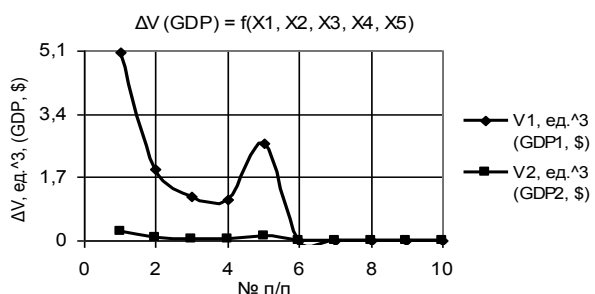

Рис. 19. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = 1 \dots 0, 1, X_3 = 1 \dots 10$

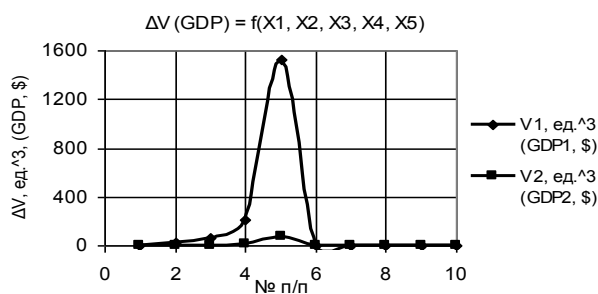

Рис. 20. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = 1 \dots 10$

Из рисунка 19 видно, что кривые ВВП (GDP) при переменных $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = 1 \dots 0, 1, X_3 = 1 \dots 10$ вначале падают до минимума в точке 4, после чего достигают максимума в точке 5 и далее падают до нуля в точке 6.

На последнем рис. 20 при применении переменных $X_1 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1, X_2 = X_3 = 1 \dots 10$ аналогичны кривым, изображенным на рис. 18, т.е. имеют максимум в точке 5 и далее падают до нуля в точке 6.

ОБЛАСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП ПРИ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ

Пиль Э.А.

академик РАН, доктор технических наук, профессор, Россия, г. Санкт-Петербург

В представленной ниже статье рассмотрен вопрос влияния пяти переменных на область существования ΔV , которая характеризует ВВП (GDP) и рассчитывается как разница между двумя значениями V_1 и V_2 . При этом переменные, по которым она рассчитывается, могут быть постоянными, уменьшаться и увеличиваться. То есть, в предлагаемой статье рассмотрена зависимость изменения $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$.

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, переменные, 2D графики зависимости ВВП (GDP).

На первом рис. 1 показаны зависимости V_1 и V_2 при $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1, X_5 = 1 \dots -1$. Из данного рисунка видно, что их значения имеют минимумы в точках 5 и 6.

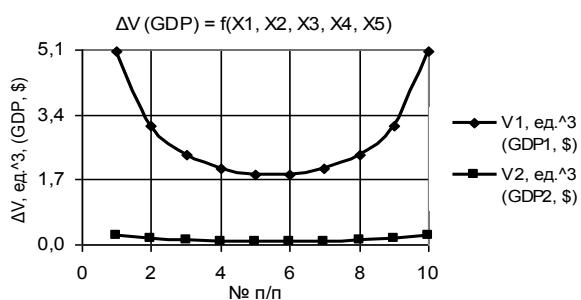

Рис. 1. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = X3 = X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$

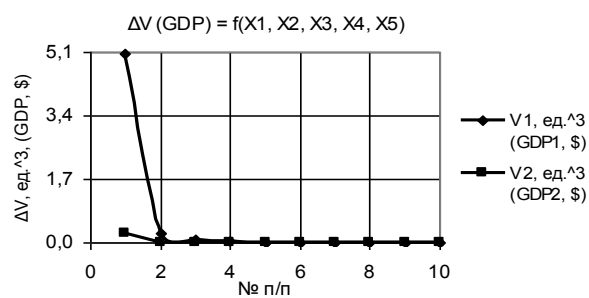

Рис. 2. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = X3 = 1, X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$

Следующий рис. 2 дает наглядное представление, что кривая $\Delta V (GDP)$ при $X1 = X2 = X3 = 1, X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$ интенсивно уменьшаются между точками 1 и 2.

На следующих двух рисунках 3 и 4 показаны зависимости $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$, когда переменные были $X1 = X2 = 1, X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$ и $X1 = 1, X2 = X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$ соответственно. Здесь в данных примерах значения $\Delta V (GDP)$ также уменьшаются в обоих случаях практически аналогично рис. 2.

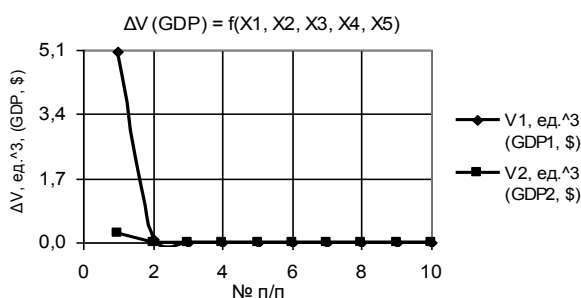

Рис. 3. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = 1, X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$

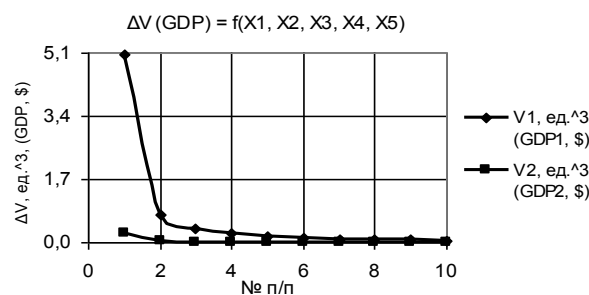

Рис. 4. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = 1, X2 = X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$

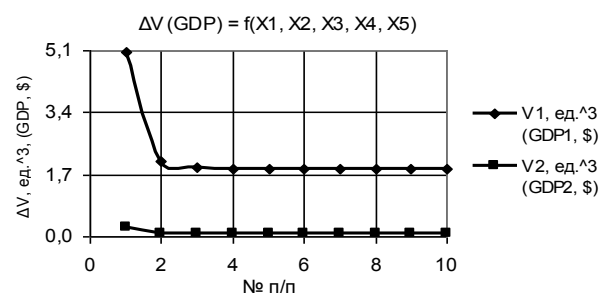

Рис. 5. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$

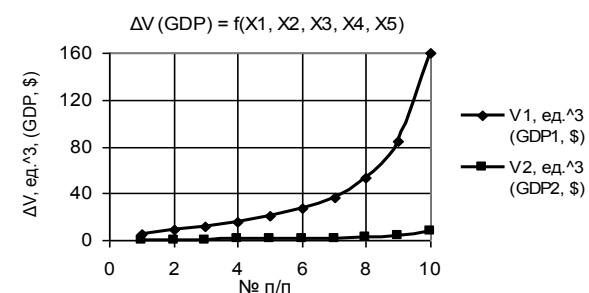

Рис. 6. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = 1 \dots 10, X2 = X3 = X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$

Следующие два рисунка 5 и 6 были построены при $X1 = X2 = X3 = X4 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$ и $X1 = 1 \dots 10, X2 = X3 = X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$. Здесь обе кривые на рис. 5 имеют минимумы в точке 6, после чего происходит небольшое увеличение. На рис. 6 построенные кривые увеличиваются.

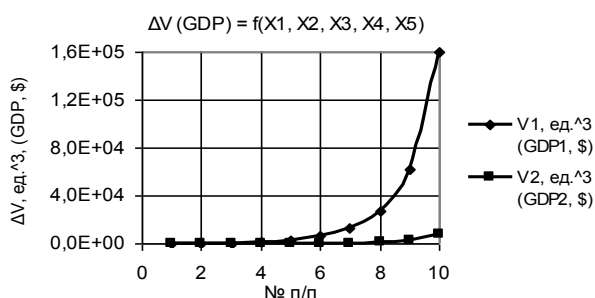

Рис. 7. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = 1 \dots 10, X3 = X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$

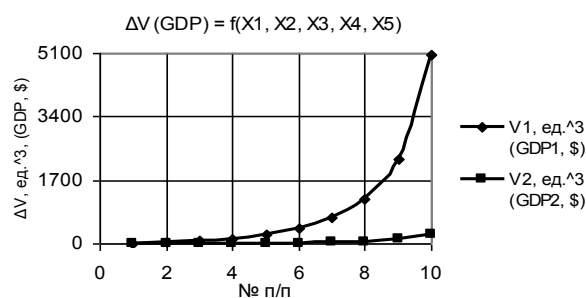

Рис. 8. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = X3 = 1 \dots 10, X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$

Для построения двух 2D графиков на рис. 7 и 8 были использованы следующие значения переменных $X1 = X2 = 1 \dots 10, X3 = X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$ и $X1 = X2 = X3 = 1 \dots 10, X4 = 1, X5 = 1 \dots -1$. На рис. 7 представленная кривая V1 растет очень значительно до $1,60E+05$. На рис. 8 представленная кривая V1 растет не так интенсивно.

Построенные две зависимости $\Delta V (GDP)$ на рис. 9 при $X1 = X4 = 1, X2 = X3 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$ растут незначительно.

Из следующего рис. 10 видно, что две кривые уменьшаются при переменных $X1 = X4 = 1 \dots 10, X2 = X3 = 1, X5 = 1 \dots -1$ по аналогии с вышеописанным рисунком.

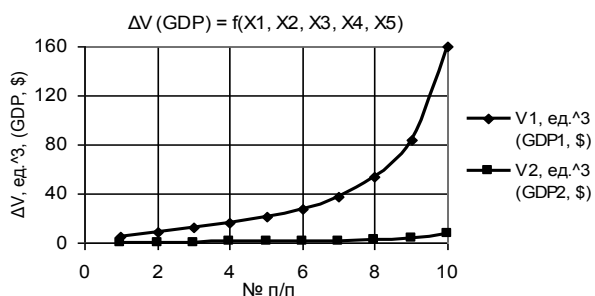

Рис. 9. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X4 = 1, X2 = X3 = 1 \dots 10, X5 = 1 \dots -1$

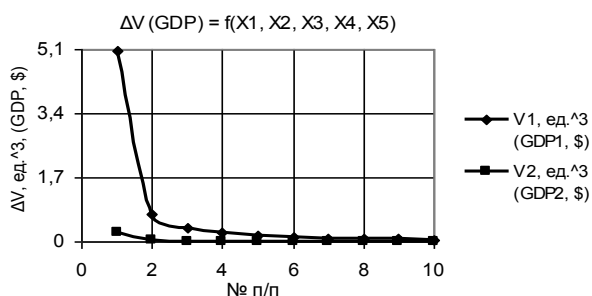

Рис. 10. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X4 = 1 \dots 10, X2 = X3 = 1, X5 = 1 \dots -1$

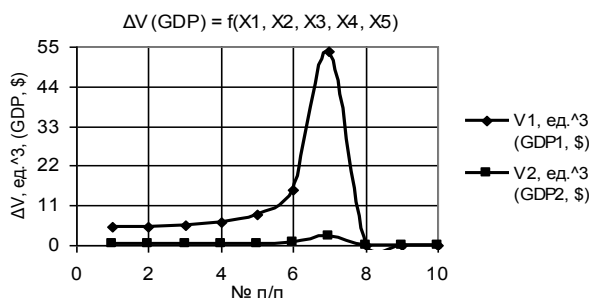

Рис. 11. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = X3 = 1, X4 = 1 \dots 0,1, X5 = 1 \dots -1$

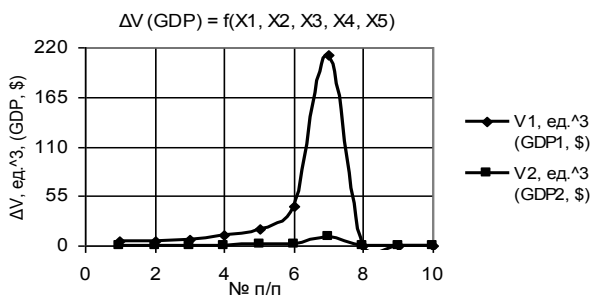

Рис. 12. $\Delta V (GDP) = f(X1, X2, X3, X4, X5)$
 $X1 = X2 = 1, X3 = X4 = 1 \dots 0,1, X5 = 1 \dots -1$

На следующих двух рисунках 11 и 12 были построены 2D области при $X1 = X2 = X3 = 1, X4 = 1 \dots 0,1, X5 = 1 \dots -1$ и $X1 = X2 = 1, X3 = X4 = 1 \dots 0,1, X5 = 1 \dots -1$ соответственно. Здесь на представленных рисунках построенные кривые имеют максимумы в точках 7, после чего их значения падают до нуля.

На следующем рис. 13 представленные кривые при переменных $X1 = 1, X2 = X3 = X4 = 1 \dots 0,1, X5 = 1 \dots -1$ имеют минимумы в точке 4, после чего достигают своего максимума в точке 7 и далее падают до нуля в точке 8.

Из рис. 14 видно, что здесь значения кривых при $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$, $X_5 = 1 \dots -1$ сначала падают до минимума в точке 6, после чего достигают максимума в точке 7 и далее падают до нуля в точке 8.

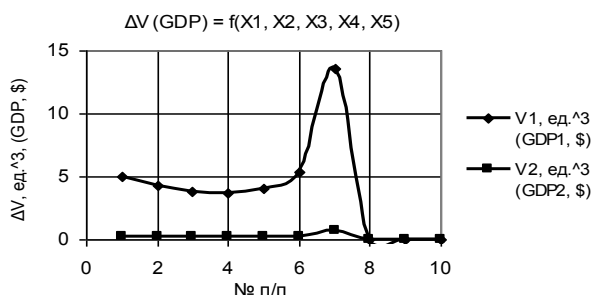

Рис. 13. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1, X_5 = 1 \dots -1$

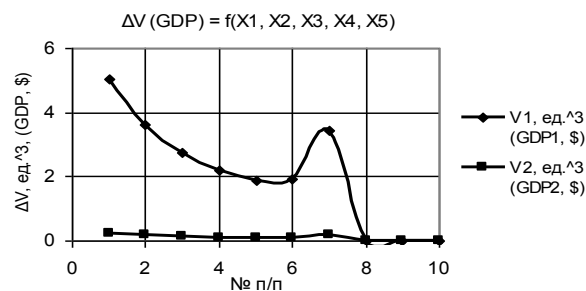

Рис. 14. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1, X_5 = 1 \dots -1$

Из представленной зависимости $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$ на рис. 15 видно, что обе кривые имеют максимумы в точке 2, после чего постепенно уменьшаются. Эти кривые были построены при $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = 1 \dots 0,1$, $X_3 = X_4 = 1$, $X_5 = 1 \dots -1$.

На рис. 16 представлены кривые при $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = 1$, $X_5 = 1 \dots -1$. Изображенные зависимости симметричны и имеют максимумы в точках 5 и 6.

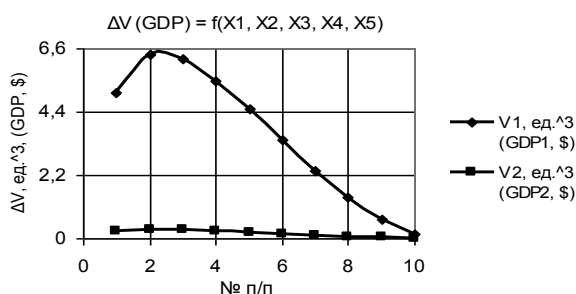

Рис. 15. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10, X_2 = 1 \dots 0,1, X_3 = X_4 = 1, X_5 = 1 \dots -1$

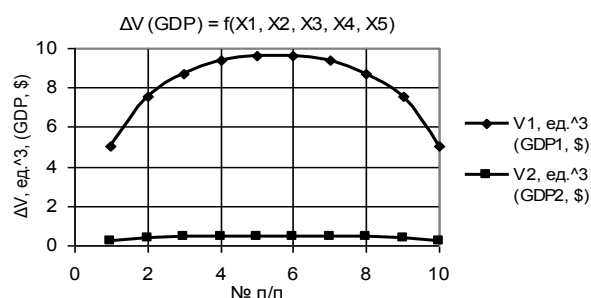

Рис. 16. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10, X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1, X_4 = 1, X_5 = 1 \dots -1$

Из рисунка 17 видно, что представленные кривые увеличиваются до максимума в точке 7, после чего резко уменьшаются до нуля в точке 8 при следующих значениях переменных $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1$, $X_5 = 1 \dots -1$.

На рис. 18 представленные кривые ВВП (GDP) при следующих значениях переменных $X_1 = X_2 = X_3 = 1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ достигают максимума в точках 5 и 6, после чего из значения падают до нуля в точке 7.

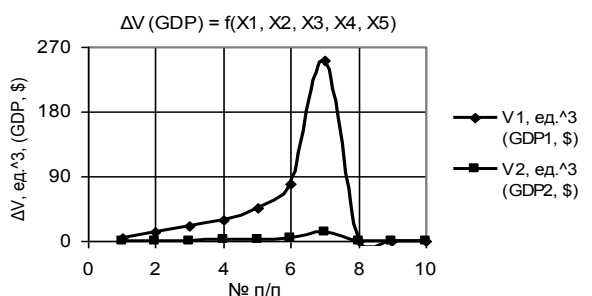

Рис. 17. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10, X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 0,1, X_5 = 1 \dots -1$

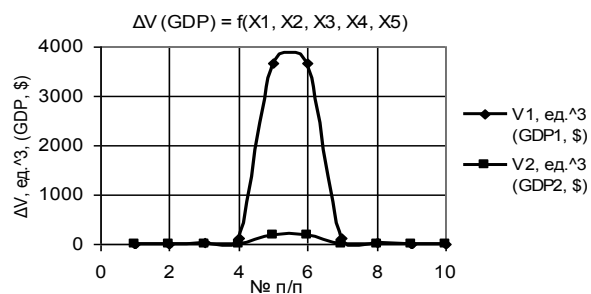

Рис. 18. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1, X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

Из рисунка 19 видно, что кривые ВВП (GDP) при переменных $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ также вырастают до максимумов в точке 5 и далее падают до нуля в точке 7.

На последнем рис. 20 при применении переменных $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ построенные кривая ВВП (GDP) растут до максимальных значений в точке 6 и падают до нуля в точке 7.

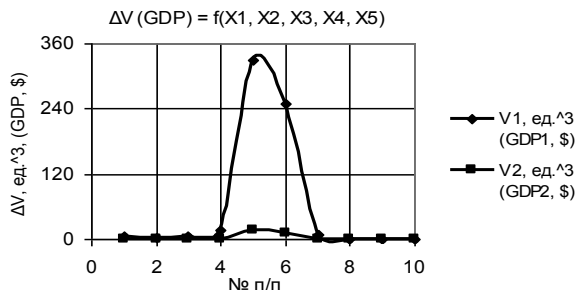

Рис. 19. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

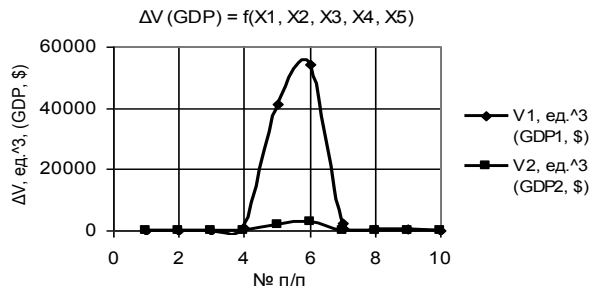

Рис. 20. $\Delta V (GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

ПОСТРОЕНИЕ ОБЛАСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВВП ПРИ ПЯТИ ПЕРЕМЕННЫХ

Пиль Э.А.

академик РАЕ, доктор технических наук, профессор, Россия, г. Санкт-Петербург

В представленной ниже статье рассмотрен вопрос влияния пяти переменных на ВВП (GDP) и представление их в двумерном пространстве. Они позволяют показать влияние различных переменных на ВВП (GDP). При этом переменные являются постоянными, уменьшаются и увеличиваются. То есть, в предлагаемой статье рассмотрена зависимость изменения ВВП ($GDP) = f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$).

Ключевые слова: валовой внутренний продукт, три переменных, 2D графики зависимости ВВП (GDP).

Из первого рис. 1 видно, что область существования ΔV имеет максимум $7,56E+05$ в точке 6 при $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$. Из данного рисунка видно, что значения ВВП (GDP) постепенно растут с 4.8 до $7,56E+05$ в точке 6, т.е. увеличились в $1,57E+05$ раз, а после резко падают до 4796,94.

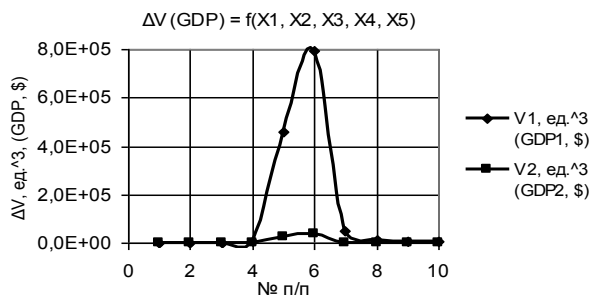

Рис. 1. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

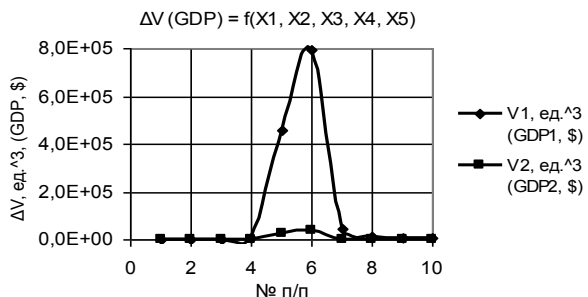

Рис. 2. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_3 = 1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

Следующий рис. 2 дает наглядное представление, что построенные кривые ВВП (GDP) при $X_1 = X_3 = 1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ полностью идентичны кривым изображенным на рис. 1.

На следующих двух рисунках 3 и 4 показаны зависимости ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$, когда переменные были $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ и $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ соответственно. Здесь на рис. 3 область ΔV имеет максимум 9890,92 в точке 6 и небольшой минимум 113,98 в точке 9. Кривые, представленные на рис. 4 также имеют максимумы в точке 5.

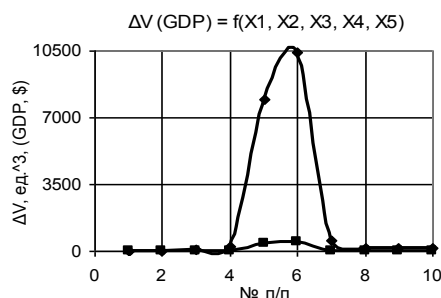

Рис. 3. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

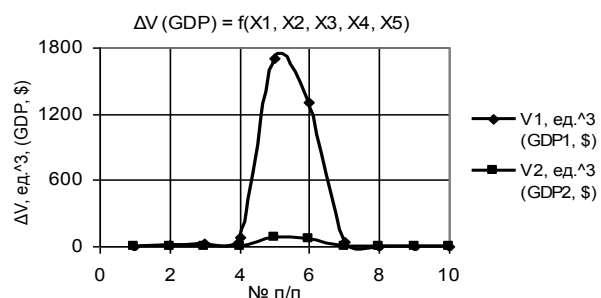

Рис. 4. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

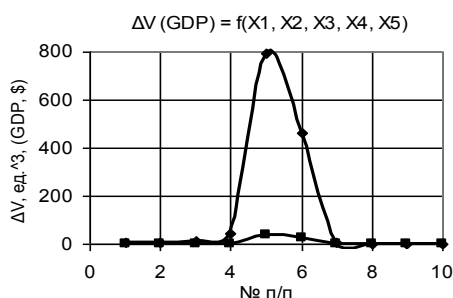

Рис. 5. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

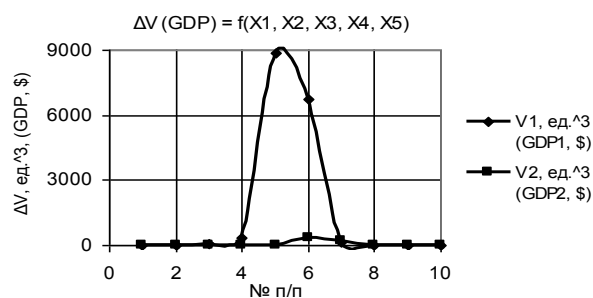

Рис. 6. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = 1 \dots 0,1$, $X_3 = 1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

Следующие два рисунка 5 и 6 были построены при $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ и $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = 1 \dots 0,1$, $X_3 = 1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$. Здесь кривые на обоих рисунках достигают максимумов в точках 5, после чего падают практически до нуля в точках 10.

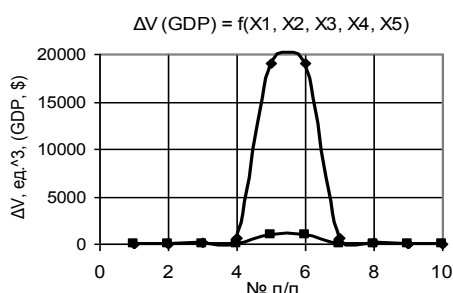

Рис. 7. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

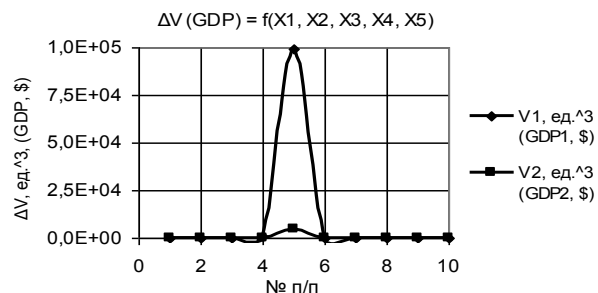

Рис. 8. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

Для построения двух 2D графиков на рис. 7 и 8 были использованы следующие значения переменных $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 0,1$, $X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ и $X_1 = X_2 = 1$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$. На рис. 7 представленные кривые растут до максимума в точках 5 и 6, после чего резко падают. На рис. 8 представленные кривые значительно увеличиваются в особенности V1 в точке 5, после чего также резко падают.

Построенная зависимость ВВП (GDP) на рис. 9 при $X_1 = 1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ имеет значительный максимум для V_1 в точке 5, после чего падает до нуля в точке 6.

Из следующего рис. 10 видно, что кривые ВВП (GDP) при переменных $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ имеют самые большие значения.

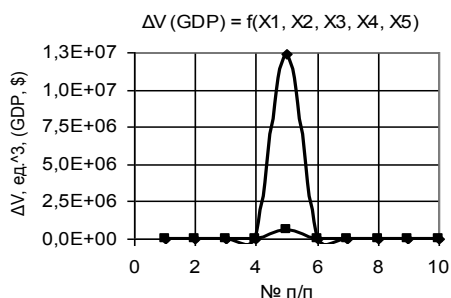

Рис. 9. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

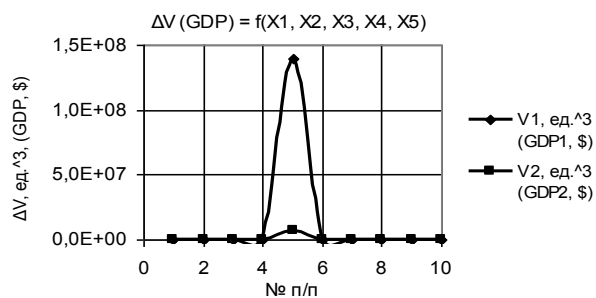

Рис. 10. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

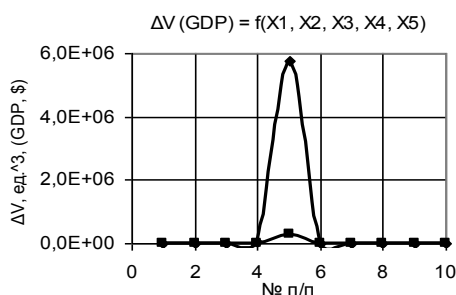

Рис. 11. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

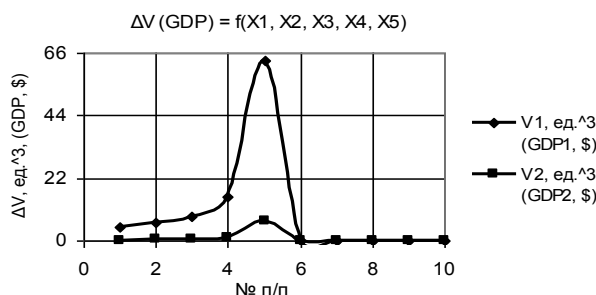

Рис. 12. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

На следующих двух рисунках 11 и 12 были построены 2D области ВВП (GDP) при $X_1 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ и $X_1 = 1$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ соответственно. Здесь построенные кривые ВВП (GDP) также имеют максимумы в точках 5 и падают до нуля в точке 6.

На следующем рис. 13 представленные кривые ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$ при переменных $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$, увеличиваются в 301 раз до максимумов в точках 5 и падают до нуля в точке 6.

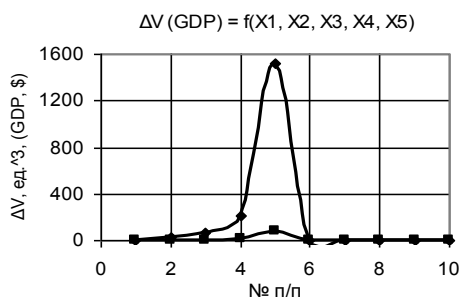

Рис. 13. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 10$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

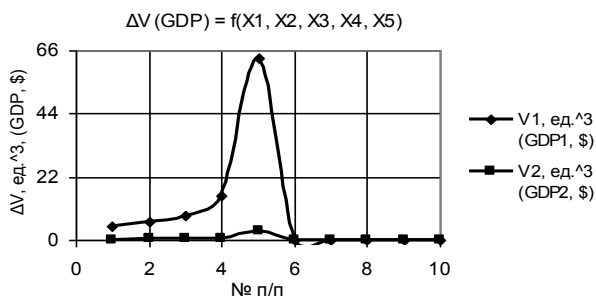

Рис. 14. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$

Из рис. 14 видно, что здесь значения ВВП при $X_1 = 1 \dots 0,1$, $X_2 = X_3 = X_4 = X_5 = 1 \dots -1$ увеличиваются незначительно в 12,5 раз и достигают максимумов в точке 5.

Из представленной зависимости ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$ на рис. 15 видно, что построенные две кривые отличаются от всех предыдущих тем, что кривая V_1 растет до максимум в точке 5, в то время как кривая V_2 уменьшается до

минимума в точке 5. Эти кривые были построены при следующих переменных $X_1 = X_2 = 1 \dots -1$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1$.

На рис. 16 построенные симметричные кривые ВВП (GDP) имеют минимумы в токах 5 и 6 при $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = X_5 = 1$.

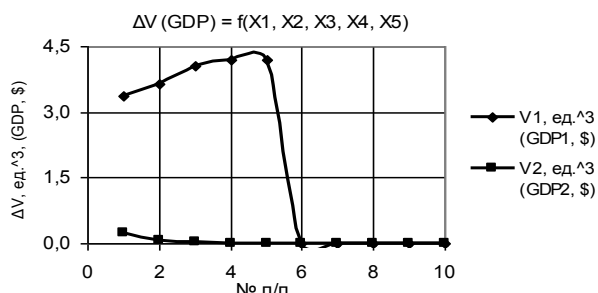

Рис. 15. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = 1 \dots -1$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1$

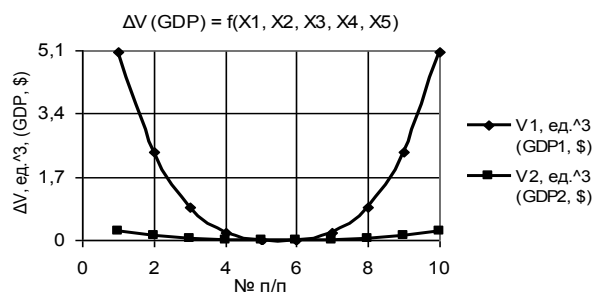

Рис. 16. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = 1 \dots -1$, $X_4 = X_5 = 1$

Из рисунка 17 видно, что представленные симметричные кривые ВВП (GDP) имеет два максимума в точках 2 и 9. Данные кривые были построены при следующих значениях переменных $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 1$.

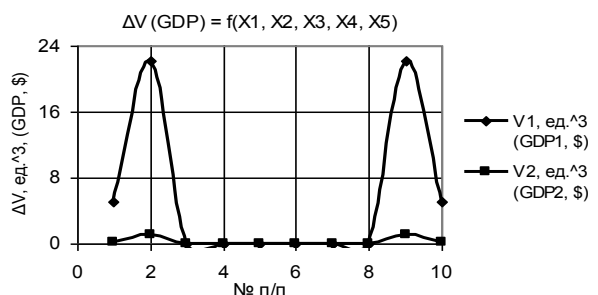

Рис. 17. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots -1$, $X_5 = 1$

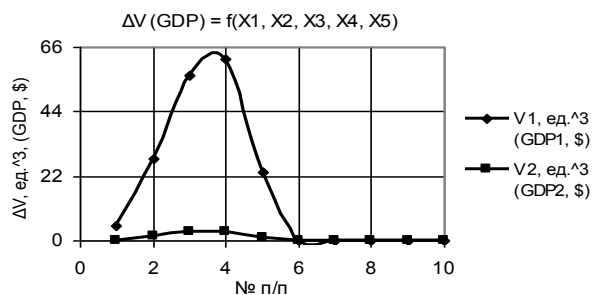

Рис. 18. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1$

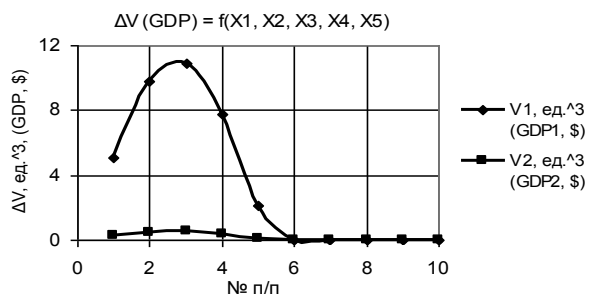

Рис. 19. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1$

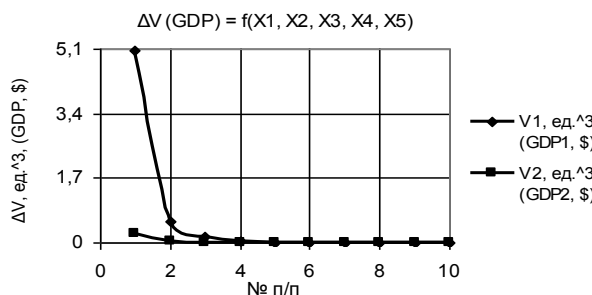

Рис. 20. ВВП (GDP) = $f(X_1, X_2, X_3, X_4, X_5)$
 $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 1$

На рис. 18 представлены кривые ВВП (GDP) при следующих значениях переменных $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = 1 \dots 10$, $X_3 = X_4 = X_5 = 1$. Как видно из рисунка у построенных кривых максимумы смещены влево до точки 4, после чего постепенно уменьшаются до точки 6.

Из рисунка 19 видно, что кривые ВВП (GDP) при переменных $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = 1 \dots 10$, $X_4 = X_5 = 1$ также имеют смещение максимумов влево до точки 4, а далее уменьшаются до нуля в точке 6.

На последнем рис. 20 при применении переменных $X_1 = 1 \dots -1$, $X_2 = X_3 = X_4 = 1 \dots 10$, $X_5 = 1$ построенные кривые ВВП (GDP) резко уменьшаются между точками 1 и 2, после чего асимптотически приближаются к нулю.

ФИНАНСИРОВАНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Саркисова Р.А.

студентка факультета экономики и менеджмента,
Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова, Россия, г. Саратов

Овчинникова Е.А.

студентка факультета экономической безопасности и таможенного дела,
Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова, Россия, г. Саратов

Развитие малого бизнеса является одной из приоритетных целей государства. Малый бизнес обеспечивает занятость населения, а также большая часть ВВП. В развитых странах на малый бизнес приходится 80-90% ВВП, а также более 70% занятости. Ввиду роли малого бизнеса в социально-экономическом развитии страны именно он обеспечивает экономическую безопасность страны. Государство должно оказывать комплексную поддержку субъектов малого предпринимательства для обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: малый бизнес, малое предпринимательство, экономическая безопасность, субсидии, государственные программы, финансирование.

Одним из приоритетных направлений развития экономики России в настоящее время является развитие малого предпринимательства как основного направления повышения уровня жизни населения посредством увеличения рабочих мест, а также сокращения социальной дифференциации населения.

Основу экономической безопасности государства в большой степени формирует именно малый бизнес, то есть предприятия, численность работников которых менее 100 человек, а годовая выручка менее 800 миллионов рублей [6, с. 76].

Хотелось бы отметить, что в условиях перехода к рыночной экономике ключевым моментом в вопросе обеспечения экономической безопасности является безопасность предпринимательства: отсутствие внимания правительства к поддержке малого бизнеса негативно сказываются на процесс восстановления экономики [7, с. 64].

Малые предприятия в настоящее время выступают катализаторами экономического роста и на федеральном, и на региональном уровне. Для обеспечения устойчивого экономического роста необходимо разработать комплексную программу поддержки малого предпринимательства и на федеральном уровне, и на региональном.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что необходимо не только разработать программу развития малого предпринимательства, но и регулярно проводить контрольные мероприятия, которые способны оценить реализацию данной программы [9, с. 370].

Одним из показателей реализации программы является численность малых предприятий. В таблице представлен рейтинг субъектов России по данному показателю по итогам 2016 года.

**Рейтинг субъектов Российской Федерации
по показателям деятельности малых предприятий**

№ п/п	Субъект	Число малых предприятий	Численность работников	Оборот
1	г.Москва	516402	1468363	10054040596
2	г.Санкт-Петербург	234387	694538	3317542755
3	Московская область	121717	545540	1476890054
4	Свердловская область	108107	391617	1200206704
5	Краснодарский край	90252	343104	1104760022
6	Новосибирская область	81415	231689	894656629
7	Республика Татарстан	74559	361695	957874355
8	Челябинская область	71042	252535	835495989
9	Самарская область	70263	255591	777849898
10	Тюменская область	66874	276666	888897266

Составлено автором на основе данных Росстата

Одной из наиболее важных составляющих программы поддержки субъектов малого предпринимательства, безусловно, является финансовая поддержка. В настоящий момент финансовая составляющая программы оснащена большим инструментарием:

- денежные субсидии;
- бюджетные инвестиции;
- государственные и муниципальные гарантии;
- гранты для предпринимателей;
- компенсация кредитов, полученных ранее на развитие малого предприятия;
- обучение и стажировка за счет государственных средств [4, с. 92].

Хотелось бы отметить тот факт, что гранты для предпринимателей за период 2015-2017 гг. увеличился с 300 тысяч рублей до 500 тысяч рублей. Данные гранты предоставляются на конкурсной основе исключительно юридическим лицам, зарегистрированным более двух лет [3, с. 24].

Также малым предприятиям предоставляется государственная поддержка малого бизнеса для приобретения основных средств на сумму до 5 миллионов рублей. Данная мера направлена на увеличение количества рабочих мест, а также, соответственно, повысить уровень налоговых поступлений от малых предприятий.

Государство предоставляет денежные субсидии от Центра занятости, хотелось бы отметить, что данная реформа была проведена в 2017 году, на сумму до 58,8 тысяч рублей для открытия бизнеса [8, с. 56].

Компенсация кредитов на развитие малого предпринимательства предоставляется предпринимателям выплаты на сумму до 15 млн. рублей при условии предоставления бизнес-плана, а также необходимых документов, которые подтверждают, что кредитные средства были потрачены именно на реализацию по целевому назначению.

В настоящее время малое предпринимательство стало неотъемлемым элементом экономической системы страны, без института малого бизнеса современная экономика не может нормально расти и развиваться. Малое предпринимательство играет значительную роль в социально-экономическом развитии государства, а также устойчивости национальной экономики, что и является принципами экономической безопасности государства [1, с. 45].

Таким образом, можно сделать вывод, что для обеспечения экономической безопасности страны, а также ее стабильного роста и развития необходимо разработать комплексную и эффективную программу развития малого предпринимательства, хотелось бы отметить, что в настоящее время в России совершенствуются меры поддержки предпринимательства, в частности, в области финансирования.

Список литературы

1. Алферов, В.Ю. Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности: экономико-правовой аспект / В.Ю. Алферова, К.И. Бабина, Е.Т. Барбакадзе // Саратов, 2016.
2. Калашников, И.Б. Безопасное функционирование экономики: факторы обеспечения/ И.Б. Калашников, Е.А. Оськина // Менеджмент в России и за рубежом. 2016. №3. С. 48-54.
3. Ляшенко, Д.Д. Теоретические аспекты эффективности функционирования предприятия: факторы и пути повышения/ Ляшенко Д.Д., Мартынович В.И.// Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки. – Саратов, 2017. – С. 22-28.
4. Мамаева, Л.Н. Проблемы малого бизнеса в глобальной экономике: экономико-правовой аспект/ Л.Н. Мамаева// Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности: экономико-правовой аспект. Саратов, 2016. С. 90-103.
5. Найденов, В.И. Развитие малого предпринимательства России в современных условиях/ Найденов В.И., Мартынович В.И.// Вестник СГСЭУ. – 2016. – № 3. – С. 51-56.
6. Найденов, В.И. Развитие малого предпринимательства в Саратовской области: тенденции, проблемы, перспективы/ В.И. Найденов// Саратовской области – 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста. – Саратов, 2016. – С. 76-77.
7. Найденов, В.И. Совершенствование мер государственной поддержки развития малого предпринимательства/ В.И. Найденов// Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития. – Саратов, 2014. – С. 64-65.
8. Нацыпаева, Е.А. Управление рисками в малом бизнесе (на примере ООО «ИНСТЕК»)/ Е.А. Нацыпаева// Наука и общество. – 2016. – №2. – С. 54-62.
9. Саркисова, Р.А. Роль малого бизнеса в условиях глобализации мировой экономики / Р.А. Саркисова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – №4. – С. 369-374.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Скубакова Д.Г., Акишина А.Е., Аракелова Е.В.

студентки, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Россия, г. Саратов

В статье социальная политика государства рассматривается как одна из важных составляющих деятельности общества, так как представляет собой комплекс мер, посредством которых осуществляется обеспечение благоприятных условий жизни и труда населения. Стратегия государственного развития на современном этапе направлена на ускорение общественного прогресса и формирует новые принципы, которые призваны к обеспечению населения минимальными социальными гарантиями и способствованию повышению социального благополучия.

Ключевые слова: политика, социальная политика, социальная политика государства, развитие социальной политики, социальное государство, социальная сфера.

Социальная политика является неотъемлемой частью политики государства, которая первоначально относится к отношениям между социальными группами,

обществу и его членам, а также связана с изменениями в социальной структуре, улучшением качества жизни, образа жизни, ростом благосостояния общества и удовлетворением потребностей. Эти показатели являются основными, так как посредством их определяется уровень благосостояния любого государства, что связано с развитием государства в целом.

В настоящее время социальную политику государства понимают как для динамичного развития общественных отношений достаточно велико, так как влияние органов управления государства на социальную сферу населения, ее деятельность, направленную на удовлетворение социальных потребностей и изначально повышения уровня жизни, а также предоставления услуг населению социального характера [9].

Повышение степени социальной направленности развития государственной экономики определяется как необходимое условие для повышения качества жизни общества [10].

Социальное развитие в государстве зависит от эффективности управления социальной сферой правовых, методических, финансовых и информационных отраслей. Отсутствие же эффективности в управлении осложняет выбор стратегий развития социальной сферы, что повлияет на возникновении конфликтов при решении практических вопросов в ходе предоставления социальных услуг.

Следует отметить, что социальной политике государства необходимо учитывать помимо материальных, политических, еще и духовные интересы населения. В соответствии со статьей 7 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1].

В настоящее время социально-экономическая политика Правительства Российской Федерации определяется на основании приоритетов, которые сформулированы в Концепции долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года, посредством указов Президента РФ от 07.05.2012 года и в Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года [2].

Низкий уровень доходов населения и их дифференциация являются актуальной проблематикой в развитии социальной политики. Помимо этого, стоит отметить наличие острых вопросов в сфере здравоохранения и образования, пенсионных выплат и реальных доходов населения, а также наличие слабо защищенных слоев населения, включая бюджетную сферу, а также острый дефицит квалифицированных социальных кадров. Наряду с этим наблюдается асимметрия в сфере ведения государственной политики [11].

Социальная политика в прогнозный период должна обладать такими приоритетами, как:

- увеличением уровня оплаты труда отдельных категорий работников бюджетной сферы согласно с указами Президента РФ, развитием и реформированием пенсионного и социального обеспечения, а также увеличением адресности социальных выплат;
- реализацией мер, направленных на стимулирование трудовой мобильности населения, по профессиональной подготовке и переподготовке, создание новых рабочих мест;
- реализацией мер, которые направлены на упрощение процедуры привлечения иностранных квалифицированных специалистов, а также на либерализацию условий для их пребывания и осуществления трудовой деятельности в нашем государстве;

- развитием системы здравоохранения посредством реформирования системы обязательного медицинского страхования, модернизацией технологий и оборудования, формированием современных медицинских и перинатальных центров, реструктуризацией и увеличением доли медицинских учреждений новых организационно-правовых форм;

- развитием открытости системы образования, применением проектных методов, поддержкой лидеров в конкурсном выявлении, адресностью ресурсной поддержки и комплексным характером принимаемых решений;

- стимулированием жилищного строительства и развитием покупки жилья на ипотечных условиях [3].

Социальное расслоение населения в зависимости от уровня доходов и заработной плате говорит о недостаточной справедливости и нравственности распределительных отношений в Российской Федерации. Долгое время соотношение средней заработной платы 10 % работников с наибольшей и 10 % с наименьшей заработной платой сохранялось стабильным (25-30 раз), и только в последнее время происходит сближение различий [8]. Данная тенденция с одной стороны положительна, однако расслоение общества продолжает быть существенным. Это особо проявляется при сравнении его с подобным показателем в странах с развитой экономикой, где различия в уровнях трудовых доходов не превышают 5-7 раз [6].

Для преодоления социального расслоения общества государством используются меры, характерные рыночной экономике. Таковыми мерами являются установка минимальной заработной платы, системой подоходного налогообложения, а также индексация заработной платы и пособий.

Если говорить о бюджете на 2017-2019 годы, то в нем предусматривается индексация всех социальных выплат, включая пенсии. Со следующего года индексация всех социальных выплат будет проходить в едином порядке. Данная мера справедлива по отношению к гражданам, так как исключает любые неточности прогноза и увеличивает размер пособий [5].

На рис.1 показаны расходы Федерального бюджета на социальную политику, здравоохранение и образование.

РАСХОДЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА НА СОЦИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ, МЛРД РУБ.
Источник: Проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»

Рис. 1. Расходы Федерального бюджета на социальную политику, здравоохранение и образование

Увеличение расходов в 2017 году на социальную политику в нашей стране выросли на 9,8% по сравнению с 2016 годом. Но, на 2018 год такие расходы снижены на 2,4% в сравнении с 2017 годом. Это связано с единовременной выплатой пенсионерам в январе 2017 года в размере 5000 рублей [4].

Расходы на социальную политику с каждым годом растут. Размеры социальных выплат ежегодно увеличиваются, в соответствии с установленной законом индексацией. Наряду с этим наблюдается снижение расходов по отдельным видам выплат, отдельным категориям граждан, однако это зависит от сокращения численности получателей таких выплат. Так, можно привести в пример то, что снижены расходы на компенсацию в возмещение вреда гражданам, которые подверглись воздействию радиации, а также компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью граждан в связи с исполнением обязанностей военной службы по призыву.

Рис. 2. Уровень бедности в России в 2010-2016 гг.

По рисунку 2 наглядно видно, что уровень бедности в Российской Федерации в 1-м полугодии 2016 года стал меньше на 0,5 %, заявил главный экономист Всемирного банка (ВБ) по России Апурва Санги, уточняя что это произошло посредством замедление продовольственной инфляции. Согласно его утверждению, в 2017 и 2018 годах уровень бедности продолжит уменьшаться [7].

В настоящее время тема социальной справедливости в нашем государстве является серьезной проблемой, так как имеется ее дефицит в обществе. Такая проблема существует не только в нашей стране, данная проблема характерна для всех стран мира.

В заключение стоит отметить то, что Российская Федерация имела особенный путь развития социальной политики. На современном этапе данного развития в нашей стране идет разработка большого количества законов и нормативных документов в сфере государственного регулирования экономики в социальной сфере, которые направлены на создание благоприятных условий, комфортного проживания и удовлетворение потребностей общества. В социальной политике проводится

целенаправленная работа по снижению бедности, в том числе за счет перехода на принцип нуждаемости при оказании социальной поддержки граждан. Существование многих проблем присутствует, но наша страна осуществила большие достижения для повышения уровня жизни и благосостояния своего населения в области социальной политики.

Список литературы

1. <http://constitution.garant.ru> Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками)
2. <http://www.garant.ru> – Электронный ресурс Концепция долгосрочного социально-экономического развития на период до 2020 года
3. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях организации государственной социальной политики» // Российская газета. – 2012. – № 5775.
4. <http://www.gks.ru> – Труд и занятость в России. М.: Росстат.
5. <https://rg.ru> Российская газета – Столичный выпуск №7113 (245).
6. Асланова С.Х. Современные проблемы социальной политики государства и пути их совершенствования Журнал «Молодой учёный». № 9 (89). Май, 2015 г.
7. Загидуллина И.И. Проблемы бедности и социальной справедливости в Российской Федерации. №62-1, 2017г.
8. Изгияева М.Д. Социальная политика в современной России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Том 6. № 10А. С. 74-82.
9. Кушлин, В. Государственное регулирование экономики: Учебник. – М.: Экономика, 2013. – 496 с.
10. Мамаева Л.Н. Экономическая теория. Учебник. Изд-во «Феникс» Ростов-на-Дону. 2016. 365 с.
11. Самойлов, В. В. Государственно-правовое регулирование социально-экономических и политических процессов: Учебник. – М.: Юнити, 2013. – 272 с.

ОЦЕНКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ВО ВКЛАДЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ульянина А.С.

студентка 2 курса магистратуры Финансово-экономического института,
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень

В данной статье рассматривается динамика привлечения денежных средств населения во вклады коммерческих банков. Анализируется объем вкладов населения за последние 5 лет в национальной и иностранной валюте.

Ключевые слова: банк, вклады, сбережения, процентные ставки.

Важнейшим источником банковских пассивов являются наличные деньги на руках у населения. Рассматривая денежные доходы населения и пути их движения в хозяйстве, английский экономист Джон Мейнард Кейнс отмечал, что склонность населения к сбережениям – одна из главных причин сокращения реализации товаров, объемов производства и рабочих мест. В действительности подавляющая часть сбережений относится к «отложенному спросу», обусловленному накоплением денег для покупок товаров длительного пользования и других целевых нужд. С отложенным спросом связана основная работа коммерческих банков по привле-

чению денежных средств населения во вклады. Основные причины привлечения банками денежных средств населения во вклады – следующие:

1) вклады населения – это относительно дешевый ресурс для банка по сравнению с межбанковскими займами, банковскими векселями и другими финансовыми инструментами;

2) коммерческие банки могут привлечь достаточно много ресурсов;

3) денежные средства населения – это относительно стабильный ресурс для банка. От характера депозитов зависят виды ссудных операций, а соответственно, и размеры доходов банков.

4) частные вклады выгодны для банков, т.е. даже по текущим вкладам населения наблюдается существенно меньшая активность движения средств, чем по счетам предприятий и организаций. Что же касается срочных вкладов, то их размещение в банке создает практически идеальные условия для его деятельности.

Рассмотрим привлечение денежных средств физических лиц во вклады коммерческих банков.

Таблица 1

Доля сбережений физических лиц во вкладах (депозитах) в рублях, млн. руб.

	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	Темп роста
Средства клиентов, всего	23171 691	26455 846	27523 647	31286 296	34120 946	47%
Вклады (депозиты)	11743 146	13985 238	13699 086	16347 070	18471 993	57%
Доля всех средств во вкладах	51%	53%	50%	52%	54%	7%

Источник: [1]

Согласно данным, представленным в таблице 1 объем денежных средств физических лиц в период с 2012г. по 2016гг. увеличился на 47%, в абсолютном выражении рост составил 10 949 255 млн. руб. Доля денежных средств во вкладах коммерческих банков в рублях занимает в среднем от 50 до 54% всех денежных средств клиентов на счетах коммерческих банков, что подтверждает активную сберегательную позицию населения.

Яркий тренд 2014 -2015года – приоритеты вкладчиков сместились в сторону депозитов в иностранной валюте (таблица 2). В 2014-м вклады в иностранной валюте увеличились на 69% (2 трлн. руб), тогда как в рублях – сократились на 286 млрд рублей. Рост депозитов в валюте произошел в том числе за счет волатильности курсов [2, с. 115].

Что касается размещения денежных средств населения в валютные вклады, то на дату 01.01.2014 наблюдается активное увеличение денежных средств на счетах в иностранной валюте, а именно на 70% в относительном выражении, и на 6 313076 млн. руб. в абсолютном выражении. Это связано в первую очередь с увеличением курса доллара и евро.

Таблица 2

**Доля сбережений физических лиц во вкладах (депозитах)
в иностранной валюте, млн. руб.**

	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	Темп роста
Средства клиентов, всего	7336 151	8821 571	15134 647	20303 905	15992 564	118%
Вклады (депозиты)	2479 405	2953 123	4983 991	6912 395	5831 431	135%
Доля всех средств во вкладах	34%	33%	33%	34%	36%	8%

Источник: [1]

Большая часть населения начала активно размещать финансы в иностранной валюте, несмотря на то, что процентные ставки по депозитам в валюте ниже. Однако позитивный тренд в 2014 г. резко меняется на негативный тренд на снижение объема депозитов по результатам 01.01.2016 г. начал меняться благодаря обвалу рубля и повышению ключевой ставки Банка России [2].

В большинстве стран мира работа коммерческого банка опирается на три точки – ликвидность, платежеспособность и прибыльность. Поэтому для банков очень важно, чтобы вклады находились в обороте как можно большее время с надежной гарантией их хранения. Под этим углом зрения все вклады подразделяются на текущие (до востребования), срочные (на определенный период) и сберегательные (на длительное время хранения). Срочные вклады для банка, как правило, более привлекательны, так как в течение определенного срока позволяют банку хранить меньший резерв (т.е. обеспечивают ликвидность), чем по вкладам до востребования (некоторые могут изыматься в любое время). Таким образом, рост срочных вложений усиливает ликвидные позиции баланса банка. Вместе с тем значительный их прирост может уменьшить доходность операций банка, поэтому необходим анализ динамики и структуры пассивных операций по привлечению депозитов. Депозиты являются главным источником банковских ресурсов. Структура вкладов по ним в коммерческих банках изменяется в зависимости от конъюнктуры денежного рынка и государственного регулирования нормы процента по вкладам [3].

Вклады в национальную валюту со сроком от 1 года до 3 лет занимают большую долю всех размещенных во вклады средств, а именно 6 597 091 млн. руб., что составляет 35% всех денежных средств во вкладах. Такой выбор вкладчиков обусловлен величиной ставок по вкладам, примерно 7-8%. Размещение денежных средств во вклады на срок свыше трех лет составляет только 4 %. Вклады на срок до 30 дней у населения популярностью не пользуются совершенно, однако вклады до востребования, несмотря на наименьшую ставку по вкладам, имеют место быть 19% всех денежных средств во вкладах.

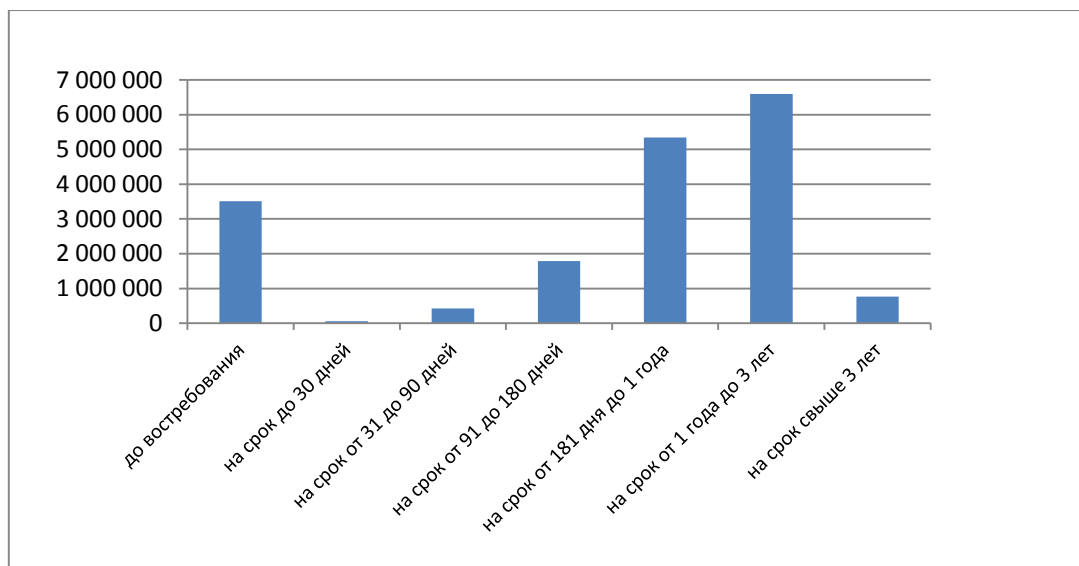

Рис. Динамика привлечения денежных средств во вклады физических лиц по срокам привлечения в 2016г. в рублях., млн.руб. (источник: [2])

Результаты мониторинга процентных ставок по вкладам в 100 крупнейших розничных банках свидетельствуют о продолжающемся снижении доходности вкладов. По итогам III квартала 2016 г. больше половины банков (71 из 100) снизили ставки. В 14 банках ставки повысились, в 15 – остались неизменными [2].

В отчетном периоде средний уровень ставок (взвешенных по объёму вкладов) по рублёвым годовым вкладам в размере 1 млн. руб. снизился на 0,2 п.п. до 7,6% годовых. Средние (невзвешенные) процентные ставки по аналогичным вкладам снизились на 0,4 п.п. до 8,8%.

Вследствие снижения инфляции процентные ставки по вкладам приносят положительную реальную доходность.

Таким образом, депозитная активность населения на протяжении пяти лет меняется. В связи с обвалом рубля и укрепления иностранной валюты в период с 2014г по 2015 увеличивается доля вкладов в иностранную валюту. Кроме этого к началу 2017г. население меняет позицию по размещению денежных средств во вклады до востребования, несмотря на снижение ставки и продолжает размещать денежные средства во вклады на срок от 1 до 3 лет. Кроме того, увеличилось количество вкладов среднесрочных, но объем размещенных денежных средств во вклады на срок свыше трех лет остался на том же уровне, что связано с недоверием населения к банковскому сектору Российской Федерации.

Список литературы

1. Данные об объемах привлеченных кредитными организациями вкладов (депозитов) физических лиц// Центральный банк/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/4-21a_12.htm&pid=pdko_sub&sid=dpbvf (дата обращения: 24.06.2017)
2. Динамика максимальной процентной ставки // Центральный банк / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: <http://cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 24.06.2017)
3. Обзор рынка вкладов физических лиц за 2013 год / АСВ [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.asv.org.ru/upload/iblock/c1f/awjbm%20wjilp%20arfdufa_2013_eik.pdf/ (дата обращения: 24.06.2017)

4. Сведения о средствах организаций, банковских депозитах (вкладах) других привлеченных средствах юридических и физических лиц в рублях, иностранной валюте и драгоценных металлах // Центральный банк/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2014&TblID=302-22> (дата обращения: 24.06.2017).

5. Тарханова Е.А. Банковское дело. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2015. – 304 с.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Хорюков Н.С.

магистрант первого курса специальности «Системный анализ и управление»,
Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина,
Россия, г. Саратов

В работе представлен анализ и прогноз демографической ситуации в Саратовской области, основанный на исследовании временных рядов. На основе корреляционного анализа выявлены основные связи между демографическими показателями; на основе анализа автокорреляционной функции проверена гипотеза о наличии тенденций в исследуемых рядах; выбирается лучший вид уравнения тренда. В результате строится прогноз развития демографического потенциала в Саратовской области на 2016-19 гг.; рассчитывается ошибка аппроксимации полученного прогноза.

Ключевые слова: анализ временных рядов, прогнозирование, демография.

В областях с ограниченным развитием производства и активно развитым АПК инвестиции в человеческий потенциал являются особенно важными с точки зрения политического и экономического развития этих территорий.

Поэтому вложения в развитие человека становятся не необходимыми издержками, а самыми эффективными инвестициями.

По материалам статистики демография изучает воспроизводство населения в целом и его компоненты как массовые социальные процессы, их количественные взаимосвязи с возрастно-половой структурой населения, зависимости от социальных и экономических явлений, характер взаимодействия роста населения с общественным развитием [1].

В нашей работе под словами «демографический потенциал» понимается человеческий потенциал территории, т.е. это количественный и качественный потенциал воспроизводства народонаселения определенной территории.

Объектом исследования стала Саратовская область, поскольку темпы развития экономики этой области требуют большого количества качественных трудовых ресурсов. А целью работы является изучение динамики демографической ситуации Саратовской области. В качестве предмета исследования были выбраны: общая численность населения; коэффициенты рождаемости и смертности; миграционный и естественный прирост населения.

Анализ рассмотренных данных за период с 1995 по 2015 г.г. показал (таблица) [2], что с каждым годом демографическое положение в Саратовской области постепенно ухудшается: сокращается численность населения в целом; коэффициент смертности в 1,5 раза выше коэффициента рождаемости. Наблюдается тенден-

ция переезда населения в города, т.е. сокращение сельского населения, что на наш взгляд связано с отсутствием рабочих мест на селе. Помимо этого, женщин в Саратовской области больше, чем мужчин, что связано, во-первых, с тем, что рождается женщин больше, а во-вторых, с тем, что мужская смертность выше.

Таблица

Демографические показатели Саратовской области

год	Числ-ть нас-я, тыс.чел	Удел. вес гор. нас-я, %	Кол-во жен. на 1 тыс.муж, %	Коэф-т рожд-ти (на 1 тыс.нас-я)	Коэф-т смерт-ти (на 1 тыс.нас-я)	Коэф-т естеств. прироста нас-я (на 1 тыс.нас-я)	Коэф-т миграц. прироста нас-я (на 1 тыс.нас-я)
1995	2706	74,6	13,6	13,4	11,8	1,6	13
1996	2737	73,4	12,7	8,9	14,5	-5,6	5
1997	2726	73,1	12,9	8,2	14,2	-6,0	18
1998	2721	73,0	13,0	7,9	14,1	-6,2	44
1999	2719	73,0	13,0	8,1	14,1	-6,0	51
2000	2709	72,9	13,3	7,9	15,2	-7,3	37
2001	2696	73,0	13,6	8,1	16,4	-8,3	36
2002	2677	73,1	13,9	8,2	16,3	-8,1	7
2003	2663	73,6	17,2	8,7	16,6	-7,9	3
2004	2644	73,5	17,6	9,1	17,0	-7,9	4
2005	2626	73,6	18,0	9,4	16,8	-7,4	7
2006	2608	73,7	18,3	9,0	16,8	-7,8	11
2007	2572	73,9	18,5	9,1	15,6	-6,5	14
2008	2558	74,1	18,7	10,2	15,3	-5,1	7
2009	2545	73,3	18,8	10,7	15,4	-4,7	-5
2010	2535	74,4	18,8	10,8	15,2	-4,4	5
2011	2519	74,6	18,8	10,8	15,7	-4,9	-15
2012	2509	74,8	18,9	10,7	14,5	-3,8	-4
2013	2503	74,8	18,9	11,4	14,3	-2,9	7
2014	2497	75,0	18,8	11,4	14,4	-3,0	2
2015	2493	75,2	18,7	11,6	14,1	-2,5	12

Таким образом, по демографическим процессам Саратовская область в настоящий момент имеет все проблемы развитого, урбанизированного, стареющего, сокращающегося общества.

Проводя корреляционный анализ можно отметить, что наибольшее положительное влияние на численность населения Саратовской области оказывает коэффициент миграционного прироста ($r=0,729$). Наибольшее негативное влияние – коэффициент рождаемости ($r=-0,637$). Также наблюдается сильная связь между коэффициентами рождаемости и смертности и естественным приростом населения ($r=0,893$ и $r=-0,839$ соответственно).

Проводя анализ представленных временных рядов с целью прогнозирования демографических процессов в Саратовской области, был проведён анализ автокорреляционной функции и выявлено наличие тренда в исследуемых рядах, поскольку наибольшее значение соответствует лагу $\tau=1$ [3]: $f(\tau=1)=0,97$; $f(\tau=2)=0,92$; $f(\tau=3)=0,91$; $f(\tau=3)=0,86$; $f(\tau=4)=0,84$; $f(\tau=5)=0,71$.

Для выявления лучшей формы тренда были сравнены линейная, квадратичная, показательная и гиперболическая функции. Наилучшим уравнением регрессии для моделирования численности населения стала линейная функция: $y_1 = 2771,67 - 14,035 \cdot t + \varepsilon$. Здесь параметры значимы по критерию Стьюдента;

коэффициент детерминации составил $R^2=0,958$ и он значим по критерию Фишера ($F=442,7 > F_{кр}=4,4$) [4].

Для временного ряда естественного прироста населения лучшей функцией стала квадратичная регрессия: $y_2 = -1,69 - 1,15 \cdot t + 0,056 \cdot t^2 + \varepsilon$, где $R^2=0,671$ и все параметры значимы.

Ряд миграционного прироста населения в Саратовской области должен описываться линейной функцией: $y_3 = 37,95 - 2,11 \cdot t + \varepsilon$, $R^2=0,645$ и параметры значимы.

Дальнейший анализ показал, что остальных слагаемых временного ряда, а именно периодичной и цикличной составляющих, в исследуемых рядах нет [5].

В качестве апробации построим прогноз демографических показателей для саратовской области на 2016-19 г.г.:

- для численности населения: $y_1(t=2016) = 2462,9$; $y_1(t=2017) = 2448,86$; $y_1(t=2018) = 2434,83$; $y_1(t=2019) = 2420,79$; коэффициент аппроксимации данной модели составляет $A=0,54\%$;

- для естественного прироста населения: $y_2(t=2016) = 0,349$; $y_2(t=2017) = 1,748$; $y_2(t=2018) = 3,262$; $y_2(t=2019) = 4,888$; коэффициент аппроксимации данной модели составляет $A=2,9\%$;

- для миграционного прироста населения: $y_2(t=2016) = 0,349$; $y_2(t=2017) = 1,748$; $y_2(t=2018) = 3,262$; $y_2(t=2019) = 4,888$; коэффициент аппроксимации данной модели составляет $A=9,2\%$.

Таким образом, анализ показывает негативный прогноз развития демографических процессов в Саратовской области, что, в свою очередь, может негативно сказаться на экономическом развитии региона. Традиционно для улучшения демографической ситуации предлагаются следующие мероприятия [6]:

- улучшение социально-экономических условий жизнедеятельности населения;
- поэтапное увеличение оплаты труда, пенсионного обеспечения;
- оптимизация внешних и внутренних миграционных потоков населения;
- стимулирование привлечения и закрепления специалистов в сельской местности.

На наш взгляд, предложенные мероприятия могут способствовать улучшению демографических процессов в Саратовской области, а также стабилизации экономического развития региона.

Список литературы

1. Королев М.А. Статистический словарь / М.: Финансы и статистика, 1989. – 632 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели // Стат. сб. / Госкомстат России (режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/sep_region.html)
3. Тиндова М.Г. Предварительная классификация многомерных объектов в интеллектуальном анализе данных // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – №4. – С. 137-138
4. Тиндова М.Г. Нечёткая модель оценки земельных участков // Журнал экономической теории. – 2010. – №4. – С. 170-179
5. Тиндова М.Г. Многомерный статистический анализ рынка недвижимости Германии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – №3. – С. 118-120.
6. Борисов В.А. Демография / М.: Издательский дом NOTABENE, 2001. – 272 с.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ¹

Ярашева А.В.

главный научный сотрудник, доктор экономических наук, профессор,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются возможности использования природных и трудовых ресурсов на примере регионов Дальневосточного Федерального округа – Камчатского и Приморского края. Автор акцентирует внимание на относительно низком уровне безработицы в этих субъектах Федерации и естественных преимуществах, способствующих инвестиционной привлекательности регионов.

Ключевые слова: Дальний Восток, регион, уровень безработицы, Камчатский край, Приморский край, природные ресурсы, трудовые ресурсы, инвестиции.

Дальневосточный федеральный округ (ДФО), образованный в соответствии с Указом Президента РФ №849 от 13.05.2000 г., обладает богатейшими запасами природных ресурсов, с уникальной флорой и фауной. Природные богатства позволяют эффективно развивать электроэнергетику, топливную, горнодобывающую промышленность, цветную металлургию. Это единственный макрорегион (Федеральный округ), территория которого полностью совпадает с территорией Дальневосточного экономического района. Кроме внутренних потенциальных возможностей, благодаря своему пограничному расположению, Дальний Восток использует сотрудничество с соседними странами – Китаем, Японией, Республикой Корея и Корейской Народно-Демократической Республикой – для экономического роста и обеспечения устойчивого развития.

По уровню безработицы Дальневосточный Федеральный округ немного отстает от средних показателей по России, но сохраняет одно из лидирующих мест среди благополучных по этому показателю макрорегионов (табл.1).

Таблица 1

**Динамика уровня безработицы по Федеральным округам в среднем за год
(по данным выборочных обследований рабочей силы) [3]**

	2000	2001	2002	2004	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2014	2015	2016
РФ	10,6	9,0	7,9	7,8	7,1	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,2	5,6	5,5
ЦФО	7,8	6,0	5,1	4,7	4,3	3,1	3,6	5,8	4,6	4,1	3,1	3,1	3,5	3,5
СЗФО	9,6	7,6	6,2	6,0	5,4	4,1	5,0	6,9	5,9	5,1	4,0	4,1	4,7	4,6
ЮФО	12,9	11,5	9,6	9,6	8,4	7,0	6,4	8,6	7,6	7,0	6,2	6,2	6,7	6,4
СКФО	20,4	18,7	17,4	18,8	22,6	19,2	15,7	16,0	16,5	14,5	13,1	11,2	11,1	11,0
ПФО	9,8	8,4	7,7	7,9	7,4	6,1	6,2	8,7	7,6	6,5	5,3	4,5	4,8	4,8
УФО	10,1	9,2	8,1	7,4	6,7	4,9	5,5	8,1	8,0	6,8	6,0	5,8	6,2	6,1
СФО	12,8	11,3	10,1	9,9	9,3	7,6	8,3	10,5	8,7	8,1	7,1	7,0	7,7	8,0
ДФО	12,6	10,2	8,7	8,9	7,9	6,6	7,7	9,2	8,6	7,4	6,7	6,4	6,3	5,8

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (проект № 17-06-00565 «Трудовая миграция на Дальнем Востоке и обеспечение трудовыми ресурсами территорий опережающего социально-экономического развития»).

За период с 2000 по 2016 год ДФО продемонстрировал (наряду с ЦФО) наилучшую динамику снижения уровня безработицы – более чем в 2 раза.

Если рассматривать ситуацию внутри округа, то наименьший уровень безработицы в 2016 г. зафиксирован в Чукотском автономном округе, в Камчатском крае, Магаданской области и Хабаровском крае (табл. 2).

Таблица 2

Динамика уровня безработицы в ДФО, % [3]

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Дальневосточный федеральный округ	8,6	7,4	6,7	6,5	6,4	6,3	5,8
Республика Саха (Якутия)	8,9	9,0	8,0	7,4	7,4	7,3	7,2
Камчатский край	7,0	6,1	5,8	5,7	6,1	4,5	4,1
Приморский край	9,5	8,0	6,9	7,1	6,9	6,9	6,0
Хабаровский край	8,9	6,6	6,4	5,7	5,9	5,3	5,0
Амурская область	6,9	6,0	5,3	6,1	5,6	5,8	5,9
Магаданская область	5,6	4,5	3,4	2,9	3,1	4,3	4,4
Сахалинская область	8,9	7,9	7,7	7,2	6,5	6,3	6,3
Еврейская автономная область	9,3	8,5	8,5	8,3	8,7	7,9	8,2
Чукотский автономный округ	4,5	5,6	4,3	3,3	3,2	4,0	3,5

Быстрее всего безработица снижалась в Камчатском крае и Приморском крае, что связано с активным социально-экономическим развитием этих регионов на основе имеющихся в них природных и трудовых ресурсов.

Рассмотрим первый их регионов. Камчатка обладает богатейшими биоресурсами: рыба, крабы, морская капуста. Рыболовная отрасль в этом субъекте Федерации дает 24 % общероссийских уловов (почти миллион тонн рыбы в год).

Вторым преимуществом региона является горнорудная промышленность. В крае идет активное строительство современных горно-обогатительных комбинатов и освоение новых месторождений. Так, например, по прогнозам, в ближайшие 5 лет объемы добычи золота увеличатся в 4 раза (до 12 тонн металла в год).

Третье стратегическое направление развития региона – круизный туризм. Эта отрасль привлекает инвестиции за счет строительства соответствующих причалов, морского вокзала и другой необходимой инфраструктуры. Туристско-рекреационная часть территории опережающего развития (ТОР) «Камчатка», предполагает создание современных курортных зон «Паратунка» и «Зеленовские озерки» и других проектов, которые позволят уже в ближайшие годы увеличить туристический поток в край до 100 тыс. чел. с перспективой роста до 800 тыс. туристов в год.

Таким образом, ТОР «Камчатка» обеспечит создание туристско-рекреационного кластера, современных промышленно-производственных комплексов и, в перспективе, транзитного контейнерного порта-хаба для накопления и сортировки контейнерных партий при транспортировке Северным морским путем. Можно предположить, что такой экономический рост будет способствовать активному созданию новых рабочих мест и увеличению спроса на трудовые ресурсы.

Для обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов нашей страны необходимо осуществлять комплекс мер по повышению инвестици-

онной привлекательности, как отдельных территорий, так и отдельных отраслей [4]. Рассмотрим с этой точки зрения второй из изучаемых регионов – Приморский край. Он также богат природными ресурсами, на основе которых развиваются основные отрасли экономики: рыбная промышленность, машиностроение и металлообработка, авиастроение, судостроение и судоремонт, лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия, химическая промышленность, а также угольная, легкая и пищевая.

Что касается агропромышленного комплекса, то основное развитие в крае получили: выращивание зерновых и кормовых культур, овощеводство, плодоводство, мясо-молочное животноводство, свиноводство, птицеводство, звероводство (норка), оленеводство.

Одно из важных преимуществ географического и приграничного положения края – морские порты: Владивосток, Находка, Восточный. Особую роль приобретает ТОР Приморского края в связи с проектом превращения порта Владивосток в свободный порт сроком на 70 лет с пролонгацией, в который поступят инвестиции из государственных и частных источников [2].

В таблице 3 представлены отрасли экономики, больше всего привлекающие инвестиции в Приморский край.

Таблица 3

Инвестиции в перспективные отрасли экономики Приморского края [1]

Отрасль	Инвестиции, млрд руб.	Рабочие места, тыс. чел.	Количество проектов
Транспорт и логистика	200	6	40
Агропромышленный комплекс	137	4	11
Строительство (недвижимость)	218	5	11
Рыбная отрасль	105	1,5	18
Туризм	300	2,6	40
Нефтегазохимия	1210	6,6	4
Электроэнергетика	200	2	4
Судостроительная отрасль	145	6,5	4
Лесная промышленность	7	1	6
Всего	2522	35,2	138

Можно увидеть, что с точки зрения объема инвестиций, на первом месте нефтегазохимия, за которой с большим отрывом расположились остальные отрасли. А вот рабочих мест будет создано примерно одинаково в судостроительной отрасли и нефтегазохимии.

Итак, важный инструмент для развития Камчатки – создание территорий опережающего социально-экономического развития, предусматривающих реализацию трех основных специализаций. Конечным результатом осуществления проекта станет создание современных курортов и предприятий, отвечающих международным требованиям с привлечением все новых инвестиций – российских и иностранных. В Приморском крае, использование имеющихся природных и трудовых ресурсов, приведет к созданию конкурентоспособного международного транспортного коридора и всей трансграничной инфраструктуры.

Список литературы

1. Инвестиционный паспорт Приморского края // Экономика Дальнего Востока. Август, 2017. С. 27.

2. Леженина Т.А. Модернизация экономического потенциала Дальнего Востока и Байкальского региона России // Региональные проблемы преобразования экономики. № 6. 2016. С. 61-67.
3. Федеральная служба государственной статистики / <http://www.gks.ru/>
4. Ярашева А.В. Инновационный процесс и инновационная стратегия критерия роста экономики // Экономика и управление. № 2. 2007. С. 52-56.

Подписано в печать 09.10.2017. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,37. Тираж 500 экз. Заказ № 261
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 1
ООО «АПНИ», 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а